ОНИ — МОИ БРАТЬЯ

ФЕЛИЦИЯ ЛАНГЕР

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРОГРЕСС»

اولئك اخوانى

تأليف: فليتسيا لانغر

ФЕЛИЦИЯ ЛАНГЕР

Предисловие
и общая редакция
В. И. Матузова

МОСКВА·ПРОГРЕСС·1979

Перевод с арабского **Е. С. Евсеева**
Редактор **Н. Б. Мальцева**

Редакция литературы по международным отношениям

Л $\frac{11105\text{-}902}{006(01)\text{-}79}$-26-79 0302030103

ПРЕДИСЛОВИЕ

В данной книге затрагивается одна из самых актуальных политических проблем, волнующих прогрессивное человечество,— вопрос о положении арабского народа Палестины. Она состоит из двух частей — книги Фелиции Лангер «Они — мои братья» в сокращенном варианте и подборки статей из западной прессы. События, отраженные в книге, относятся к периоду до заключения египетско-израильского сепаратного договора. Чтобы правильно разобраться в обстановке, необходимо рассмотреть палестинскую проблему в историческом аспекте. История этого вопроса весьма сложная. Западные органы массовой информации, в значительной степени находящиеся под воздействием сионистских организаций, за исключением отдельных публикаций, умышленно стремятся исказить подлинный характер событий, происходящих на Ближнем Востоке. Прежде всего это относится к палестинской проблеме. Однако, несмотря на все эти усилия, вопрос о судьбе палестинцев вновь со всей остротой поставлен на повестку дня в международных организациях.

Проблема арабского народа Палестины рассматривается сегодня как одна из основных проблем в деле достижения справедливого ближневосточного урегулирования. Она порождена агрессивной экспансионистской политикой империализма и правящих кругов Израиля на Ближнем Востоке. Эта проблема имеет глубокие исторические корни. В ходе реализации планов международных сионистских организаций, поставивших целью создание в Палестине еврейского государства (эти планы были изложены еще в манифесте группы Билу в 1882 году, а затем в решениях Базельского конгресса сионистов в 1897 году), значительные территории Палестины оказались в руках сионистов. Проникая в Палестину, сионисты использовали широкий арсенал средств. На первых порах проникновению придавали «законный» и «респектабельный» характер купли-продажи. За этой скупкой земель стояли мощные финансовые сионистские круги крупной еврейской буржуазии ведущих капиталистических стран, стремившейся к безусловной реализации всех своих планов на Ближнем

Востоке. Общность интересов международных сионистских организаций и всех сил империализма в этом вопросе обеспечивала им поддержку со стороны правящих кругов западных стран.

Продавая землю, арабские землевладельцы фактически навсегда лишались права купить ее обратно в будущем при любых обстоятельствах. Феодалы зачастую даже не проживали в Палестине и никогда не занимались обработкой своих участков. На них испокон веков трудились тысячи арабских крестьян, которые попросту изгонялись из своих домов после совершения сделки.

По мере усиления позиций сионистов в Палестине изменялась и их методика приобретения земель. Планы требовали широкого размаха деятельности, что никак не могло уложиться в рамки видимой законности. В этой связи с течением времени на ее соблюдение обращали все меньше внимания. Прямое поощрение захвату сионистскими организациями палестинских земель оказывали правящие круги Великобритании, осуществлявшей мандат над Палестиной. Наряду с практикой скупки земель при содействии колониальных властей широко применялся откровенный грубый захват, подкреплявшийся террором и изгнанием местного населения.

Одновременно с началом проведения в жизнь этой политики международных сионистских кругов и колониальных британских властей родилось сопротивление палестинцев. Период между двумя мировыми войнами ознаменовался широкой волной выступлений палестинцев. Однако эти выступления носили чаще всего стихийный характер. Арабская буржуазия Палестины, связанная с колониальной администрацией, реакционными кругами, находившимися тогда у власти в других арабских странах, вела двойственную политику. Это создавало благоприятные возможности для осуществления сионистами своих планов. Пренебрегая интересами как еврейского, так и арабского населения Палестины, они последовательно вели курс на создание в будущем в этом районе надежного аванпоста — защитника интересов империалистических монополий в борьбе с арабским национально-освободительным движением. В советской и зарубежной печати опубликовано много материалов об умышленном разжигании сионистами антисемитизма в странах Европы и Азии с целью подтолкнуть евреев к

переезду в Палестину. Во время второй мировой войны известны случаи прямого сотрудничества некоторых сионистских лидеров с нацистами в массовом истреблении еврейского населения и принуждения оставшихся в живых к переезду в Палестину.

Британский мандат на Палестину бесславно закончился в 1948 году. Тридцатилетний период правления Великобритании, знаменовавшийся претворением в жизнь декларации Бальфура о создании еврейского «национального очага» в этой стране, принес страдания многим миллионам — как арабам, так и евреям. В 1947 году еврейское население Палестины уже составляло 33%. После окончания мандата на Палестину Генеральная Ассамблея Организации Объединенных Наций, учитывая сложившуюся обстановку в стране, 29 ноября 1947 года приняла резолюцию № 181 об окончании мандата и разделе Палестины на два независимых государства — еврейское и арабское. Это решение так и не было выполнено в той его части, которая касается создания арабского государства. Развернувшийся террор сионистов против арабов, как на территориях, отходивших к еврейскому, так и арабскому государству, привел к тому, что 500 тысяч палестинских арабов оказались на положении беженцев. Для захвата новых земель и изгнания арабов активно использовались военные действия 1948—1949 годов. В мае 1948 года сионистские лидеры, воспользовавшись наличием подготовленного заранее государственного аппарата, в одностороннем порядке объявили о создании государства Израиль. Забегая вперед, можно отметить, что в декабре 1977 года XXXII сессия Генеральной Ассамблеи ООН приняла решение считать 29 ноября Днем международной солидарности с арабским народом Палестины, и генеральный секретарь ООН обратился ко всем правительствам с призывом отмечать этот день как национальный праздник государств.

В течение 30 лет своего существования Израилю не раз представлялись возможности установить нормальные отношения с соседними арабскими странами. Однако сионистская идеология, на которую опирается экспансионистская политика правящих кругов Израиля по отношению к соседям, толкала его на другой путь — на путь борьбы против прогрессивных арабских антиим-

периалистических режимов, на дальнейшие захваты арабских территорий. Последующие годы ознаменовались новыми территориальными захватами Израиля. Особенно крупными они были после войны 1967 года, когда под израильскую оккупацию попали обширные земли Западного берега реки Иордан, сектора Газы, Синайский полуостров, Голанские высоты. В результате развязанного израильтянами террора численность палестинских беженцев, покинувших свои дома, приближается к 2 млн. человек.

Оказавшись разделенным — частично вынужденный жить за пределами своей родины, а частично под оккупацией Израиля,— палестинский народ продолжал оказывать стойкое сопротивление израильской экспансионистской политике. Росту палестинского сопротивления способствовал и общий подъем в 50-е годы арабского национально-освободительного движения, непосредственный толчок которому дал разгром Советской Армией фашизма и последовавшее за этим начало краха всей колониальной системы. Прогрессивные силы на Арабском Востоке получили новый импульс в результате свершения в Египте в 1952 году антимонархической революции. Именно к этому времени относится появление первой палестинской вооруженной организации Фатх. Если в предыдущие годы сопротивление израильской оккупации носило стихийный характер, то в 60-е годы под воздействием растущего арабского антиимпериалистического движения, в условиях возникновения прогрессивных режимов, сформировалось и начало активную борьбу за права арабского народа Палестины Палестинское движение сопротивления, получившее в палестинских кругах название «палестинская революция». Первый успех палестинцев в борьбе против оккупантов 1 января 1965 года отмечается как начало вооруженной борьбы.

28 мая 1964 года в Иерусалиме на Палестинском национальном конгрессе, созванном по решению совещания глав арабских государств, было объявлено о создании Организации освобождения Палестины (ООП). В первые пять лет своей деятельности ООП прошла сложный период становления и организационного оформления. Допущенные ее прежним руководством ошибки активно использовались империалистическими

средствами массовой информации и Израилем для дискредитации справедливой борьбы палестинского народа, мешали правильной ориентации Палестинского движения сопротивления.

После июньской 1967 года агрессии Израиля против арабских стран отмечается резкое расширение деятельности палестинских организаций, появляется много новых вооруженных организаций. В октябре 1967 года возникает Народный фронт освобождения Палестины, от которого вскоре отделяются Демократический фронт освобождения Палестины и Народный фронт освобождения Палестины — главное командование. В 1968—1969 годах при содействии Сирии и Ирака создаются организации Саика и Арабский фронт освобождения. Возникновение многочисленных палестинских организаций, придерживавшихся различных идеологических взглядов, придало ООП более широкий характер, но одновременно и породило определенные трудности в ее деятельности, в выработке единых методов борьбы. В этой связи в 1969 году в Исполкоме ООП происходит реорганизация. Председателем Исполкома ООП избирается руководитель самой крупной палестинской организации Фатх, в его состав входят представители других ведущих организаций, видные независимые деятели. Заметная активизация деятельности ООП после проведенных изменений, особенно в начале 70-х годов, привлекла внимание мировой общественности. ООП получает растущую международную поддержку, усиливаются ее позиции среди арабских государств.

Империализм, Израиль и реакционные арабские круги со своей стороны предпринимают все меры для противодействия этой тенденции, стремятся ослабить военный потенциал, а затем добиться и полного разгрома Палестинского движения сопротивления. При прямой поддержке империализма реакционные силы спровоцировали события в Ливане (апрель 1969 года), а затем в Иордании (сентябрь 1970 года, июль 1971 года). После 1971 года основной базой деятельности ООП становится территория Ливана, где проживает около 300 тысяч палестинцев. С тех пор на этой стране концентрируется внимание империалистических и реакционных кругов. Израиль непрестанно нагнетает обстановку в приграничных районах, в действие приводятся все име-

ющиеся средства, в том числе и «пятая колонна» для провоцирования различных беспорядков в стране, вина за которые, как правило, приписывается палестинцам. Регулярные обстрелы южноливанских городов и деревень, рейды против палестинских лагерей, ливанских учреждений (нападение, например, на международный аэропорт Бейрута) ставили своей целью не только ослабить военные возможности палестинцев, но прежде всего возродить в стране атмосферу недовольства палестинским присутствием, подготовить почву для их разгрома руками ливанцев. Борьба против палестинцев велась не только военными методами, она захватила и сферу экономики. В своей книге «Ливан: 1958—1976 годы» известный буржуазный ливанский историк Камаль Салиби отмечает, что внешние круги еще задолго до широких военных действий против палестинцев стремились подорвать экономическую и финансовую основу палестинской буржуазии в Ливане. В частности, он приводит пример краха одного из крупнейших банков — банка Интра в Бейруте в 1969 году, отмечая, что фактически палестинцы контролировали его деятельность.

В результате внешнего вмешательства в дела Ливана в мае 1973 года произошли вооруженные столкновения между ливанской армией и палестинцами. Однако они явились лишь пробой сил перед основными событиями, развернувшимися в этой стране с весны 1975 года. В этих событиях нашли отражение попытки внешних империалистических сил и Израиля нанести удар по арабским антиимпериалистическим силам, прежде всего по Палестинскому движению сопротивления. Однако попытки разгромить палестинцев, отстранив их тем самым физически от процесса ближневосточного урегулирования, оказались безуспешными. Палестинское движение сопротивления вышло из испытаний еще более окрепшим и сплоченным.

Претерпела изменение и позиция ООП в отношении ближневосточного урегулирования. Если прежнее руководство этой организации делало ставку на нереалистические требования, то новые руководители ООП подошли со всей ответственностью к выработке тактики и стратегии Палестинского движения сопротивления. На 12-й сессии Национального совета Палестины (1974 год) — высшего органа палестин-

ской власти — было принято решение добиваться установления палестинской национальной власти на любой части территории, которая будет освобождена от израильской оккупации. Практически это означало согласие на создание независимого палестинского государства на Западном берегу реки Иордан и в секторе Газы. 13-я сессия Национального совета Палестины (1977 год) предоставила ООП право принимать участие в любых международных форумах, на которых будет обсуждаться палестинская проблема. Поскольку в этот период шла активная подготовка к созыву Женевской мирной конференции по Ближнему Востоку, это означало согласие ООП на участие в ее работе. Учитывая, что в работе конференции должен был принимать участие и Израиль, это решение подводило к признанию палестинцами Израиля де-факто.

Существенный ущерб усилиям, направленным на достижение справедливого ближневосточного урегулирования, был нанесен действиями египетского президента Садата, который предал интересы арабских народов, в первую очередь интересы палестинского народа, вступив на путь сепаратных сделок с Израилем. Реакция в арабском мире на соглашения между Египтом и Израилем в Кэмп-Дэвиде, выработанные при прямом участии США, особенно итоги встречи в верхах стран — участниц «Национального фронта стойкости и противодействия» и руководителей ООП в Дамаске, последовавшее за ней совещание глав арабских государств в Багдаде осенью 1978 года временно оказали сдерживающее влияние на египетского президента, содействовали дальнейшей мобилизации арабских народных масс на отпор капитулянтскому курсу. Однако 26 марта 1979 г., игнорируя широкие протесты в арабском мире, Садат все-таки подписал договор с Израилем. По мнению большинства обозревателей, подписание этого договора создало еще более взрывоопасную обстановку на Ближнем Востоке.

Успешная деятельность ООП на международной арене в последние годы в значительной степени связана с расширением политических методов борьбы этой организации. На Рабатском совещании глав арабских государств в 1974 году ООП была признана единственным законным представителем палестинского народа. Важ-

ным событием для палестинцев явились итоги работы XXIX сессии Генеральной Ассамблеи ООН. Представитель палестинского народа был приглашен для выступления на этой сессии. 25 ноября 1974 года Генеральная Ассамблея приняла резолюцию № 3236, в которой отмечается, что палестинский народ является одной из главных сторон в установлении справедливого и прочного мира на Ближнем Востоке, подтверждается неотъемлемое право палестинского народа на самоопределение, признается его право на восстановление своих прав всеми средствами в соответствии с целями и принципами Устава ООН. Генеральная Ассамблея обратилась с просьбой к генеральному секретарю ООН установить контакты с Организацией освобождения Палестины по всем вопросам, касающимся Палестины. В ООН и ассоциированных с ней организациях ООП был предоставлен статус наблюдателя. С 1974 года Генеральная Ассамблея регулярно рассматривает вопрос о правах палестинского народа, подтверждает свои прежние решения и призывает Израиль к их немедленному выполнению. Достаточно напомнить такой факт, что на XXXII сессии представители 131 государства проголосовали за резолюцию, осуждающую политику Израиля на оккупированных палестинских территориях. Израиль фактически оказался в полной изоляции. Даже поддерживающие его США предпочли воздержаться при голосовании. Таким образом, политика правящих кругов Израиля, идеология и практика сионизма получили достойную оценку у представителей подавляющего большинства стран — членов ООН, признавших, что «сионизм является формой расизма и расовой дискриминации».

Особенно глубокое осуждение мировой общественности встречают действия израильских властей на оккупированных территориях. Публикуемый в настоящей книге материал содержит убедительные свидетельства грубейшего нарушения Израилем прав целого народа, факты варварского обращения с палестинским населением. Все эти действия осуществляются во имя основной цели агрессора — вытеснения арабов со своих земель.

Борьба палестинских арабов на оккупированных территориях за свою землю приобрела в настоящее

время наиболее острый характер. Одним из широко применяемых демагогических приемов сионистов для введения в заблуждение мирового общественного мнения относительно фактического положения дел является стремление представить проводимую ими политику в респектабельном виде, придать ей вид «законности». Для прикрытия захватов они прибегают к юридическому крючкотворству, искажая само понятие законности. В этих целях в июле 1967 года правительством Израиля был принят ордонанс «О покинутом имуществе частных лиц», по которому узаконивались захваты арабской собственности в результате июньской агрессии. Израильские власти вынуждают арабов покидать свои жилища, подводя эти «меры» под действие подобного «законодательства».

Грубый произвол израильской администрации в отношении палестинского населения неоднократно осуждался международными организациями. Однако население Западного берега реки Иордан, сектора Газы по-прежнему подвергается безжалостным притеснениям: взрываются дома, проводятся массовые аресты с целью запугать людей, заставить их покинуть свои жилища, запретив им навсегда возвращаться к родным очагам, широко практикуется депортация нежелательных Израилю лиц.

22 марта 1979 г. Совет Безопасности ООН после длительных дебатов принял резолюцию № 466, в которой выразил глубокую озабоченность политикой Израиля на оккупированных территориях и учредил комиссию в составе трех членов Совета Безопасности для рассмотрения этого вопроса. Советский Союз отметил при этом, что практика израильских властей должна была бы получить более четкое осуждение, чем это записано в принятой резолюции. Совет Безопасности должен был бы рассмотреть вопрос о применении в отношении Израиля санкций, предусмотренных Уставом ООН *.

Не менее сложным является положение арабов, живущих в самом Израиле. Видный общественный деятель Израиля, мэр города Назарета Тауфик Зайяд в статье, опубликованной в боннском «Дритте вельт магацин», отмечает, что «захват арабских земель является основой

* Правда, 24.III.79 г.

стратегии сионизма, он возведен в ранг государственной политики Израиля». Еще в 1948—1950 годах израильское правительство приняло ряд постановлений и законов, легализующих захват собственности арабского населения. В 1948 году были приняты, например, «Ордонанс о покинутых районах», на основании которого любые земли, «завоеванные вооруженными силами или покинутые жителями полностью или частично», переходили в собственность израильского государства, а также чрезвычайное постановление правительства о присвоении собственности «отсутствующих лиц», которыми могут быть арабы, оставившие свои земли. Подлинным разоблачением истинной политики правящих кругов Израиля в отношении арабского населения явилась публикация меморандума, подготовленного ответственным сотрудником министерства внутренних дел Израиля Кенигом, известного как «документ Кенига». Обнародование откровенно расистских предложений, представленных Кенигом на рассмотрение правительства Израиля, поставило власти, пытающиеся скрыть эти факты от общественности, в крайне неудобное положение.

В целях закрепления политики аннексии и грабежа на оккупированных территориях создается широкая сеть военизированных поселений. Создавая такие поселения, Израиль стремится обеспечить свое господство над арабским населением, облегчить процесс подчинения и разобщения арабов. Председатель израильской Лиги защиты прав человека и гражданина, известный общественный деятель профессор Израэль Шахак также считает, что основные цели создания таких поселений заключаются в попытке расширить границы государства Израиль и обеспечить его постоянное господство над арабами.

Внутри страны власти проводят жесткую политику подавления национального самосознания арабского населения, мешая возможности его культурного развития, получения образования, условий для нормальной экономической жизни. Целые деревни лишаются воды, электричества, медицинского обслуживания. Эти меры направлены на ликвидацию независимой материальной основы существования арабов, вынуждая их стать дешевой рабочей силой для еврейских промышленных объектов и сельскохозяйственных поселений.

Много усилий израильская пропаганда прилагает к тому, чтобы доказать, что палестинского народа нет, что его не существовало. Однако палестинские арабы существуют. Их насчитывается сейчас около трех с половиной миллионов. Вычеркнуть их из истории сионистам невероятно трудно. На оккупированных территориях Западного берега Иордана и в Газе проживает сегодня более 1,5 млн. человек. Около 500 тыс. палестинских арабов живет в самом Израиле, и более 1,5 млн. человек находится на положении беженцев.

Израильская политика подавления встретила решительное противодействие со стороны всех слоев палестинских арабов. С 1973 года на оккупированных землях активно действует Палестинский национальный фронт, который одержал убедительную победу на муниципальных выборах в апреле 1976 года. Выборы, организованные оккупационными властями с целью протащить своих ставленников в руководство муниципалитетов, практически прошли под лозунгом единства палестинского народа, поддержки ООП как его единственного законного представителя. Власти ответили террором на выступления палестинских патриотов, посадив тысячи безвинных людей за решетку, порой по одному лишь подозрению в антипатии к оккупационной политике агрессоров и сочувствию Организации освобождения Палестины.

Публикуемые главы из книги известной общественной деятельницы, адвоката и журналистки Фелиции Лангер являются гневным обличением преступлений, совершаемых сионистскими правящими кругами Израиля. Фелиция Лангер родилась в 1930 году. С 20 лет работала простой рабочей на многих предприятиях. В 1951 году она вступила в ряды компартии. В настоящее время Фелиция Лангер — член ЦК Компартии Израиля, член Исполкома израильской Лиги защиты прав человека и гражданина. Закончив в 1965 году юридический факультет Иерусалимского университета, она активно занимается адвокатской практикой. Основными ее подзащитными являются жертвы террора израильских властей. Показательно, что приводимые Фелицией Лангер факты «судебных разбирательств» еще раз подтверждают аннексионистский характер политики израильских властей, распространивших свое законодатель-

ство на оккупированные территории, превращая их де-факто в собственность израильского государства. Осужденные на основании израильских законов палестинцы, пытаясь добиться осуществления своих прав, освобождения из тюрьмы, вынуждены апеллировать опять же в Верховный суд Израиля.

Выпущенная Фелицией Лангер книга «Собственными глазами» (1974 год) и публикуемая здесь «Они — мои братья» содержат обширный документальный материал о мужественной борьбе палестинского народа за свои законные национальные права и человеческое достоинство. Вопрос об изощренных пытках тысяч людей в израильских застенках, обвиненных порой только в том, что они не согласны с существующим режимом оккупации, неоднократно рассматривался в различных международных организациях. Фелиция Лангер, в частности, выступала в Женеве перед специальной комиссией ООН, перед специальной комиссией Международного Красного Креста, которые пришли к выводу о наличии серьезных нарушений Израилем прав человека. Фелиция Лангер раскрыла мировому общественному мнению многие факты массовых коллективных наказаний.

Как очевидец событий Фелиция Лангер разоблачает расистский характер политики угнетения и подавления, проводимый правящими сионистскими кругами Израиля на оккупированных землях, которая тщательно скрывается официальной пропагандой.

В настоящее время на оккупированных землях военные власти усиливают террор, пытаясь заглушить протесты палестинцев против предательской политики Садата, стремясь навязать им куцую «автономию», фактически оформляющую «законность» закрепления навечно режима оккупации.

Борьба арабского народа Палестины за свои законные права находит твердую и последовательную поддержку народов Советского Союза. Принципиальная позиция Советского государства по вопросу восстановления прав палестинцев высоко оценивается руководителями ООП и среди палестинских народных масс. Советский Союз выступает за достижение всеобъемлющего справедливого ближневосточного урегулирования, в основе которого лежит полный вывод войск Израиля со

всех оккупированных в 1967 году арабских территорий, за осуществление законных национальных прав арабского народа Палестины, включая право на самоопределение и создание собственного государства, право на возвращение к своим очагам в соответствии с резолюциями ООН, за обеспечение независимого существования и безопасности как всех арабских государств — соседей Израиля, так и государства Израиль.

В Советском Союзе с 1975 года действует представительство ООП, в 1978 году создан Советский комитет дружбы и солидарности с арабским народом Палестины.

Выступая с Отчетным докладом на XXV съезде КПСС, товарищ Л. И. Брежнев заявил: «На Ближнем Востоке сейчас нет войны. Но нет там и мира, а тем более спокойствия. И кто отважится поручиться, что пламя военных действий не вспыхнет вновь. Такая опасность будет сохраняться, пока израильские армии остаются на оккупированных землях. Она будет сохраняться, пока лишены своих законных прав и живут в отчаянных условиях сотни тысяч палестинцев, изгнанных со своих земель, и арабский народ Палестины лишен возможности создать свое национальное государство».

Справедливое решение проблемы палестинского народа явилось бы важным вкладом в укрепление дела разрядки международной напряженности, способствовало бы сохранению мира во всем мире. Как подчеркивал товарищ Л. И. Брежнев во время беседы с Я. Арафатом в марте 1978 года, «Советский Союз неизменно выступает и будет выступать на стороне справедливого дела арабского народа Палестины, который стойко ведет борьбу за свою свободу и национальную независимость».

ЧАСТЬ I

ОНИ – МОИ БРАТЬЯ

ДЕНЬ СЕГОДНЯШНИЙ В ОБРАЗАХ ВЧЕРАШНЕГО

Машина мчала нас по дороге в Наблус *, по выжженной солнцем равнине. Мои попутчики разговаривали о политических событиях последнего времени, порожденных октябрьской войной **. Мысли мои возвращают меня к образам вчерашнего дня... Я взяла на себя дело оказания помощи родителям Бесама Амира и Ваджиди Камхауи из Наблуса. Члены Лиги защиты прав человека и депутаты кнессета — коммунисты добились разрешения на свидание с арестованными еще в начале 1974 года. Недавно я подала настоятельное требование в Верховный суд и получила возможность посетить арестованных Бесама Амира и Ваджиди Камхауи, один из которых содержался в заключении в Аль-Халиле, а другой — в Дженине. Мне нужно было увидеть обоих в один и тот же день, чтобы передать хоть какие-то сведения их обеспокоенным родственникам.

Особенно сильно переживала семья Амира. Глава семьи Абу Бесам рассказал мне, что его второй сын находится в заточении в тюрьме Наблуса. А третий сын, которому исполнилось лишь пятнадцать, однажды отправился в учебную поездку в сторону Иерихона и не вернулся домой. Те, кому довелось видеть его в последний раз, сообщили отцу, что видели, как его уводили израильские солдаты...

В тюрьме Аль-Халиль мне пришлось выдержать острую словесную стычку с охранниками. Несмотря на имевшееся у меня разрешение Верховного суда на свидание родителей с арестованным сыном, они отказывались их пропустить. Мне сказали, что как адвокат я имею право на визит, а родственники — ни в коем случае.

Наконец после долгого спора нас пропустили в узкую темную камеру, в дальнем углу которой находился Бе-

* *Наблус* — оккупированный Израилем город на Западном берегу реки Иордан.— *Здесь и далее примечания переводчика обозначаются «звездочкой».*

** Имеются в виду военные действия на Ближнем Востоке в октябре 1973 года, во время которых израильские агрессоры понесли наиболее крупные потери.

сам. Когда он заговорил, мои нервы напряглись до предела: его голос был хрипл и едва слышен. Несчастный парень рассказал, как его насильно держали на койке, сначала облив холодной водой, а затем всего засыпав льдом. Разнообразя пытки, мучители вставляли между связанными запястьями рук железный прут и вращали его до тех пор, пока не проступала кровь. «В морозные ночи,— продолжал, хрипло дыша, Бесам,— меня выводили на тюремный двор и оставляли там голым на полчаса. Затем приходили тюремщики и били до тех пор, пока я не падал».

Слезы гнева и жалости наполняли глаза отца Бесама, в полном изнеможении сидела его мать, а он продолжал:

— Во время допросов они утверждали, будто бы я знаю, кто пытался совершить нападение на военного губернатора Наблуса, требовали, чтобы я назвал имена. Затем меня пытались заставить подписать ложное признание. Но я отказался наотрез и сказал, что лучше умру, чем уступлю своим мучителям.

Свидание закончилось. Мы вернулись в машину, где нас ждал отец Ваджиди. Он спросил:

— Ну, как Бесам?

Ответом ему было долгое молчание. Однако и молчать было невыносимо. Мы стали рассказывать о том, что видели. Здесь Абу Бесам, до сих пор не проронивший ни слова, вдруг сказал:

— В своей жизни я не сделал зла ни одному живому существу, я никогда не питал злобы к людям. А теперь я готов на все...

Мы задержались в Аль-Халиле и опаздывали в Дженин, где предстояло свидание отца Ваджиди с сыном. Наконец мы у ворот тюрьмы. Короткий разговор. Громкие свистки. Все рассчитано, чтобы произвести определенное впечатление на посетителей.

Привели Ваджиди. Он выглядел несколько лучше Бесама, но рассказ его был так же тягостен.

— Они били меня, глумясь, плевали в насильно раскрытый рот. Вскоре меня перевели в военную тюрьму. Там мне заливали в рот соленую воду и зверски избивали. Требовали рассказать подробности о покушении на военного губернатора. Но я сказал, что целая сотня лавочников Наблуса может подтвердить, что меня не

было на месте происшествия. На мои слова никто не обращал внимания.

После свидания с моими подзащитными я направила министру полиции и министру обороны Израиля письмо, где требовала, чтобы военный трибунал Наблуса освободил обоих юношей в связи с полным отсутствием доказательств их вины. 13 февраля 1975 года состоялось заседание трибунала. Я рассказала судье о пытках, которым подвергались в заключении Бесам и Ваджиди, предложив ему самому удостовериться в этом и взглянуть на обезображенные руки Бесама, но судья с холодным равнодушием обронил:

— Кто знает, отчего на его руках синие полосы и какими были руки раньше?!

Я продолжала настаивать и показала на незажившие раны на обеих руках Бесама, которые точно совпадали со следами наручников: Бесам в камере трибунала был в тех же наручниках, что и в тюрьме.

Полицейский офицер в ответ на мои слова громко захохотал. Откровенно издеваясь, он игриво заметил:

— Видно, такие отметочки появились у твоего подопечного потому, что ему не очень аккуратно приладили наручники. Давай-ка попробуем во время перерыва проделать этот эксперимент на твоих ручках.

Не отказал себе в удовольствии поглумиться и судья, в конце концов отклонивший все мои доводы.

Мне удалось освободить Ваджиди, но Бесам оставался в тюрьме под административным арестом * еще больше года, без суда и следствия. На мои протесты и жалобы, направленные министрам, приходил стереотипный ответ: «Жалобы безосновательны. Ничего подобного не случалось».

Некоторое время спустя меня попросили заняться делом двоюродного брата Бесама Набиля Умейра, который на тележке развозил овощи по улочкам Наблуса. Он — представитель самых обездоленных слоев. Его

* Израильские власти широко практикуют так называемые «административные» аресты в отношении любого араба, заподозренного в симпатиях к Палестинскому движению сопротивления. Эта мера насильственного содержания людей в заключении практикуется как в самом Израиле, так и на оккупированных арабских территориях.

сын Бакр, человек отменного здоровья, едва попав в тюрьму Наблуса, где ему предстояло отбывать срок, неожиданно скончался.

— Он — жертва ваших тюрем,— сказал его отец,— жертва вашей проклятой оккупации...

В тюрьме томится другой его сын — Зухейр. А сейчас в тюрьме оказался и последний сын, опора семьи — Набиль. В марте 1974 года я навестила его. Лицо Набиля было бледным, изможденным, на подбородке рана с наложенными свежими швами.

— Что толку с того, что вы пришли ко мне сейчас,— сказал он,— после того, как они изуродовали меня. Спросите вот этого надзирателя, он подтвердит, как было дело.

Я повернулась к надзирателю, он утвердительно кивнул головой. Набиль рассказал, что сразу же после ареста его привели в здание военного губернатора, где майор Джони обрушился на него с кулаками. Сильными ударами в подбородок и челюсть Набиль был сбит с ног, после чего Джони схватил его за волосы и поволок по полу. Набиль потерял сознание. Но это оказалось лишь началом. Набиля доставили в следственную камеру. К оконной раме был привинчен металлический шест, с которого свисали железные цепи. Отведенные назад руки и ноги Набиля крепко связали веревкой и, подвесив его на шест, начали раскачивать. При этом один из следователей бил Набиля по ступням ног... Я увидела, что пальцы на ногах Набиля черного цвета.

Набиля пытали почти беспрерывно, ночью и днем. Майор Джони с издевкой говорил ему, что пророк Моисей дробил камень до тех пор, пока из него не ударила струя воды.

— Я — против фашизма и нацизма, Фелиция,— сказал мне Набиль взволнованно,— я осуждаю варварские акции нацистов по отношению к вам, евреям. Но действия Джони и ему подобных можно сравнить с тем, что делали фашисты...

— Иногда мне кажется, что я схожу с ума,— сказал Набиль.— Мои палачи время от времени приходят ко мне и советуют покончить с собой. Я обращаюсь ко всем, у кого есть совесть: выступайте против злодеяний, которые здесь вершатся в тайне!

Набиль вышел из тюрьмы. В канун этого события новое горе обрушилось на его брата Зухейра. По истечении трехлетнего срока заключения ему было объявлено, что военный комендант приказал назначить дополнительный срок лишения свободы. Выходит, приговора судей для Зухейра недостаточно!

Зухейр все еще находится в тюрьме. Прошло уже двадцать месяцев дополнительного срока, но он может быть продлен на неопределенное время в любой момент.

— Побоялись бы бога,— сказал отец, узнав об этом.— Неужели у них не осталось ни капли совести?!

ПРЕВЕНТИВНЫЕ АРЕСТЫ

Все годы, в течение которых мне приходится иметь дело с оккупационными властями, я неоднократно пыталась определить мотивы, лежащие в основе той или иной карательной акции. На основании опыта многих лет я пришла к выводу, что наряду с ненавистью, пренебрежением, жестокостью по отношению к арабским народам действия властей определяет и другой, не менее важный фактор. Этим фактором является страх. Да, страх перед народом, честь которого они топчут, а права безжалостно попирают.

Источник этого страха, не дающего покоя властям, не столько бомбы в руках арабов, сколько забастовки, и упорная приверженность своей нации, и любовь к своей земле и родине. Источник страха и рука, протянутая для рукопожатия израильтянам — сторонникам мира. Наш народ скован страхом до весьма опасных пределов. В будущем мы не сможем сказать, что у нас нет выбора, ибо это оправдание уже давно потеряло свой смысл. А следовательно, нашим лидерам не удастся заставить нас молча проливать кровь на полях сражений. Известно, что тот, кто боится мира, который лишает его военных трофеев и награбленных богатств и который возвращает другим законные права, тот, кто ставит палки в колеса любым усилиям в направлении достижения этого мира,— обречен на страх и вечную тревогу.

Издающаяся в Восточном Иерусалиме газета «Шааб» сообщила, что «в прошлый вторник» полиция отдала приказ об аресте сроком на три месяца двух юношей —

Якуба Фарраха и Фарука ас-Сальфити, которые до этого задерживались уже несколько раз. Стало известно также, что полиция арестовала большую группу учителей, врачей и инженеров. Аресты были произведены в Иерусалиме, Бейт Ляхме, Бейт Сахуре, Рамаллахе, Дженине, Тулькарме и Калькилийе. Среди арестованных оказался Аднан Дагер, секретарь профсоюза строительных рабочих Рамаллаха.

Средства массовой информации Израиля пытались оправдать эти аресты, распространяя лживые домыслы, мобилизуя еврейское общественное мнение против коммунистов, утверждепия о наличии связи между кампанией арестов и серией взрывов, прогремевших в последнее время в некоторых районах Израиля и на оккупированных территориях.

Однако средства массовой информации вынуждены были признать, что проводимая в стране кампания террора является отражением страха властей перед лицом растущей политической активности Палестинского национального фронта.

В числе арестованных находился инженер Хосни Хаддад из Бейт Ляхма, с которым я была знакома много лет, учитель из Бейт Сахура Абдель Маджид Хамдан, рабочий Аталла ар-Рашмави, также из Бейт Сахура.

Родственники поручили мне взять на себя защиту сыновей. Я начала бесконечные поездки по тюрьмам.

На этот раз мне сразу стало ясно, что сотрудники «Шин-Бет» * делают все, чтобы воспрепятствовать моим встречам с заключенными.

29 апреля 1974 года я отправилась в тюрьму Халиля, где встретилась с Аталлой ар-Рашмави и Абдель Маджидом Хамданом, которые все еще не знали причин своего ареста. Неожиданно, задыхаясь от спешки, появился начальник тюрьмы. Он приказал мне немедленно прекратить встречу, утверждая, что она состоялась лишь по досадной ошибке. Инструкции заместителя военного коменданта Халиля категорически запрещают встречи с арестованными.

— Вы сможете встретиться с ними через месяц,— добавил он.

---

* *«Шин-Бет»* — сокращенное название израильской службы безопасности.

Позднее я узнала, что власти отдали приказ об административном аресте моих подзащитных сроком на три месяца.

„У НАС, МОЯ ГОСПОЖА, НЕ ПЫТАЮТ, УВЕРЯЮ ВАС“

Именно эти слова запечатлелись в моей памяти после того, как администрация отклонила мою просьбу о встрече с Махмудом Шукейром, Аидом Нимром, Хасаном Харбом и другими... Однако это лишь усилило мои опасения, и я обратилась к начальнику тюрьмы.

— Не стоит трудиться объяснять мне причину отказа,— сказала я.— Из долгого опыта общения с вами я достаточно хорошо вас узнала. Поэтому я согласна не разговаривать с моими подзащитными. Мне будет достаточно просто взглянуть на них.

Начальник тюрьмы долго консультировался с «шинбетовцами».

В этой просьбе мне категорически отказали.

— Уверяю вас, они в полном порядке,— пытаясь смягчить отказ, сказал начальник тюрьмы.— У нас, госпожа, не пытают.

Мне приходилось встречаться с заключенными, которые, не совершив никакого преступления, по нескольку месяцев томятся в тюрьме. Но не успевают они выйти на свободу, как их хватают снова. Так и видишь, как они появляются и опять исчезают.

Последним, кого я видела в тюрьме, был молодой Аид Нимр из Айн Арейка, неподалеку от Рамаллаха. Его лицо было изуродовано воспалившимися ранами. На мой вопрос о ранах он ответил:

— Это следы пыток. 23 апреля 1974 года я жаловался на пытки представителю Международного Красного Креста. Но это не подействовало на тюремщиков. После ухода представителя меня повалили на пол и начали бить ногами. Дважды попали в лицо, поглядите на мою руку...

На его запястьях были отчетливо видны следы от наручников — лиловые воспалившиеся синяки.

— Это видели все заключенные,— добавил он.

— В чем тебя обвиняют? — спросила я.

— В принадлежности к Палестинскому национальному фронту.

Я потребовала проведения в тюрьме медицинского освидетельствования.

— Мы не отвечаем за результаты следствия, проводимого «Шин-Бет»,— ответили тюремщики.

— Я теперь могу оценить, сколько стоят ваши заверения... в том, что здесь нет пыток,— сказала я начальнику тюрьмы.

Он промолчал.

ХАЛИЛЬ И РАМАЛЛАХ. МАЙ 1974 ГОДА

...Сегодня у Военного суда в Халиле толпятся люди. Это неудивительно. После относительного затишья, которое царило в этом районе со времени октябрьской войны, военные судьи радуются своей первой «добыче».

В Рамаллахе напряженная обстановка. Толпы людей собрались у городской тюрьмы. Большинство узников арестованы в «профилактических целях» в канун годовщины создания Израиля. Однако «профилактика» быстро превратилась в «самолечение», приняв характер трехмесячного административного ареста, сопровождаемого «ритуалами» избиений, жестоких пыток, содержания в одиночках и строжайшей изоляции.

Сегодня трибунал занимается разбором пустяковых дел — работа в Израиле без специального разрешения, вредительство в заповедниках и т. д.

Перед судом предстает мужчина преклонного возраста.

— Почему ты работал, не имея на это разрешения?

— Они не давали мне разрешения. Что же мне было делать? К тому же и работал я всего один день.

Судья ограничился штрафом в размере 40 лир. Вместо штрафа обвиняемый мог неделю отсидеть в тюрьме.

Следующий обвиняемый — смуглолицый молодой человек. Он взял в качестве сувенира камень из заповедного места Айн Фашха на Мертвом море.

— Это опасное преступление в полном смысле этого слова! Нам следует проучить тех, кто не уважает правила поведения в заповедниках,— говорит прокурор.

Парень ничего не понимает,

— Я не знал, что это запрещено,— говорит он.— Ведь там нет таблички с запрещением.

— Если каждый будет вести себя так же, как ты,— заявляет судья,— то что же нам останется?! Я надеюсь, что ты больше не повторишь своего поступка.

— Безусловно, не повторю. Если вы говорите, что это запрещено, значит, это действительно запрещено.

Суд предоставил ему выбор: между уплатой денежного штрафа и тюремным заключением.

Родственники подсудимых толпятся у ограды суда, ожидая, когда адвокаты принесут им радостную весть о том, что они могут встретиться со своими детьми.

Незаметно проходит день. Лица людей становятся тревожными: с наступлением сумерек исчезает последняя надежда.

— До каких пор, господи? — произносит кто-то шепотом.

ЛОНДОН — ТЕЛЬ-АВИВ, 1974 ГОД

Дождливый и холодный лондонский май заставляет забыть о том, что вокруг весна. В перерывах между докладами мы обсуждаем будущее нашего региона, говорим о правах палестинцев, о перспективах Израиля в том случае, если он откажется от своих экспансионистских планов и сговора с американским империализмом. Я с воодушевлением рассказываю своим коллегам о прогрессивных палестинских деятелях, томящихся за тюремными решетками за то, что они протягивают нашему народу руку мира.

Перед моими глазами возникают образы людей, борющихся с мраком. Я отчетливо представляю себе залитое кровью лицо Аида Нимра.

В начале июня после короткой остановки в Париже я отправилась домой, в Израиль. Из окна самолета я смотрела на высокие облака, старалась увидеть в их причудливых формах лица тех, кто томится в мрачных застенках.

Солнце встретило меня приветливо, не в пример сотрудникам «Шин-Бет», которые не скрывали враждебности, давая мне понять, что я — персона нон грата. Однако вскоре я с головой ушла в дела. Механизм пыток продолжал работать в полную силу.

Информацию о пытках я получила от адвоката Хана Наккара, которого во время моей поездки за границу я попросила встретиться с рядом заключенных. Вместе с адвокатом Али Рафа он побывал в тюрьме Наблуса, где встретился с Ахмедом Дахдулем[1], Джемалем Фурей-

[1] Ахмед Дахдуль умер в военной машине, которая 22 марта 1976 года везла его в полицейский участок Тулькарма. По просьбе его жены я потребовала провести освидетельствование. При этом я направила письмо, раскрывающее подробности этого ужасного случая:

«Покойный, житель города Сальфит, был арестован 21 марта 1976 года и предстал перед военным комендантом Тулькарма. После допроса его освободили. 22 марта 1976 года полиция арестовала его в собственном доме. Ахмеда Дахдуля посадили в машину, чтобы доставить в участок Тулькарма. В машине находились и другие арестованные из Сальфита. По пути в участок на глазах у других задержанных солдаты избили его до смерти. Он скончался до того, как машина прибыла в Тулькарм. Несмотря на это, в официальном акте сообщалось, что он умер от сердечного приступа. Официально это противоречит тому факту, что покойный никогда в жизни не жаловался на сердце. Именно это утверждает врач из Сальфита Мамдух Афуан, которому приходилось несколько раз обследовать Ахмеда Дахдуля и который хорошо знает его лично. Кроме того, истица, уполномочившая меня, а также свидетели, видевшие, как солдаты избивали Ахмеда Дахдуля, утверждают, что именно избиение стало причиной его смерти. Истица прямо обвиняет военного коменданта Тулькарма в том, что он отдал солдатам распоряжение об этой зверской расправе. Она ссылается на сделанное им (то есть военным комендантом) в присутствии сына покойного предостережение, а также на угрозы расправы, выразившиеся в словах: «Во всяком случае, у нас есть другой способ».

Вторым доказательством, на которое опирается истица, являются показания очевидцев, находившихся в машине. Они заявили, что по дороге из Наблуса в Тулькарм, а точнее, у деревни Анбата, им встретилась машина коменданта, который, указывая пальцем на покойного, сказал: «Вот этот человек!»

Все, кто находился в машине вместе с покойным, утверждают, что измышления о его естественной смерти лишены каких-либо оснований.

Семья покойного утверждает, что их заявление об отказе от проведения вскрытия является клеветой и искажением истины, так как родственники в присутствии доктора Мамдуха Афуана просили Институт судебной медицины провести вскрытие.

Покойный был видным общественным деятелем, известным в своем городе и за его пределами.

На основании всего вышеизложенного перед глазами вырисовываются ужасные обстоятельства подлой акции, предпринятой против беззащитного человека и приведшей к его смерти. Ответственность за нее полностью ложится на плечи тех, кто организовал это преступление и исполнил его. Я требую назна-

тиджем, Мохаммадом Аббасом Абдель Хакком, Халилем Хиджази и другими арестованными. Они рассказали ему о различных видах пыток, которым подвергались в тюрьме.

Тридцативосьмилетний Халиль Хиджази, отец трех детей, пожаловался на то, что с самого ареста его нещадно били деревянной палкой. На третий день варварских пыток его перевели в резиденцию военного коменданта Рамаллаха, где раздели догола и избивали всю ночь. Его подвешивали к потолку, когда он терял сознание, его обрызгивали холодной водой и все начинали сначала. Пытки продолжались до рассвета, пока палачи не устали. Халилю Хиджази угрожали, что, если он будет отвергать предъявленные ему обвинения, его ждет судьба студента Таштуши, которого убили в тюрьме Наблуса.

Наконец, Халилю Хиджази сказали, что существует лишь четыре выхода из положения. Первые три — в руках тюремщиков, поскольку они могут либо засудить его, либо свести с ума, либо попросту выслать в Иорданию. Четвертый выход — признание — зависит только от него самого.

Он ответил, что ничего не знает, что ему нечего им сообщить. Тогда Халилю Хиджази стали угрожать, что сожгут его дом, а жену превратят в проститутку.

Через два дня после этого к нему пришли полицейские и приказали одеваться для встречи с женой, которую якобы отдали на потеху четырем солдатам.

Халиль Хиджази вошел в комнату, где рядом с надзирательницей сидела его жена, и протянул ей руки, но ему не дали поздороваться с ней и грубо вытолкали из помещения. Затем Халиля Хиджази связали, надели на голову мешок и в машине пограничных войск отправили в Москобийю[1]. По пути его били и пинали ногами. После ужасных пыток в Москобийе и Рамаллахе, продол-

---

чить комиссию по расследованию для выяснения мотивов преступления и сбора свидетельских показаний. Я требую также, чтобы мне разрешили участвовать в работе комиссии и ознакомиться с показаниями очевидцев. Я открыто требую, чтобы виновный понес наказание, которое послужило бы уроком для тех, кто вынашивает в своей душе ненависть к заключенным-арабам и считает, что их кровь ничего не стоит».

[1] Тюрьма в Иерусалиме.

жавшихся 20 дней, его вернули в тюрьму Наблуса, где его ожидали новые мучения.

Халиля Хиджази поместили в тесную камеру, пол которой был усеян острыми камнями, и заставили голым лечь на эти камни. Есть ему давали засохшие хлебные крошки. Иногда его заставляли подолгу стоять на одной ноге, связанными руками удерживая на весу стул. Во время таких «процедур» Халиля Хиджази били, осыпали ругательствами, плевали в лицо. Когда он начинал шататься от усталости, его возвращали в исходное положение с помощью палки...

Мохаммаду Аббасу Абдель Хакку 38 лет. У него трое детей, он работает инженером при муниципалитете Наблуса. История пыток, рассказанная им, во многом похожа на то, что было изложено выше. Острые камни, удары по подошвам ног, ожоги сигаретами, тесная камера, привязывание рук к двери...

Мы понимали, что нужно немедленно обратиться к общественному мнению. Израильская Лига защиты прав человека * срочно устроила пресс-конференцию в Тель-Авиве, на которой наряду с адвокатами арестованных присутствовали руководитель Лиги профессор Шахак и его заместитель писатель Мордахай Аби Шауль. Собравшиеся на пресс-конференции журналисты ознакомились с дополнительными разъяснениями по существу дела и получили брошюры, специально подготовленные членами Лиги. Журналистам были даны исчерпывающие ответы на их вопросы.

Газеты, вышедшие на следующее утро, ни словом не упомянули о пресс-конференции. Вокруг террора и расправ, которым подвергаются арабы, существует заговор молчания. Но пока коммунистическая партия находится в самой гуще борьбы, такое умалчивание властей вряд ли может увенчаться успехом. Генеральный секретарь Компартии Израиля Меир Вильнер подает срочный меморандум на имя главы правительства. Одновременно де-

---

* *Израильская Лига защиты прав человека и гражданина* возникла по инициативе профессора Израэля Шахака. Выступает против расистской дискриминационной политики властей. Ее председатель И. Шахак известен своими устными и письменными выступлениями против антиарабской политики израильского государства. Ему принадлежит разоблачительная книга «Расизм государства Израиль».

легация Демократического движения женщин Израиля направляется к президенту, навещает семьи арестованных в Наблусе и Рамаллахе.

Одновременно Лига защиты прав человека устраивает мощную кампанию в печати, вскрывающую факты пыток и произвола в отношении арабов, что само по себе представляет опасность для государства Израиль и его будущего.

СУДНЫЙ ДЕНЬ

Зал заседаний Верховного суда переполнен до отказа. На сегодня, 2 июля 1974 года, назначено заслушивание ходатайств.

Прежде чем я успела произнести слово, Государственный прокурор доктор Хашин сделал выпад в мой адрес.

— У госпожи Лангер,— сказал он громко,— есть пишущая машинка, и она забрасывает суд ходатайствами, как будто у нас нет других дел. Более того, каждое ходатайство она сопровождает организацией шумной пропагандистской кампании, словно у нас действительно пытают заключенных!

Эти слова вывели меня из себя. Я поднялась и категорически отвергла его заявление. На следующее утро я решила посетить тюрьму Халиля, чтобы повидаться с заключенными.

Начальник тюрьмы Аль-Джальма сообщил мне, что свидание состоится в секторе камер-изоляторов в северной части здания. Мы обогнули ограду и через глухие металлические ворота вошли в длинный мрачный коридор, по обе стороны которого находились пустые помещения. На стенах — таблички с надписью: «Вне зоны» [1]. Здесь царит мертвая тишина.

За свиданием наблюдал Абу Набиль, «галантный» сотрудник «Шин-Бет», на которого до сих пор никто не жаловался, поскольку он играл роль «доброго следователя». Того самого, который приходит на помощь, когда ты уже по горло сыт побоями и пытками, чтобы погово-

[1] Такие таблички обычно вывешиваются на дверях помещений, принадлежащих израильской контрразведке.

рить с тобой «по душам», чтобы убедить тебя сознаться ему во всем по собственной воле.

В просторном помещении — никакой мебели, кроме стола пепельного цвета, за которым тотчас же устроился Абу Набиль. Он взял ручку, лист бумаги и приготовился записывать.

Привели Халиля Хиджази. Я видела его впервые. Он шел, переваливаясь на широко расставленных ногах. (Позднее мне объяснили, что ожоги половых органов причиняли ему нестерпимую боль и не давали возможности ходить нормальным шагом.) Увидев мое волнение, он попытался успокоить меня. В этот волнующий момент я впервые столкнулась с неиссякаемым жизнелюбием этого измученного пытками человека. Я попросила Халиля рассказать о том, что ему довелось пережить.

— Сразу же после ареста,— начал он свой рассказ,— я подвергся жестоким побоям и пыткам. Я говорил об этом адвокатам Наккара и Рафиа, когда они навестили меня в тюрьме Наблуса 4 июня 1974 года. Потом меня перевели в военную тюрьму, где били палкой по голове, пока не хлынула кровь и не залила обнаженное тело. Тогда они привели санитара, он перевязал мои раны. После этого мне связали руки и, подвесив меня к створке шкафа, начали бить по ступням...

Халиль показал свои ноги, обезображенные ударами палкой. На пальцах ног чернели набухшие синяки. Увидала я и свежие, едва затянувшиеся раны на локтях, в том месте, где следователи до крови стягивали их железными наручниками.

— Десять дней я провел на ложе из острых камней,— сказал Халиль.— Я не мог встать на ноги, был не в состоянии ходить. Из-за того, что меня били по зубам, я практически не мог есть.

Никогда еще мир не казался мне таким черным, никогда тоска с такой силой не наполняла мою грудь, как в тот момент, когда я сердцем и воображением сопереживала, слушая горькую историю Халиля. Однако высокий моральный дух, который, несмотря на все страдания, сохранил Халиль, вдохнул и в меня спокойствие и оптимизм.

Обращаясь ко мне и Абу Набилю, он с горькой усмешкой сказал о своих мучителях:

— Когда я говорил о мире и мирном сосуществовании между двумя народами, они избивали меня с беспрецедентной жестокостью. Неужели это до такой степени раздражало их?

Пришел черед Джемаля Фурейтиджа. Синяк чернеет под его левым глазом. Я дала ему зеркальце. Он посмотрел на свое лицо, исхудавшее и бледное, с запавшими глазами. Тяжело дыша, дрожащим слабым голосом Джемаль начал рассказывать свою историю. О том, как сорок дней назад его перевели в военную тюрьму, раздели догола и бросили на землю, утыканную острыми камнями. Тело его покрылось кровоточащими ссадинами. Он показал мне свою изуродованную коленку, опухшее ухо. На это ухо он перестал слышать. Рассказал и о том, как 20 дней провел в железных оковах. Из-за этого каждое движение теперь стоит ему большого труда, вызывает нестерпимую боль. Все сорок дней он не видел солнечного света...

Хасан Харб выглядел не лучше, чем остальные товарищи. Он был истощен до крайней степени и еле держался на ногах. Хасан сказал, что его перевели в военную тюрьму 11 июня. Там с него сорвали одежду, натянули на голову мешок и, бросив на пол, усеянный острыми камнями, поволокли по коридору. На теле тут же выступила кровь. На его правом предплечье я заметила следы едва затянувшейся раны. Хасан сообщил, что допрашивающие становились ногами ему на грудь и живот и давили всей своей тяжестью. Один из них ударил Хасана твердым предметом по голове, и он потерял сознание.

Он тоже был доставлен в военную тюрьму, но там его не пытали, выяснив, что у него туберкулез и любая пытка неизбежно приведет к смерти...

За воротами тюрьмы мне предстояло встретиться с родственниками, развеять их тревогу за судьбу близких. Я всеми силами пыталась скрыть от них чувства, теснившиеся в моей груди, сохранить спокойное выражение лица. Сделать это мне не удалось. Я рассказала им правду. Простили ли они мне эту человеческую слабость?

В борьбу за освобождение узников, томящихся в тюрьмах, активно включились женщины: жена Абдал-

лы Буйерата, мать известного поэта Халиля Тума, мать Якуба Фарраха, жены Мохаммада и Хусейна Абу Гарабийа... Всех не перечислишь. Их выступления оставили глубокий след в сердцах тех, кто их видел и слышал.

ХОСНИ И АТАЛЛА

Хосни Хаддада, инженера из Бейт Ляхма, я знаю давно. Я встретилась с ним в тюрьме Халиля через два дня после моего посещения тюрьмы Аль-Джальма. Он сильно исхудал и был смертельно бледен. Пожимая руку Хосни, я заметила, что зрачки его глаз обведены кровавым окружьем. Мне стало страшно. Сгорбленный, с потухшим взглядом, он казался значительно старше своих лет.

26 мая 1974 года его доставили в военную тюрьму, где, связанный по рукам и ногам, он провел 32 дня в камере с полом, утыканным острыми камнями. На пытки его вытаскивали, волоча на цепи и надев на голову черный мешок.

В перерывах между пытками Хосни возвращали в камеру размером 85 × 85 см и высотой 150 см. Пол камеры был усеян острыми камнями. Чтобы лишить его возможности отдохнуть или забыться в коротком сне, на отведенные за спину руки Хосни надевали наручники.

Описывая еду, которую ему приносили, Хосни сказал, что это была настоящая пытка голодом. За весь период пребывания в тюрьме ему ни разу не пришлось попробовать нормальной человеческой пищи. За это время он потерял в весе около десяти килограммов.

В тот период он узнал, что Халиль Хиджази, Аталла ар-Рашмави, Мохаммад Аббас Абдель Хакк и Джемаль Фурейтидж находятся в той же тюрьме. Хосни слышал, как они кричали во время пыток. Их крики разрывали ночную тишину и болью отдавались в сердце...

Хосни показал мне ступни ног, которые допрашивающие прижигали сигаретами. Некоторые ожоги еще не успели зажить.

Хосни сообщил, что ему угрожали отправкой в лагерь, находящийся далеко, в песках Синайской пустыни...

Аталла ар-Рашмави[1]. Плотный, ладно скроенный человек, по профессии строительный рабочий. После пыток, аналогичных тем, которым подвергался Хосни Хаддад, он выглядел осунувшимся и бледным. Однажды Аталлу избили так жестоко, что он почувствовал приближение смерти. Он показал мне почерневшие ногти на ногах, раскрошенные ударами палки. Антисанитария и плохое питание. Это действительно так, но не в этом дело. Аталла сказал мне, что во время допросов его, как и остальных товарищей, обвиняли в принадлежности к Иорданской компартии и Патриотическому фронту...

С тех пор прошли месяцы, а мне все никак не удается избавиться от возникающих перед моими глазами образов Хосни Хаддада и Аталлы ар-Рашмави.

Иногда мне хочется кричать, ругаться, молить о помощи! Но жестокая действительность не дает мне права на такую «роскошь». Мне следует сохранять уравновешенность. Тихонечко забиться в угол и дать волю своему воображению, мечтая о светлом завтрашнем дне, когда из тюремных камер сделают музеи...

---

[1] 12 марта 1976 года на Западном берегу состоялись муниципальные выборы, ознаменовавшиеся успехом ПНФ и прошедшие под лозунгом «Нет оккупации». Все патриотические силы заявили о своей поддержке ООП. Открытое вмешательство израильских оккупационных властей не дало результатов.

В итоге напряженных усилий за несколько минут до истечения срока выдвижения кандидатур нам удалось внести имя Аталлы ар-Рашмави в список кандидатов на муниципальных выборах в Бейт Сахуре. Это произошло после того, как ему разрешили в тюрьме Аль-Халиль в присутствии адвоката Зайяда Джасира и майора Алекса Рамати поставить свою подпись на некоторых необходимых документах.

Аталла ар-Рашмави получил 1318 голосов. Он занял четвертое место в списке из восьми претендентов на членство в Муниципальном совете. Исполняя желание избирателей, мы развернули широкую борьбу за его освобождение. Более того, Муниципальный совет Бейт Сахура объявил, что не приступит к работе до освобождения одного из своих членов, находящегося в заключении.

В Наблусе в муниципалитет был избран Хальдун Абдель Хакк, который до этого был подвергнут административному заключению. Его выпустили за несколько месяцев до выборов.

Несмотря на репрессии властей, кандидаты патриотических и прогрессивных сил победили во всех уголках Западного берега. Это наглядно свидетельствовало о провале израильской политики и решительном отпоре палестинцев планам закрепления оккупации.

„ПАПА, КОГДА ТЕБЕ РАЗРЕШАТ ВЕРНУТЬСЯ ДОМОЙ?“

Его имя — Бакр Абдель Хакк. Ему 4 года. Вместе с матерью и сестренкой, которая на год старше его, он пришел навестить своего отца, находящегося в заключении в тюрьме Аль-Джальма. Тюрьма окружена горами, зеленые кроны деревьев скрывают ее от постороннего взгляда.

Мать с детьми входят в безлюдный двор. Стоит полная тишина. Здесь находятся камеры строгой изоляции, и именно это обстоятельство объясняет царящее тут безмолвие: никто не разговаривает с заключенными, которые содержатся в одиночках и лишены даже ежедневной прогулки...

Хальдун Абдель Хакк прижимает к груди сына Бакра.

— Папа, когда тебе разрешат вернуться домой? — наивно спрашивает ребенок.

— Не знаю,— отвечает отец.

Мальчик беспомощно смотрит по сторонам и повторяет свой вопрос. Отец молчит, а мать бросает тревожный взгляд на сумрачного охранника, который присутствует при свидании.

Хальдун Абдель Хакк рассказывает о том, что ему довелось пережить.

— Меня препроводили в военную тюрьму,— говорит он.— Там раздели догола. «Как вам не стыдно поступать так с человеком моего возраста»,— сказал я, протестуя против этого насилия. Один из солдат жестоко избил меня. «Я гожусь тебе в отцы,— сказал я ему,— как же у тебя поднимается рука бить меня?»

После этого меня подвесили за руки и оставили в таком положении на длительное время. Позднее меня поместили в камеру, усеянную мелкими острыми камнями, а оттуда перевели в закуток размером 60×60 см и высотой 120 см. Невозможно было ни встать, вытянувшись в полный рост, ни лечь.

Маленький Бакр не слушал, а если до его слуха и доносились отцовские слова, то вряд ли он что-либо понимал. А вот сестра глядела на отца застывшими от

ужаса глазами. Сам того не подозревая, Бакр снял напряжение.

— Папа,— сказал он,— я принес тебе инжиру.— Он гордо протянул отцу несколько завернутых в бумагу плодов.

— Бери, они с нашего инжирового дерева.

Пока Хальдун с наслаждением ел инжир, его жена молча сидела рядом. Он смотрел на нее с нежностью, зная, что она на последнем месяце беременности.

— Назови сына Фарадж,— сказал он ей.

На лице женщины впервые появилась улыбка. В этот момент истекло время свидания, на которое было выделено 15 минут.

— Конец свидания,— объявил охранник.

Моя вторая встреча с Хальдуном произошла в канцелярии тюрьмы. На ней присутствовал сотрудник контрразведки Абу Набиль. Несмотря на то, что Хальдун два года провел в заключении, его улыбка не померкла. Он был весел, с его открытого лица не сходило насмешливое выражение, означавшее полнейшее пренебрежение к тяготам тюремной жизни. Он был по-настоящему несгибаемым человеком...

ПЕЧАЛЬНАЯ ИСТОРИЯ МОХАММАДА АТВАНА

Мохаммад Атван, 56 лет. Мохаммада выпустили на свободу после месяца пыток во время допросов. Ему так и не предъявили никакого обвинения. Он рассказал мне о том, как его избивали в подвалах Москобийи, куда он попал 8 мая 1974 года. Он был бледен, его голос звучал еле слышно. На свободе Мохаммад пробыл совсем недолго. 3 июня 1974 года его снова вызвали в полицейский участок Иерусалима. Когда на следующий день он пришел в мой офис, на нем не было лица. Мохаммад рассказал мне, что четверо мужчин окружили его и начали избивать, едва лишь он переступил порог кабинета. Били по всему телу, особенно стараясь попасть в голову и половые органы. В течение четверти часа его заставляли держать в руке стул, угрожая проломить голову, если он осмелится отпустить его. У Мохаммада закружилась голова, и, окончательно обессилев, он потерял сознание.

Когда он пришел в себя, его вытащили в коридор и вложили в руку какую-то бумажку. После этого вытолкали из участка. Он развернул бумажку и увидел, что это повестка, предписывающая ему явиться в участок на следующее утро. Он пришел ко мне, задыхаясь от спешки, и попросил меня сопровождать его в полицию, опасаясь, что попадет в беду, если отправится туда один. 4 июня в сопровождении Валида Фахума я пошла в следственный отдел полиции Иерусалима. Встретившись с одним из ответственных чиновников, я объяснила ему, что у Мохаммада Атвана есть все основания опасаться повторения случившегося с ним вчера. Я сказала этому человеку, что он несет прямую ответственность за любой ущерб, который может быть нанесен Мохаммаду. Мой собеседник проявил понимание и обещал мне разобраться во всем, особенно когда убедился в том, что состояние здоровья Мохаммада оставляет желать лучшего.

Однако на рассвете следующего дня Атван снова появился в моем офисе. Покачиваясь от изнеможения, он протянул мне повестку. Неожиданно ноги его подогнулись и он упал без сознания. Мой секретарь Иона бросился к нему на помощь. Из амбулатории, где провели медицинское освидетельствование, обнаружив серьезные повреждения половых органов, Атвана направили в больницу Хоспис в восточной части Иерусалима. Там 5 июня его навестили представители Международного Красного Креста.

В начале 1976 года меня посетил корреспондент английской газеты «Обзервер» Эрик Сильвер. Он наводил справки по делу моего подзащитного Шауки Хатыба, сообщившего о пытках, которым его подвергали во время следствия.

Я напомнила Сильверу, что, когда в октябре прошлого года я была в Лондоне, газета «Обзервер» взяла у меня интервью, но оно так и не было опубликовано. Вместо него газета напечатала статью журналиста Лижома, утверждавшего, что все разговоры о пытках в Израиле являются ложью, а утверждения адвоката Лангер совершенно беспочвенны. Я направила в адрес газеты письмо протеста. Сильверу я заявила о своей готовности вместе с ним заняться расследованием фактов. Однако он не принял моего предложения, отделавшись обычной в таких случаях отговоркой, что газета не сможет ничего

опубликовать, пока ей не будут представлены неопровержимые доказательства.

— Мне кажется,— сказала я насмешливо,— что англичане отличаются двояким подходом к делу. Это полностью согласуется с вашими колониальными традициями, которые позволяют вам признавать тот или иной факт или попросту избегать его в зависимости от собственных интересов.

Мистер Сильвер поднял брови и задумчиво сказал:

— Возможно, вы правы.

Я предложила ему посетить Атвана, подвергавшегося пыткам и находящегося в настоящее время за пределами тюрьмы. Он согласился, и вскоре после операции, сделанной Атвану, мы навестили его в больнице. Сильвер внимательно выслушал его показания, ознакомился с актом медицинского освидетельствования, выданным больницей Хоснис, осмотрел следы пыток на теле Атвана.

Тем не менее «Обзервер» мало что опубликовала. Это не могло не вызвать недоумение. Неужели все, что своими глазами увидел корреспондент этой респектабельной газеты, было признано недостаточным?

ОПРАВДАНИЕ ПОСЛЕ РАССЛЕДОВАНИЯ ПО СУЩЕСТВУ ЖАЛОБ

Всерьез взволнованная мощной волной репрессий и пыток, я, наверное, в тысячный раз направила выдержанную в весьма резком тоне жалобу на имя министра полиции. В ней я подробно писала о различных методах истязаний и пыток, которым подвергаются заключенные арабы в тюремных застенках. Я требовала неотложного проведения медицинского освидетельствования заключенных, в первую очередь тех, на теле которых еще сохранились следы пыток.

Между тем совместно со стажирующимся в моем офисе адвокатом Валидом Фахумом я вновь наведалась в тюрьму Рамаллаха, где встретилась с находившимся под административным арестом Абдаллой Буйератом. Жена Абдаллы ожидала нас за воротами тюрьмы.

Абдалла рассказал нам, что в первые четыре дня по-

сле ареста (с 5 по 9 мая) его совершенно голым оставляли в камере, пинали ногами... В ночь на 8 мая ему надели на глаза повязку и приказали стоять, не меняя позы. Он потерял сознание от страшных ударов палкой по голове и другим частям тела. Из-за сильного удара в ухо он частично потерял слух.

9 мая его перевели в тюрьму Бейт Ляхма. В машине охранники надели ему на голову мешок, защелкнули на руках наручники и жестоко избили. Удары, пинки, затрещины летели со всех сторон. Его тело покрылось синяками и кровоточащими ссадинами. По прибытии в тюрьму Абдаллу на 28 дней заперли в одиночной камере, а после этого перевели в тюрьму Халиля, где ему пришлось пережить самые страшные пытки. Особо усердствовал светлокожий, плотно сбитый офицер лет двадцати пяти. Он неоднократно обещал Абдалле раздробить кости и говорил, что ждет лишь специального распоряжения.

Абдалла рассказал нам, как допрашивающие ставили его лицом к стене и били по затылку, при каждом ударе он больно ударялся лбом о стену.

25 июня он был вновь переведен в тюрьму Рамаллаха, здесь его уже не пытали. Абдалла всерьез опасался, что раны, нанесенные ему во время пыток, превратили его в инвалида.

Все эти печальные истории похожи одна на другую. Разве что Абдалле в отличие от других не довелось пережить ужасов военной тюрьмы. Однако, несмотря на это, его имя было внесено в список, прилагаемый к жалобе, на том основании, что пытки, которым он подвергся, привели к значительной потере слуха.

Ответ министра полиции не заставил себя долго ждать. Как обычно, жалоба была полностью отклонена. Более того, Сулейману Фурейтиджу, Халилю Хиджази и другим, на чьих телах еще не зарубцевались следы истязаний, не оказали даже необходимой медицинской помощи.

При создавшемся положении впервые за все эти годы я решила обратиться в Верховный суд с требованием обязать министра полиции учредить специальную комиссию по расследованию обстоятельств, изложенных в жалобах моих подзащитных с учетом всего, что довелось увидеть и установить во время моего пребывания за гра-

ницей адвокатам Ханне Наккара и Валиду Фахуму, а также Али Рафа.

Я прибегла к этому шагу, считая его единственным оставшимся у меня законным каналом.

Предпринятый шаг я использовала и для того, чтобы продемонстрировать Верховному суду уклонение полиции от расследования фактов.

Фарс начался с того, что меня вызвали к одному из высших офицеров полиции Тель-Авива для допроса по поводу жалоб. Первая встреча продолжалась пять часов, в течение которых я беседовала с человеком, не жалевшим усилий для сокрытия фактов, которые ему надлежало выяснить. Я нарисовала ему живую и исчерпывающую картину всего, что мне довелось увидеть в тюрьмах. В подтверждение своих слов я сослалась на сотрудника «Шин-Бет» Абу Набиля, который присутствовал при моих встречах с заключенными. Тут высокопоставленный следователь перебил меня.

— Но Абу Набиль все это отрицает,— заявил он.

— В этом случае,— сказала я,— нет сомнения в том, что ваш Абу Набиль слеп и глух. А иначе что же с ним стряслось? Ведь он сидел рядом со мной и видел и слышал то же самое, что и я.

— А не могло ли случиться,— сказал мой высокопоставленный собеседник,— что заключенные сами нанесли себе увечья с целью ошельмовать полицию и подорвать ее авторитет в глазах общественного мнения?

При этих словах я чуть было не расхохоталась, сдержавшись лишь потому, что дело, по которому я пришла, было слишком печальным. Ну и забавный же следователь!

Что касается допроса самих жалобщиков, то он был проведен еще более «беспристрастно». Произвести его поручили Бен Ицхаку, известному своей глубокой ненавистью к арабам.

Поначалу заключенные отказались разговаривать с ним, но, посоветовавшись, решили добиться его отстранения, давая показания в письменной форме на арабском языке.

Я настоятельно требовала от Верховного суда отстранения Бен Ицхака и замены его беспристрастным следователем.

Наконец комиссия по расследованию подала в апелляционную комиссию отчет, который с виду казался детальным и исчерпывающим, а на деле был полон уловок и софизмов. Так, безжалостные следователи из «Шин-Бет» предстали в нем ягнятами, которые мухи не обидят!

Во время обсуждения положений отчета, комментируя мою жалобу на необъективность комиссии, которая, по моим словам, бессовестно издевалась над страданиями людей, судья Кохин сказал:

— Все комиссии, назначенные полицией, пришли к одинаковому выводу: никаких пыток не было. Сколько бы вы ни протестовали, вам будет не так-то просто доказать правоту своих измышлений и подкрепить их неопровержимыми доказательствами.

После такого удара меня охватило полное отчаяние, исчезли последние надежды. Тем временем сотрудники полиции и «Шин-Бет» злорадно посмеивались надо мной за глаза. Однако я понимала, что дело, начавшееся с неудачи на официальном уровне, приобрело широкую известность у людей. Это обстоятельство в значительной степени рассеяло мою горечь, и я вздохнула с облегчением. Особенно отрадным было то, что зарубежная пресса осудила необъективность комиссии, а местная печать избавила нас от нападок, предпочитая молчать, лишь бы не сказать и слова о пытках.

Главной моей заботой стало хотя бы на время остановить механизм пыток. Но как известно, ветер не всегда дует в наши паруса. Вопрос о наказании виновных остается открытым в ожидании, когда «разверзнутся небесные хляби» и каждый получит то, чего заслуживает.

ВУЛКАН

В качестве гостьи мне довелось присутствовать на заседаниях сессии ВФДМ, происходивших в болгарском городе Варна на берегу ярко-голубого Черного моря.

В рамках сессии развернулась дискуссия о роли молодежи в борьбе против империализма. Известный французский адвокат рассказал о своем опыте защиты политзаключенных в Чили. На протяжении всего заседания я говорила о мире и солидарности с арабскими народами

и с палестинским народом. В своем выступлении я нарисовала четкую картину репрессий и передала делегатам сессии приветствие от борцов, томящихся за тюремными решетками.

Участникам сессии были зачитаны телеграммы солидарности, поступившие из различных уголков планеты, от глав государств, руководителей политических партий и общественных организаций, которые заявляли о своей поддержке борьбы арабских народов и осуждении агрессивной политики Израиля.

Следует отметить, что в таком духе прозвучала и речь палестинского делегата, который дал высокую оценку деятельности миролюбивых сил в Израиле. В холле была устроена выставка картин, на которых изображались жертвы воздушных налетов израильских «фантомов» в Ливане.

Во время работы сессии поступило сообщение о том, что Генеральная Ассамблея ООН приступила к обсуждению палестинской проблемы. Из Израиля стали приходить волнующие вести о «вулкане, который вновь проснулся в Наблусе» *. «В городе распространяются тысячи листовок, освещающих ход дискуссий на Генеральной Ассамблее... Трудящиеся массы призывают к всеобщей забастовке в знак поддержки Организации освобождения Палестины».

Следующий день принес новые сообщения: «Тысячи студентов покидают аудитории, мощным потоком заполняют улицы, поднимают палестинские знамена, портреты лидеров ООП. Они выступают под лозунгами борьбы и свободы. Все больше и больше людей появляется на площадях города. В результате столкновений с полицией сотни студентов в наручниках доставляются в тюрьмы. Забастовку объявляют торговцы, и, несмотря на угрозы со стороны армии открыть огонь и опечатать лавки и магазины, их двери закрываются...»

Военный комендант обращается к мэру города Мазузу Мистри, предлагая ему выступить в качестве посредника, попытаться уговорить горожан прекратить забастовку и способствовать восстановлению порядка. Но Мазуз Мистри отвечает отказом, ссылаясь на то, что

---

* Речь идет о событиях 1975 года на оккупированном Западном берегу Иордана.

муниципалитет не имеет никакого отношения к событиям и не способен остановить их.

В тот же день Военный суд Наблуса приговаривает 24 студентов к семидневному тюремному заключению и уплате штрафов до 1000 лир.

Несмотря на усиление репрессивных мер, демонстрации продолжаются и на следующий день. Пламя народного гнева разгорается. Власти арестовывают еще 20 студентов и приговаривают их к 20-дневному заключению и штрафу до 1000 лир...

На третий день народные волнения достигают апогея. Приговоры увеличиваются до полугода тюремного заключения! Новости распространяются со скоростью молнии, из уст в уста передаются подробности об актах полицейского произвола и зверских расправах. Это вызывает новую волну возмущения, возобновляются демонстрации, похожие на поток, сметающий на своем пути любые препятствия.

Власти предупреждают, что в случае продолжения беспорядков опечатают двери школ до конца учебного года, но на это предостережение никто не обратил внимания. Гневные шествия продолжались. Сохраняя ясность политического ви́дения, люди выражали свое стремление к достижению мира. Это четко проявилось в заявлении, сделанном жителями Наблуса корреспонденту газеты «Маарив». В нем, в частности, говорилось:

«Весь мир, затаив дыхание, слушал речь Ясира Арафата в ООН, заявившего об искреннем стремлении нашего народа к установлению справедливого мира на земле Палестины и неизбежности признания ООП как представителя палестинского народа.

Эхо событий в Наблусе разнеслось по всей стране. Новости, поступающие с Западного берега, наполняли сердца радостью. Тысячи студентов и школьников вышли в прошлую субботу на улицы Дженина, Рамаллаха, Биры и Халиля в знак поддержки ООП и резолюций конференции в Рабате».

В Дженине отряды пограничных войск на бронетранспортерах врезались в ряды демонстрантов, в результате чего погибла пятнадцатилетняя школьница из Дженина Мунтехи Аввад аль-Хаурани...

Это трагическое событие до предела накалило обстановку. Город превратился в кипящий вулкан, извергаю-

щий бушующие человеческие массы. Потеряв способность контролировать обстановку, вооруженные до зубов силы безопасности открыли огонь, но это никого не испугало. Похороны погибшей девушки превратились в демонстрацию гнева и протеста. В процессию вливались все новые и новые люди. Наконец процессия достигла кладбища, где Мунтехи была предана родной земле.

Власти решили, что на этом волнение закончилось, но вопреки предположениям это оказалось лишь началом. Повсюду запорхали листовки, призывающие к всеобщей забастовке. Муниципалитет Наблуса направил губернатору Западного берега ноту протеста. Масштабы волнений продолжали расти, все громче раздавались голоса осуждения и протеста.

В Халиле тоже произошли демонстрации, прекратили работу торговые лавки. В результате 11 студентов получили тяжелые ранения. Их пришлось отправить в городскую больницу. Десятки студентов были арестованы и посажены в тюрьмы на срок до трех месяцев. Размеры денежного штрафа за участие в беспорядках достигли 1700 лир. В городе был введен комендантский час.

В Рамаллахе начались массовые выступления. В результате репрессий властей они быстро приняли весьма острый характер. В демонстрациях приняли участие учащиеся средних школ, педагогических училищ и школы медицинских сестер. Демонстранты несли палестинские знамена и транспаранты. Оккупационные войска пустили в ход дубинки и открыли стрельбу по демонстрантам. В результате было ранено 10 и арестовано 18 студентов. Их присудили к шестимесячному тюремному заключению с выплатой денежного штрафа в 500 лир.

В Дуре и Хальхуле произошли волнения учащихся средних школ, которые вылились в демонстрацию протеста. Властям пришлось срочно вызывать дополнительные контингенты сил безопасности. Было арестовано 30 школьников, введен комендантский час.

Демонстрации прошли также в Урабе, Силет аз-Захре и Кабатии.

В Газе было распространено заявление, в котором содержалось одобрение деятельности палестинской делегации в ООН и призыв к созданию в городах и сель-

ской местности национальных комитетов и учреждению на их основе Центрального Исполкома, который взял бы на себя политическую работу на оккупированных территориях.

В оккупированном арабском Иерусалиме волнения приобрели широкий характер. С самого начала недели они захлестнули Бейт Ляхм и Бейт Джалла. По улицам Иерусалима прошли демонстрации, прекратили работу магазины и лавки. Силы безопасности применяли против демонстрантов дубинки, поливали их водой из пожарных шлангов. Одновременно власти проводили широкую кампанию арестов, опечатывали двери многих лавок, хозяева которых бастовали. Но в основном их гнев обрушился на студентов. Сотни студентов были арестованы и брошены в тюрьмы. 250 человек приговорили к тюремному заключению сроком свыше полугода и уплате денежных штрафов. 14 раненых студентов попали в больницы.

БАКР ИЗ НАБЛУСА

Ему далеко за восемьдесят. 48 лет он учительствовал, воспитал за это время поколения учеников.

Два его сына — Аббас и Хальдун — находятся под административным арестом. Третий сын, Аззам, в ноябре прошлого года без всякого основания был выслан в Иорданию. Писатель Мордахай Аби Шауль, возглавлявший делегацию Лиги по защите прав человека во время ее посещения Наблуса, встретился с Бакром.

Во время беседы старик сказал ему:

— Я не могу найти в своем сердце ни капли неприязни к евреям. Но меня удивляет, что ваш народ, который еще вчера подвергался нацистами чудовищным преследованиям и истязаниям, сегодня причиняет столько боли и зла такому доброму и мирному народу, как наш. Ведь наш народ к тому же не несет ни малейшей ответственности за несчастья, выпавшие на долю евреев.

Я удивляюсь, как могут евреи игнорировать достоверный исторический факт: именно мы, палестинские арабы, а до нас и наши предки издревле жили на земле палестинского отечества, искали у него защиты, дышали его воздухом, оно давало нам хлеб насущный... По ка-

кому праву изгоняют нас из наших домов, грабят нашу родину? В чем повинны сотни тысяч сынов нашего народа, которые разучились улыбаться, живя в палатках беженцев, потеряв надежду на свободную и достойную жизнь?

Он замолчал, отхлебнув глоток кофе и затягиваясь сигаретой.

— Преступления по изгнанию нашего народа,— продолжал он,— совершенные во время горьких событий 1948 и 1967 годов, являются не только трагической страницей в нашей истории, но и кровоточащей раной, кошмаром, побуждающим нас возвратить узурпированные права...

Бакр, верящий в мирное сосуществование, утверждает, что оно не может осуществиться до тех пор, пока палестинский народ изгнан со своей родины и лишен права на самоопределение на земле отцов и дедов.

Жены Аббаса и Хальдуна родили детей, когда их мужья находились в тюрьме. Обе женщины с отчаянием и горечью рассказывали о препятствиях, которые им приходится преодолевать, чтобы навестить своих мужей в тюрьме. Они выразили глубокое возмущение несправедливыми законами, позволяющими продлевать срок заключения без суда и следствия, тогда как жены и дети арестованных остро нуждаются в их заботе и любви. Они попросили меня от их имени обратиться к израильскому общественному мнению со словами: «Не миритесь с несправедливостью, поднимайте свои голоса против притеснений и агрессии!»

Согласно внутренним правилам, посещение заключенного в израильских тюрьмах разрешается лишь раз в месяц, при этом категорически запрещается передавать ему не только теплую одежду или одеяла, но даже нижнее белье, что особенно ощутимо зимой, когда наступают холода и заключенные, как никогда, нуждаются в теплой одежде.

— Почему тюремщики считают, что у арабов нет необходимости время от времени получать чистое белье? — с горечью спросила жена Аббаса.

Зубной врач Самира Абу Лейль, жена педиатра доктора Абу Лейля, тоже пожаловалась мне на несправедливость властей. С ней я столкнулась у ворот тюрьмы. Никогда не забуду, как напугал меня ужасный вид док-

тора Абу Лейля, которого я увидела после того, как в тюрьме была проведена всеобщая голодная забастовка. У него было бледное лицо, он хромал...

До сих пор я слышу его голос. Абу Лейль рассказывает о том, как солдаты прижали его к полу и, вставив в рот трубку, насильно влили ему питательную жидкость. При этом они сломали Абу Лейлю ногу.

ДЕРЕВЯННЫЙ ПРОТЕЗ

Высохший человек сидит на деревянной скамье за решеткой отсека для подсудимых в зале Военного суда Лодда. Его зовут Абдель Рахман Байшар. Ему восемьдесят с лишним... Родом он из Бейт Кадима.

Он тяжело дышит, из его груди вырываются хрипы. Кажется, он вот-вот умрет. Один из конвойных дает ему выпить холодной воды и восклицает:

— Чтоб вам пусто было! Что вам понадобилось от этой мумии? Кожа да кости...

Другой солдат, показывая на деревянный протез, говорит:

— Он на последнем издыхании!

Неожиданно старик приоткрывает веки и стонет:

— Ох! Живот мой... живот болит.

Одни смотрят на него с тупым безразличием, в глазах других вспыхивают искорки тревоги. Кто-то спрашивает:

— Разве у этого старика нет адвоката?

— Есть, но он не явился,— отвечает полицейский.

Меня охватывает стыд. Да, обыкновенный, естественный, человеческий стыд, который и словами не опишешь. В уголках зала отдается эхо моего голоса:

— Где же ваша прогнившая совесть? Лучше уж было закопать вместе с нею и свои головы! — говорю я.

Солдаты рассаживаются вокруг клетки, в которой находится старик. Появившийся в зале военный прокурор пытается меня успокоить.

— Берете ли вы добровольно на себя его защиту? — спрашивает он. И добавляет:

— Я не возражаю против его освобождения под залог, если вы этого потребуете...

Пока вошедшие в зал судьи занимают свои места, солдаты тщетно пытаются перевести обвиняемого в вертикальное положение.

Поднявшись с места, я сказала:

— Ужасная трагедия разворачивается в этом зале. Я считаю своим долгом взять на себя защиту этого подсудимого, правомочность суда над которым вызывает у меня серьезные сомнения. Я требую немедленно освободить его под залог. Прокурор уже дал на это свое согласие.

В конце концов суд решает освободить подсудимого под залог в 2000 лир. Объявив об этом, судьи поднялись со своих мест. Я остановила их, потребовав, чтобы в решение суда был внесен пункт о доставке подсудимого домой ввиду того, что сам он не в силах это сделать и у него нет семьи, которая могла бы обеспечить его отправку. Я также потребовала от «уважаемых» судей немного задержаться и посмотреть, как переносят обвиняемого из зала суда в полицейскую машину. Я это сделала, чтобы у присутствующих сложилось верное впечатление об опасном «диверсанте», из-за которого сегодня было созвано судебное заседание.

Председатель суда занес мое требование в протокол, но, разумеется, не стал дожидаться, когда солдаты пристегнут деревянный протез к бедру обвиняемого.

— Ну и отсталость,— важно сказал один из солдат.— Ну, и делают же у нас протезы!

Оккупационные власти не ограничились тем, что, пользуясь чрезвычайными полномочиями, без суда и следствия бросили за решетку многих лидеров прогрессивных сил, что вызвало гнев и осуждение населения оккупированных территорий и демократической общественности Израиля. Власти пошли дальше. Прибегая к различным хитростям и уловкам, они стали всячески препятствовать встречам арестованных с родственниками и адвокатами...

28 октября 1974 года я получила разрешение на посещение двух своих подзащитных из Рамаллаха, содержащихся в тюрьме Рамлы. Их арестовали 28 сентября. Одним из условий свидания было присутствие при встрече адвоката с подзащитными сотрудника «Шин-Бет» Абу Набиля.

Заключенный Халиль ар-Рашмави сказал мне, что

сегодня он видит солнце впервые со дня своего ареста. До перевода в общую камеру Халиль две недели провел в одиночке. Его лишили ежедневной прогулки и до вчерашнего дня не давали мыться. Он не получал медицинской помощи, несмотря на болезнь почек.

У Халиля — советский диплом инженера по электронике. Он преподает в университете Бейт Ляхм и в нескольких институтах.

НОВЫЕ АДМИНИСТРАТИВНЫЕ АРЕСТЫ...

Дни идут, они приносят новые недобрые вести. Власти еще на 6 месяцев продлили сроки предварительного заключения после того, как подсудимые уже отсидели в тюрьме 9 месяцев без суда и предъявления обвинений.

Лига защиты прав человека выступила с призывом организовать демонстрацию протеста перед зданием кнессета. На этот призыв откликнулись широкие массы арабов и евреев, прежде всего студенты и молодежь, охваченные искренним стремлением осудить любое проявление несправедливости и притеснений.

В демонстрации участвовали и родственники заключенных — матери, сестры, жены, которые пришли, повязав на голову в знак печали белые платки. Они вызвали горячие симпатии демонстрантов. Участники демонстрации несли транспаранты и плакаты с лозунгами:

«Положить конец несправедливым судам! Свободу палестинским лидерам — посланцам свободы и мира! Прекратить административные аресты — наследие британского мандата!»

Выступавшие на митингах ораторы подчеркивали, что заключенные являются солдатами мира и свободы, все преступление которых заключается в том, что они выступили против оккупации. Они говорили, что наступило время пробуждения всех сторонников справедливости в Израиле, которые должны подняться единым фронтом против творящихся в стране произвола и насилия.

Из толпы раздавались призывы покончить с оккупацией и фашистской практикой произвола. Хлынул проливной дождь, демонстранты укрылись под зонтами.

Позднее к ним присоединился депутат кнессета Тауфик Зайяд, который резко осудил административные аресты.

С твердой решимостью бороться до тех пор, пока последний политзаключенный не выйдет на свободу, расходились участники демонстрации.

ШЕСТНАДЦАТИЛЕТНЯЯ ДЕВУШКА, КОТОРАЯ СОЗДАЛА ПРОБЛЕМУ ВЛАСТЯМ...

Беспрецедентный случай произошел в зале заседаний Военного суда в Лодде. 15 января 1975 года перед судом предстали: молодой человек Усама Хашим, 18 лет, и девушка Икмаль Таха, 16 лет. Икмаль выглядела моложе своего возраста. То же самое можно было сказать и об Усаме, гордившемся своей тюремной одеждой. Казалось, что они попали за решетку по ошибке. Даже конвойным было не по себе.

— Какого черта в такое место приводят детей? — спрашивали они.

Обвинительное заключение по их делу датировалось 31 октября 1974 года. Им вменялась в вину принадлежность к Национальному фронту в Иерусалиме. Как следовало из обвинительного заключения, в то время Усаме было 16 лет, а Икмаль — 14 лет. Их деятельность в рядах Фронта продолжалась полтора месяца, в течение которых они не совершили никаких акций, угрожающих безопасности государства.

У Икмаль осталась слепая мать и разбитая параличом сестра. Суду было хорошо известно, что девушка фактически является единственной кормилицей своей семьи. Поэтому на сей раз офицер по делам несовершеннолетних против обыкновения не стал требовать для нее тюремного заключения. Но это обстоятельство не возымело никакого действия в суде. Икмаль приговорили к двум годам тюремного заключения условно, однако первые 9 месяцев она должна была отбыть в тюрьме. Три года условно с отбытием полутора лет в заключении — такой приговор был вынесен Усаме. Оба обвиняемых подали апелляцию. И вот наконец заседание апелляционного суда.

Судьи удаляются на совещание. Через два часа они возвращаются для оглашения приговора. Апелляция

Усамы отвергнута. Что же касается Икмаль, то по вопросу ее апелляции мнения разошлись. Большинство проголосовало «за», но были и такие, кто решительно высказался «против». Явление, явно необычное в практике апелляционных судов. В результате появляются два противоречащих друг другу решения. В соответствии с первым срок тюремного заключения сокращен с 9 до 4 месяцев. Второе решение гласит, что приговор Военного суда был правильным и Икмаль предстоит отбыть весь срок.

В конце концов побеждают сторонники принятия апелляции. На лицах родственников — радость. Но сама Икмаль, похоже, недовольна. Более того — она расстроена.

— Как же Усама? — спрашивает она с горечью.— Неужели ему не сбросят хотя бы месяц, ведь мне снизили срок на целых пять месяцев?

О ТОМ, КАК СЕМЬЯ ФАРХАТА ПРОВЕЛА БАЙРАМ*

Амин Таха Фархат — молодой человек 18 лет. Месяц назад его арестовали в доме родителей в Иерусалиме и доставили в Москобийю. Перед праздником байрам родственникам обещали свидание с ним. В первый день праздника они рано встали и, захватив с собой коробки со сладостями и свертки со сменой белья, отправились к сыну. Но когда они постучали в дверь здания, где, как им обещали, должно было состояться свидание, оказалось, что их обманули.

29 февраля 1974 года мне удалось получить разрешение только для отца. В пропуске было написано, что свидание состоится ровно в 8 часов утра 30 февраля 1974 года.

---

* *Байрам* — название мусульманских праздников. В данном случае речь идет о празднике Ид аль-Идха (курбан байрам). Он является одним из главных религиозных праздников в исламе и отмечается принесением жертвоприношений. Принесенное в жертву животное-однолетка (овца, коза, корова, бык, верблюд), согласно исламу, помогает верующим попасть в рай. Во время курбан байрама устраиваются торжественные пиршества, верующие посещают гробницы святых и другие почитаемые места.

Несчастный отец явился точно в назначенный срок. Но его продержали в комнате ожидания до 12 часов дня, после чего провели в комнату для посетителей, где его сына не оказалось. Старику заявили, что еще вчера Амин был переведен в тюрьму Кафариона.

Но что еще хуже, отец не встретил сына и в тюрьме Кафариона, так как его уже перевели в тюрьму Дамона.

Такие мелочи на первый взгляд могут показаться незначительными и не заслуживающими внимания. Но какие страдания, какую боль и отчаяние приносят они людям!

В моем офисе в кучу свалены десятки передач. Десятки моих телефонных звонков оказываются бесполезными. Узнав, что звонят из моего офиса, «ответственное лицо» приказывает телефонисту сообщить мне, что «оно» находится на закрытом заседании!

Секретаря моего офиса Иону Сальмана несчастные родственники, которые сбиваются с ног в поисках хоть маленького проблеска надежды на встречу с сыном или близким человеком, ожидающим их прихода за тюремной решеткой, буквально боготворят.

ДЕПОРТАЦИЯ* ПОСЛЕ АРЕСТА И ПЫТОК

В предварительном заключении Махмуд Шукейр провел более года. В течение всего этого времени его отец, улыбчивый и уравновешенный человек, наведывался в мой офис. Он очень тревожился за судьбу сына. Я понимала, что следователи не осмелятся пытать Махмуда, поскольку это чревато серьезными последствиями для них самих. 5 августа 1975 года я посетила его в следственном изоляторе тюрьмы Аль-Джальма и удостоверилась, что Махмуда на допросах не били, ограничиваясь лишь угрозами. Ему вменялись в вину публикации статей в газетах «Иттихад», «Фаджр» и «Шааб» **. Такое

* Израильские власти применяют *депортацию* — насильственную высылку палестинских арабов для ослабления арабского сопротивления на оккупированных территориях. Оккупационные власти используют угрозу депортации в отношении всех, кто начинает вести активную деятельность.

** *«Иттихад» («Единение»), «Фаджр» («Заря»), «Шааб» («Народ»)* — названия газет на арабском языке, распространяемых среди арабов — жителей Израиля и оккупированных терри-

обвинение показывает, сколь болезненно оккупационные власти воспринимают слова правды.

В тюрьме Кафариона Махмуд снискал любовь и уважение всех заключенных, с которыми он был арестован в Восточном Иерусалиме.

Махмуд — лауреат первой премии на конкурсе на лучший рассказ, проводившемся в Иордании. Он из тех людей, которые отдают все свои силы служению родине.

Абдалла Сарьяни был арестован силами безопасности 23 декабря 1974 года прямо на улице, на виду у прохожих. Ему грозили расправой, тюремщики говорили, что сделают с ним все, что им вздумается, если он не признается во всем.

Мы узнали об условиях и месте заключения Абдаллы лишь через полтора месяца после его ареста. Я сразу же направилась в тюрьму Рамаллаха. Здесь Абдалла рассказал мне о перенесенных пытках: по ночам его раздевали догола и, привязав к двери камеры, обливали холодной водой. В одну из морозных ночей его вывели во двор и стали валять в снегу. Под мышки и между ног ему клали кусочки льда.

— Ты — коммунист, ты организовал демонстрацию против конфискации типографии газеты «Ватан»,— говорили ему мучители. Абдалла отверг это обвинение. Тогда ему заявили, что его убьют, не оставив никаких следов, тем более что никто ничего об Абдалле не знает. На это Абдалла ответил, что не боится смерти.

— Войны,— сказал он,— уносят много жертв, я буду считать себя одной из них.

Выводить его голым на холод было одним из любимых развлечений следователей Абу Хани и Абу Джамиля. Потеряв надежду сломить волю Абдаллы, они пригрозили, что распустят о нем ложные слухи, чтобы в партии поверили, будто он предатель, выдавший своих товарищей. Абдаллу лишили питьевой воды, не давали мыться.

Но он продолжал молчать. За все время допросов Абдалла произносил лишь одну фразу.

торий. Израильские власти, будучи не в состоянии запретить издание прессы на арабском языке, подвергает ее жесточайшей цензуре, а авторов публикаций, выражающих недовольство антиарабской политикой Израиля,— преследованиям, включая аресты и пытки.

— Все, что я делал,— говорил он,— шло на пользу моему и вашему народу. А вот то, что вы делаете, направлено против вашего же народа.

Несколько раз ему продлевали срок предварительного заключения. В конце концов его вместе с другими заключенными выслали из страны.

Высылка обычно проводится внезапно, в обстановке полной секретности, чтобы исключить возможность обращения в Верховный суд или апелляционную комиссию, которые могли бы предотвратить депортацию.

Вот до чего доходит произвол властей, которые высылают людей с родины, действуя, как воры, под покровом ночи!

КОМИССИЯ

В тот момент, когда я пишу историю Абдаллы, в моем воображении возникают сцены заседаний апелляционной комиссии, нарушающей общепризнанные юридические процедуры. Дело доходит до того, что комиссия не удосуживается довести до сведения адвоката и даже самих обвиняемых суть предъявляемых им обвинений.

С тех пор когда арестованные обнаружили полнейшую бесполезность попыток обращения в апелляционную комиссию, они начали всячески бойкотировать ее.

Ниже следует протокол одного из заседаний комиссии, происходившего 14 марта в кабинете начальника тюрьмы Рамаллаха.

Заседание комиссии, состоявшей из трех членов во главе с профессиональным юристом, проходило при участии сотрудников «Шин-Бет» из Халиля, Наблуса и Рамаллаха. На нем присутствовали и заключенные, подавшие апелляции.

Первый заключенный предстал перед комиссией без адвоката. Он заявил, что до сих пор не знает причин своего ареста, и потребовал немедленного освобождения. Председатель комиссии записал его слова и сказал:

— Наш ответ будет сообщен вам позднее.

О том, что на этом рассмотрение его дела закончено, заключенный догадался лишь тогда, когда его вывели из помещения и возвратили в камеру.

Следующим перед комиссией предстал Мохаммад Саад из Халиля, узник тюрьмы Аль-Джафар.

— Я торговец птицей,— сказал он,— и не знаю, что от меня хотят.

— Люди из «Шин-Бет» сказали мне,— продолжал он,— что, поскольку я торговец, власти готовы заключить со мной контракт на основе «купли-продажи». Иначе говоря, мне предложили сотрудничать с «Шин-Бет» в обмен на свободу. Я отказался, так как не хочу ничем заниматься, кроме торговли птицей.

Следует заметить, что семья Саада состоит из 16 человек, в том числе 12 детей...

Последним среди тех, чьи апелляции рассматривала комиссия, был Бесам Умейр, молодой человек, на долю которого выпали самые жестокие пытки. В течение долгого времени ни его адвокат, ни семья не могли добиться разрешения на встречу с ним. Бесама обвиняли в том, что он бросил гранату в машину военного коменданта. Однако у него было алиби, свидетельствующее, что в момент происшествия он находился в другом месте. Вырвать у Бесама признания его «вины» не удалось и при помощи пыток. В отместку его приговорили к годичному заключению, но он опротестовал этот приговор. Обратившись к апелляционной комиссии, Бесам потребовал своего освобождения.

На этом открытая часть заседания была закончена, чтобы дать возможность сотрудникам «Шин-Бет» выступить со своими показаниями в отсутствие осужденных. Последним не дано было узнать всю подоплеку обвинений, которые предъявлялись им перед комиссией.

Именно так и произошло в апелляционной комиссии Рамаллаха. Пользуясь случаем, я хотела бы упомянуть имена некоторых других заключенных, которые предстали перед апелляционными комиссиями до того, как было единодушно решено подвергнуть эти комиссии бойкоту.

Хочется назвать таких узников тюрьмы Кафариона, как Фаррах Назиль, фактически прописанный в оккупационных тюрьмах, Фарук Сальфити, молодой поэт Халиль Тома, стихи которого, написанные за тюремной решеткой, снискали широкую популярность.

Как мы уже указывали, заключенные приняли решение бойкотировать апелляционную комиссию. Ее по-

следнее заседание состоялось 7 апреля в тюрьме Аль-Халиль. На нем присутствовали военный прокурор и сотрудники «Шин-Бет». Один за другим перед комиссией, собравшейся в полном составе, предстали заключенные. Среди них — профессор университета Бейт Ляхм, выпускник советского вуза Халиль Рашмави, рабочий вожак Аталла Рашмави, учитель из Бейт Ляхма Абдель Маджид Хамдан, Мохаммад Саад, а также Дауд Матар. Все они открыто и бесстрашно заявляли о своих принципах, верности делу мира и своего народа.

Последним перед комиссией предстал инженер Хосни Хаддад.

— Мы в последний раз появились перед апелляционной комиссией,— заявила я,— потому что не хотим играть роль покорной лошадки в планах израильских властей, которые формируют такие комиссии, чтобы создать видимость какой-то заинтересованности в решении проблемы административных арестов. Мы знаем,— добавила я,— что решение этой проблемы не зависит от таких комиссий. Оно находится в руках «Шин-Бет». Это должно быть понятно всем.

— Но ведь на этот раз вы явились сюда,— раздраженно возразил мне судья.

— Мы пришли, чтобы дать вам последнюю возможность. Если нам удастся добиться успеха, мы изменим свою позицию. Если нет, то бойкота не избежать.

Хосни показал оставшиеся на его теле следы истязаний, но судья ответил, что «это не может считаться следствием пыток».

Представитель «Шин-Бет» сослался на заключение специальной комиссии по расследованию, созданной полицией для изучения жалоб на применение пыток, и заявил, что, дескать, я сама сочла это заключение правильным и объективным.

Он указал, что заключение комиссии по расследованию не подтвердило наличие пыток и что на этом прецедент может считаться исчерпанным.

— Как вы, так и вышеупомянутая комиссия считает, что прецедент исчерпан. Что же касается нас, то мы полны решимости бороться против пыток как на внутреннем, так и на международном уровне до тех пор, пока практике пыток не будет положен конец...

Заседание окончилось с наступлением сумерек. Прощаясь с заключенными, я говорила обычные в такой ситуации слова: «Бог даст, в следующий раз встретимся в домашней обстановке...» Покидая тюрьму, я была полна надежд, что в ближайшем будущем это действительно осуществится. Я уносила горячие приветы заключенных их родным и товарищам.

На следующий день, а именно в пятницу вечером, мне позвонил один мой друг из Восточного Иерусалима и спросил, насколько соответствует действительности последнее сообщение о том, что Хосни Хаддад, Халиль Хиджази, Хусейн Абу Гарбийя и еще двое заключенных из Газы — Осман Абу Афи и Абдо Зухейри — высланы в Ливан.

Эта новость повергла меня в изумление. Особенно странным казалось упоминание о Хосни Хаддаде, дело которого только вчера рассматривалось апелляционной комиссией. Я тотчас навела справки. Из сообщений арабских радиостанций, а позднее и радио Израиля следовало, что все это — правда.

Я мысленно представила себе стоящего перед комиссией Хосни, людей «Шин-Бет», внимательно слушающих его выступление, тогда как готовое решение о депортации уже лежит у них в кармане. Позднее я узнала, что после того, как мы разошлись, они вызвали Хосни в неизвестное место и депортировали его. Короче говоря, его вызов в апелляционную комиссию был попросту обманом. Если бы тогда я почувствовала какие-либо сомнения, я успела бы добиться решения об отмене депортации или о ее отсрочке. К сожалению, я была слишком увлечена тем, что добивалась «демократических прав», действуя против административных арестов посредством подачи апелляций. Между тем режиссура поставленного властями спектакля оказалась до такой степени блистательной, что мне даже в голову не пришло в чем-либо заподозрить тех, кто внимательно слушал выступление инженера Хосни Хаддада о мире и мирном сосуществовании.

Это был действительно серьезный урок. Его последствия не замедлили сказаться. И вот передо мной подавленные, как на похоронах, родственники депортированных. Вот, словно печальный призрак, жена Хусейна Абу Гарбийя. С тех пор как они поженились и

создали счастливую семью, ее молодого мужа уже несколько раз сажали в тюрьму и выпускали оттуда в соответствии с законами об административных арестах. На сей раз чья-то жестокая рука вновь поднялась, чтобы разрушить все, что они построили... Жену Халиля Хиджази, которая во время следствия очень тревожилась за судьбу мужа, печальная новость буквально убила. Она с детьми осталась жить в Наблусе.

Родители заключенных, все еще находящихся в тюрьмах, движимые страхом, что их сыновей тоже могут выслать из страны, по-прежнему собирались в моем офисе. На этот раз мы сообща решили обратиться в Верховный суд с требованием немедленно издать указ, запрещающий депортацию. Мы торопились, чувствуя, что петля затягивается и других заключенных завтра или послезавтра может постигнуть та же участь.

Я подготовила заявление от имени семей 28 арестованных в административном порядке, которым сотрудники «Шин-Бет» угрожали высылкой. В заявлении я указывала, что мошенничество, которым сопровождалась высылка Хосни Хаддада, свидетельствует о злонамеренности действий министра обороны и стремлении властей решить проблему административных арестов не путем освобождения узников, а путем их высылки из страны. Я описала метод депортации и указала на то, что высылаемые были лишены возможности обратиться в какую-либо судебную инстанцию, несмотря на наличие в чрезвычайных законах особого пункта о высылке, предусматривающего необходимость позволить этим лицам обратиться в апелляционную комиссию как в последнюю инстанцию, способную отменить решение о высылке.

СИРИЙСКИЕ ФЛАГИ НАД ГОЛАНСКИМИ ВЫСОТАМИ

День 17 апреля 1975 года совпал с сирийским праздником — Днем эвакуации *. В этот день сирийские национальные флаги затрепетали над школьными зданиями трех оккупированных деревень на Голанских высотах — Муджаддаль Шамс, Масада и Бакаса.

* *День эвакуации* является национальным праздником Сирийской Арабской Республики. Сирийский народ ежегодно отме-

Это событие вызвало гнев оккупационных войск. Их отряды принялись шнырять по всем деревням. Они убивали людей, врывались в дома мирных жителей. Так оккупанты раскрыли свою истинную сущность: ненависть к арабам.

Все, кого избили в этот день, а таких было немало, до конца своих дней запомнят жестокость солдат оккупационных войск.

Особую злобу властей вызвало то обстоятельство, что сирийские флаги развевались у всех на глазах в течение 24 часов и тем не менее никто не пришел доложить об этом.

В отместку военный комендант дал волю карательным войскам набрасываться на людей, избивать прикладами карабинов детей, арестовывать, пытать. Среди задержанных была шестнадцатилетняя друзская девушка Амира Абу Джебель, сестра Иззата Абу Джебеля, погибшего три года назад от пули израильского патруля. Отец девушки, Шакиб Абу Джебель, отбывал 30-летнее тюремное заключение, а другой брат, Юсеф, был приговорен к 15 годам за сопротивление оккупации.

Военный суд принял решение задержать следующих лиц: Назиха Ибригима, Назиха Абу Джебеля и Рамиза Сафади из деревни Муджаддаль Шамс, Махмуда Аммаша, Сулеймана Хабуса и Иззат Шамс из Бакасы...

Некоторое время спустя я наведалась в Муджаддаль Шамс, где беседовала со взрослыми и детьми.

— Что их так пугает в этой деревне? — спросил меня один из жителей.— Отчего они срывают свою злобу на детях? Разве это свидетельствует об их силе и уверенности в себе?

— Как раз наоборот,— ответила я.

БЬЮТ ТОЛЬКО АРАБОВ

Лига прав человека выступила с призывом немедленно положить конец применению побоев и пыток во время допросов.

чает 17 апреля как праздник Независимости. В этот день в 1946 году последний иноземный солдат покинул территорию страны.

В опубликованном Лигой документе приводились выдержки из газет, неопровержимо свидетельствующие о практике избиений и физических пыток, принятой на вооружение следственными органами полиции Израиля. В качестве примера приводился случай с Мутанасаром, который обвинялся в убийстве продавца сладостей. Суд принял решение аннулировать его наказание после того, как врач, которому суд поручил провести медицинское освидетельствование, подтвердил, что показания были вырваны под пытками.

В документе указывалось, что как военные, так и гражданские суды не признавали жалоб обвиняемых на пытки, объявляли их безосновательными. Дело дошло до того, что военные коменданты предложили вообще отменить так называемые «суды по расследованию» (то есть суды, рассматривающие жалобы обвиняемых на пытки и истязания).

«Мы призываем полицию Израиля,— говорилось в документе,— прекратить нарушение законов, которые запрещают наказание обвиняемых до доказательства их виновности и которые гласят, что наказание может быть определено лишь в соответствии с приговором, а не проявляться в виде побоев и пыток.

...Необходимо предупредить всех работников полиции, что против них будут приниматься судебные санкции, если выяснится, что они используют пытки и избиения во время допроса обвиняемых».

УНИВЕРСИТЕТ ИБН АЛЬ-ГОЛАН

Когда я думаю об Ихсане, я пытаюсь вспомнить нашу первую встречу, но всякий раз самым ярким впечатлением оказывается наше свидание у ворот тюрьмы Аль-Джальма в начале 1973 года. Именно тогда в застенках этой тюрьмы оказались десятки патриотов с оккупированных сирийских земель, в числе которых был и брат Ихсана — Ахмад. Когда в тот памятный день я пришла к Ихсану, он улыбался так искренне и просто, что некоторая скованность между нами исчезла в мгновение ока.

Ихсан упорно отстаивал собственное право и права своих сверстников продолжать образование. Это, естест-

венно, не вызывало симпатий со стороны творцов политики подавления, которые хотели привязать жителей оккупированного Голана к их полям и деревням, лишить их света, науки и знаний. По этой причине отвергались все требования и стремления студентов Голана предоставить им возможность продолжать образование в университетах арабских стран, как их братьям с Западного берега Иордана и сектора Газы *.

Ихсана арестовывали пять раз, но каждый раз освобождали за отсутствием обоснованных обвинений. Несмотря на все трудности и препятствия, он продолжал учиться на инженерном факультете в Хайфе, но 21 апреля 1975 года его снова арестовывают и отправляют в тюрьму города Акки.

Его друзья-студенты быстро разыскали Али Рафиа, адвоката из Хайфы, и упросили его защищать Ихсана. Когда полиция запретила адвокату свидание с подзащитным, Союз комитетов арабских студентов опубликовал заявления на арабском языке и на иврите, в которых резко осудил политику дискриминации, которую проводит правительство по отношению к арабскому народу, и потребовал освободить Ихсана и всех арестованных. Кроме того, Союз призвал все демократические силы остановить кампанию арестов и ограничений среди арабских студентов.

На этот раз следствие выдвинуло против Ихсана целый ряд серьезных обвинений. Так, например, ему вменили в вину перевод книги профессора Шахака «Сионизм без прикрас» и распространение отдельных глав этой книги. Ихсана обвинили в том, что он принимал поэта Саниза аль-Касина, что поднял сирийский флаг и т. д.

За пределами тюрьмы страсти не утихали, друзья Ихсана из студенческой среды печатали и распространяли листовки, писали лозунги на стенах. К тому же активизировал свою деятельность Комитет друзской

---

* Израильские власти не препятствуют выезду на учебу в арабские страны жителей Западного берега реки Иордан и сектора Газы, но запрещают последним возвращаться обратно. Таким образом оккупационный режим стремится избавиться от наиболее активной и стремящейся к образованию части арабской молодежи оккупированных территорий.

инициативы [1], который взялся распространять листовки среди друзов, собравшихся на празднование у могилы пророка Шаиба. Кроме того, большую роль в этом деле сыграла коммунистическая пресса и наши газеты «Аш-Шааб» и «Аль-Фаджр». На восемнадцатый день заключения Ихсана на площади Ат-Тахниюн состоялся массовый митинг протеста, проведенный по инициативе Комитета арабских студентов.

Собравшиеся подверглись избиениям реакционных молодчиков. Они провоцировали арабских студентов, кричали, свистели, создавая беспорядок на митинге солидарности.

Студенты и Лига защиты прав человека направили телеграммы правительству, администрации университета и международным организациям. Коммунисты — члены парламента, в том числе Марша Фридман, член парламента, представитель Лиги защиты прав человека, направили запрос министру полиции по поводу случившегося.

Во мраке израильских застенков, оторванный от мира, Ихсан ощущал все, что происходило на воле. Он был убежден, что именно солидарность непременно спасет его. Так и случилось. Ихсан был освобожден.

Ничего не добившись от Ихсана, тюремщикам ничего не оставалось, как выпустить его на волю.

---

[1] *Комитет друзской инициативы* — это прогрессивное, патриотическое движение, возникшее в 1972 году и сплотившее большинство прогрессивных и честных людей в друзских селениях. Комитет стремится к отмене принудительной службы арабов-друзов, борется против конфискации арабских земель, старается сплотить их на путях борьбы против сионизма, за осуществление прав арабских граждан, попираемых во всех областях жизни.

К настоящему времени Комитет добился успеха в организационной работе, имеет отделения в большинстве друзских селений. Кроме того, Комитету удалось сорвать ежегодный политический фестиваль, который израильские власти проводили обычно у могилы пророка Шаиба в пропагандистских целях для дискредитации друзов и для того, чтобы натравить на них арабских братьев.

Сегодня Комитет является выразителем интересов друзов и борется бок о бок со всеми прогрессивными силами, ни в коей мере не замыкаясь в узких национальных рамках. Все это снискало ему доверие широких слоев арабской общественности независимо от их идеологических убеждений и политических взглядов.

Однако оккупанты повсюду раскинули свои сети: они заставили Ихсана в принудительном порядке поселиться в деревне, тем самым лишив его возможности продолжать образование.

ХЕЛЬСИНКИ

После новой безуспешной попытки заставить израильские суды признать факт использования пыток полицией при ведении следствий по делам арестованных арабов, после того как я была свидетелем многочисленных нарушений прав человека, которые практикует Израиль по отношению к жителям оккупированных районов, я решила выступить перед международной общественностью, вскрыть истинное положение вещей, сделав его всеобщим достоянием.

Всемирный Совет Мира создал специальную комиссию по расследованию актов нарушения Израилем прав человека в оккупированных после июльской войны 1967 года арабских районах. Свое первое заседание комиссия провела в Бейруте и заслушала показания многочисленных свидетелей.

Второе заседание комиссии было решено провести в Хельсинки в мае 1975 года. Туда был приглашен целый ряд новых свидетелей для дачи показаний перед комиссией.

На этот форум я отправилась вместе с адвокатом Ханна Наккара и известным уже пожилым писателем, заместителем председателя Лиги защиты прав человека в Израиле Мордахай Аби Шаулем.

Кроме того, в Хельсинки из Ливана прибыли Махмуд Шакр, высланный из страны в прошлом году, а также д-р Мустафа Мольхам, бывший мэр города Хальхуля, который также был выслан из страны.

Комиссия состояла из генерального секретаря Всемирного Совета Мира Ромеша Чандры, министра ориентации Сьерра-Леоне Караме, члена финского парламента от социал-демократической партии Льюкью Хетле, члена парламента Индии от партии Конгресс Багатая, эксперта по юридическим вопросам Олега Гоянова (СССР), представителя итальянской демократической партии Рампни.

Заседание проходило в зале «Финляндия», где вскоре состоялось Общеевропейское совещание по вопросам безопасности и сотрудничества.

Финская печать подробно освещала ход заседаний комиссии.

На заседании комиссии выступил Махмуд Шакр. Он рассказал о преследованиях интеллигенции, о бесцеремонном исправлении учебных программ в арабских школах с целью вытравить национальную самобытность жителей оккупированных районов. Он также рассказал о горьком опыте, который извлек из двукратного пребывания в заключении, после чего последовало его изгнание из страны.

Д-р Мустафа Мольхам рассказал о конфискации арабских земель, разрушении домов арабов, о тех чудовищных налогах, которыми облагается арабское население, о выселении граждан из своих жилищ. Свои слова он подкрепил цифрами.

Д-р Мустафа Мольхам дал также исчерпывающие объяснения тем жилищным изменениям, которые осуществляют израильские власти в арабской части Иерусалима для того, чтобы коренным образом изменить положение в городе.

Писатель Мордахай Аби Шауль выступил как заместитель председателя Лиги защиты прав человека Израиля и рассказал о тех насильственных методах, к которым прибегает это государство в отношении арабов, в особенности на оккупированных после войны 1967 года территориях.

Журналисты забросали его вопросами и многое просили разъяснить. Это был человек, которому перевалило за восемьдесят, слабый, с подорванным здоровьем, взявший на себя труд приехать из Тель-Авива в Хельсинки для того, чтобы вместе со всеми рассказать правду о несправедливостях и притеснениях, чтобы показать израильскому народу его истинное лицо.

Адвокат Ханна Наккар рассказал об оккупационных законах, вскрыл юридическую подоплеку угнетения, в результате чего выяснилось, что большинство членов комиссии и присутствующих журналистов впервые слышат о чрезвычайных законах 1945 года, которые Израиль унаследовал от бывшей подмандатной британской территории.

Однако сегодня эти законы наряду с доброй сотней декретов, изданных военными властями, стали средством подавления населения оккупированных районов.

Когда пришла моя очередь выступить перед собравшимися, я разоблачила преступные злодеяния и надругательства, которые каждый день совершаются израильскими оккупационными властями по отношению к местным жителям. Я рассказывала о том, что я пережила и что видела собственными глазами. В моем воображении явственно, как в реальной жизни, возникли лица тех несчастных, о которых я рассказывала. Они живут под игом жестоких, озлобленных людей, потерявших всякое представление о человечности.

Я представила комиссии написанную мною книгу «Своими глазами». Эта книга является неопровержимым доказательством того, о чем я говорила, ибо в ней зафиксированы даты, имена, названия мест. Затем я заявила, что, будучи адвокатом, сама стала свидетелем всех этих событий и, зная законы международного права, обвиняю израильские оккупационные власти в совершении военных преступлений на захваченных территориях.

Одно из самых волнующих свидетельств поступило от человека, который сам не присутствовал на заседании, поскольку врачи не разрешили ему по состоянию здоровья приехать в Хельсинки. Это — свидетельство, присланное в письменном виде от Зияда аль-Азза. Я была назначена его адвокатом еще до личного знакомства с этим человеком.

Солнце в Хельсинки — довольно редкий гость, даже в теплые дни мая. Но в те дни оно словно изменило своим привычкам и, приветствуя нас, сияло ослепительно ярко.

Наверное, только в израильском посольстве не замечали солнечных лучей. Широкий отклик, который получила работа нашей комиссии в местной прессе и других средствах массовой информации, вызвал там замешательство.

21 мая комиссия опубликовала заключительный документ, в котором говорилось:

«Заслушав показания 3-х свидетелей из Израиля и 3-х изгнанников с Западного берега Иордана, внимательно изучив соответствующие документы, материалы

и медицинские заключения, комиссия пришла к полному и окончательному выводу о том, что израильские власти осуществляют на практике на оккупированных землях меры, несовместимые с правами человека. Комиссия считает, что ответственность за насилие и массовый террор целиком и полностью ложится на израильских правителей, и требует предать их суду как виновников нарушения прав человека».

На пресс-конференции, созванной по окончании работы комиссии, сотрудники израильского посольства распространили заявление, в котором говорилось, что «на оккупированных землях все в полном порядке» и что якобы об этом свидетельствует тот факт, что в летний период на Западный берег Иордана к арабским семьям приезжают тысячи родственников.

В Воззвании, которое было опубликовано по окончании работы комиссии в Хельсинки, содержались следующие требования:

— осудить нарушения прав человека на оккупированных арабских землях;

— оказывать давление на израильское правительство с целью освобождения всех политических заключенных на оккупированных землях;

— положить конец насилию, пыткам, гонениям; предоставить возможность изгнанникам вернуться в свои дома;

— поддержать борьбу населения оккупированных земель против израильской оккупации;

— решительно требовать уважения международных документов и деклараций по защите прав человека в районах, находящихся под игом иностранных оккупантов.

Зверские расправы израильских правителей над жителями оккупированных земель, массовые аресты, пытки, факты физического уничтожения людей в тюрьмах, высылка граждан за пределы страны, постоянные нарушения резолюций Организации Объединенных Наций — все это непосредственно касается человеческого общества в целом как в политическом, моральном, так и в юридическом отношениях.

Комиссия приняла решение направить отчет о своей деятельности в Организацию по защите прав человека при ООН. Было также решено удвоить усилия с целью

удержать израильское руководство от проявлений агрессивности в осуществлении политического курса; бороться против оккупации до тех пор, пока последний израильский солдат не покинет арабскую землю.

Между тем официальная израильская пресса хранила полное молчание по поводу событий, происходивших в Хельсинки. Но мы вернулись домой с новыми силами, с непоколебимой решимостью продолжать борьбу за права человека, человека в подлинном смысле этого слова.

УММ ШЕЙХ

— Я принесла вам орехов из нашего сада,— сказала она, раскрывая небольшой мешочек, который принесла с собой.

— Я принесла вам хлеба, который испекла сама...

Она немного помолчала, едва сдерживая слезы и боль в сердце.

— Вы помогли моему сыну. Аллах сохранит и вашего.

Я смотрю на нее, пытаясь внимательно разглядеть ее лицо. Бывает так, что молчание оказывается красноречивее слов. На лице этой женщины еще заметны следы былой красоты. Ее лицо поражает благородством. Как напоминает Умм Шейх своего сына, которому сейчас 27 лет. Он красив. У него яркие глаза, в которых светятся ум и страдание. Сын Умм Шейх находится в заключении в тюрьме Кифар Иона. Он один из многих тысяч заключенных. Среди этих тысяч и его отец, почти старик, которого осудили и бросили в тюрьму, несмотря на преклонный возраст и болезни. Все это потому, что он отказался помочь охранке арестовать своего сына, не захотел стать доносчиком.

После ареста мужа и сына на плечи Умм Шейх легла вся тяжесть семейных забот. Вот она сидит сейчас рядом со мной и рассказывает мне о своем сыне, и я чувствую, как трепещет от волнения сердце матери. А когда я начинаю говорить о нем, она с жадностью ловит каждое мое слово и лишь изредка говорит сама. В ее словах я чувствую народную мудрость, всю горечь, накопившуюся за годы безмолвного терпения, и в то же время мужество женщины, которая борется, преодолевая страда-

ния. Она называет своего сына Шейхом в знак уважения к нему. Ведь сын ее имам, он с детства изучал духовные мусульманские дисциплины.

Все, что она мне рассказывает, так или иначе связано с судьбой ее сына. Затем она неожиданно спрашивает меня:

— Видите мои побелевшие волосы? Они стали такими потому, что сын мой томится в застенках... Мальчик мой! Как он там?! Успокойте меня. Ведь вы же мать. И я мать. О мой мальчик! Я готова отдать все, даже жизнь свою, чтобы с ним не случилось ничего плохого. Мое сердце с тобой, о Шейх! Мальчик мой!

Я подала апелляцию, чтобы выиграть время, разоблачить и вывести на чистую воду армейских «экспертов» по мусульманским делам. Для этой цели я избрала своим оружием стихи Корана. На заседании суда, объяснив суть дела, я заявила судьям:

— Вы наверняка обвините меня в оскорблении суда, если я употреблю в этих стенах слово «наглость». Но как можно иначе квалифицировать ту бесцеремонную клевету, которую распространяли здесь с целью опорочить моральный облик моего подзащитного.

Суд снизил для Шейха срок заключения до 13 лет. Я так часто приходила навещать его в тюрьме, что между нами завязались поистине крепкие, дружеские отношения. Потом до меня дошли слухи, что Шейх участвовал вместе с другими заключенными тюрьмы Кифар Иона в голодовке протеста, что он постоянно молился за победу прогрессивных сил в Ливане.

ВТОРАЯ ГОЛОДОВКА ЗАКЛЮЧЕННЫХ

Какое оружие может применить заключенный, не опасаясь нового обвинения и суда перед лицом окружающей его несправедливости?

Заключенные давно уже отчаялись в помощи так называемых «апелляционных комиссий», деятельность которых можно уподобить «инъекции морфия» для усыпления больных. К тому же пресса организовала своеобразный заговор молчания вокруг административных заключенных и их протестов против мук и издевательств. В этих условиях в июле 1975 года заключенные объяви-

ли вторичную голодовку после того, как власти приняли решение продлить срок их предварительного заключения. В результате этих мер общественность города Наблуса направила меморандум военному губернатору оккупированного Западного берега, в котором выразила протест против содержания арестованных в предварительном заключении более года и трех месяцев. Кроме того, мэр города направил аналогичный меморандум, который подписали представители торговых ассоциаций, профсоюзы рабочих, адвокатов, медиков, инженеров и фармацевтов. В меморандуме напоминалось о Женевской конвенции 1949 года, которую подписали 45 государств, в том числе Израиль. Эта конвенция предусматривает содержание арестованного в предварительном заключении сроком не более месяца. Помимо этого, меморандум содержал требование освободить заключенных, руководствуясь принципами уважения человеческой личности, права и справедливости.

На восемнадцатый день голодовки ее участники оказались в опасном положении. Вскоре я узнала, что власти запретили адвокату Валиду Фахуму встретиться с бастующими, чья железная стойкость вызвала восхищение и встретила поддержку широких слоев общественности.

Члены Лиги защиты прав человека провели ряд демонстраций перед резиденцией премьер-министра. Они несли лозунги, остро обличавшие практику арестов без суда и следствия. Коммунистическая фракция в парламенте внесла в повестку дня вопрос об этих событиях. Член кнессета от коммунистической партии заявил 29 июля: «Прошло уже три недели со дня начала голодовки. Правительство должно прислушаться к голосу демократической общественности, которая требует без промедления освободить всех находящихся в предварительном заключении без суда и следствия по истечении 15 месяцев со дня их ареста».

ДЕМОНСТРАЦИЯ СЕМЕЙ АРЕСТОВАННЫХ

Демонстрация детей и жен находящихся в предварительном заключении лиц, которая состоялась в резиденции Высшего мусульманского совета в Иерусалиме

29 июля, привлекла к себе широкое внимание. Более ста участников демонстрации подписали петицию с требованием немедленного освобождения арестованных. В то же самое время делегация Движения демократических женщин Израиля посетила семьи бастующих заключенных, выразила им свою солидарность и поддержку их справедливой борьбы.

Побывали в семьях заключенных и выразили им солидарность от коммунистической фракции депутаты кнессета Тауфик Туби и Тауфик Заяд. Шейх Хильми аль-Мухтасаб, глава Высшего мусульманского совета также посетил семьи арестованных и заявил о своей поддержке борьбы их отцов и мужей и о своей решимости оказать необходимую помощь.

Через тридцать пять дней забастовка заключенных закончилась. Однако борьба за их освобождение только начиналась, приобретая все более широкий размах как в самой стране, так и за ее пределами.

АД ПОД КРЫШЕЙ ТЮРЬМЫ ГАЗЫ

Мало кто до сих пор знает о женской тюрьме в Газе. Было известно о мужской тюрьме в Газе, которая снискала себе недобрую славу из-за царящих там жесточайших порядков. Я и Салах Бадран узнали об ужасах женской тюрьмы из уст одной заключенной арабки — Расмии Оды из Рамаллаха. Эта женщина была возвращена в тюрьму Неве-Тирца после того, как провела два месяца в тюрьме Газы в наказание за попытку побега из Нафы Тартасы.

«Тюремные камеры здесь скорее похожи на гробы,— говорит Расмия.— В них нет окон. В углу каждой камеры нужник, под потолком днем и ночью горит мощная лампочка, ослепляя узников. В эту камеру меня перевели из следственной комнаты. Здесь я постоянно слышала крики заключенных, подвергавшихся пыткам. В камере было невыносимо душно и сыро. Туда не поступал воздух снаружи. Заключенным в этой камере не разрешали выходить на прогулку. Правда, для меня сделали исключение. Из-за резко ухудшившегося здоровья мне разрешили прогуливаться ежедневно в течение часа.

Обычно арестованная, находившаяся под следствием, проводила в этой камере два или три месяца и за это время, как правило, заболевала острым психическим расстройством.

Власти цинично называли эти камеры «лечебными», хотя в действительности условия существования в них — мучительная духота, удушливый резкий запах — доводили человека до полной потери рассудка.

В общем отделении содержались женщины после прохождения следствия. Но и там не было коек, хотя разрешалась ежедневная прогулка в течение часа. Арестованным ничего не оставалось делать, как сидеть в течение целого дня на резиновом матраце. Сон в дневное время категорически запрещался, как запрещалось беседовать на политические темы и вообще разговаривать громким голосом.

Если же кто-нибудь нарушал эти требования, наказание следовало незамедлительно. Нам разрешали мыться только раз в неделю. Это настоящая дополнительная пытка, если учесть, что в летние месяцы в камере стоит невыносимая жара.

Медицинская помощь в этой тюрьме — насмешка над заключенными. И если случалось, что приходил доктор, то только для того, чтобы лишний раз упрекнуть узниц. Он не давал никаких лекарств, не назначал никакого лечения и даже не осматривал больных. Что касается отношений с Красным Крестом, то это неразрешимая проблема. Те, кто направляют туда жалобы, незамедлительно расплачиваются за это. Если у кого-то возникает какая-нибудь просьба к властям, ответом является либо грубость, либо насмешка.

Естественно, что это вселяет страх в заключенных, страх перед наказанием, которое последует, если они обратятся с жалобой в Красный Крест.

Они повесили на дверях тюрьмы вывеску «Тюрьма Газы», но лучше бы они написали так: «Ад Газы»,— закончила свой рассказ Расмия.

ЛИДИЦЕ И АМВАС

«В истории существуют события, которым суждено навечно остаться в памяти людей своеобразными символами, предупреждением и назиданием потомкам.

События, происшедшие в деревне Лидице, относятся к числу таких символов, которые постоянно живут в памяти народа, призывая к бдительности, к борьбе против ужасов войны».

Эти слова взяты из книги, посвященной трагической судьбе чехословацкой деревни Лидице. 10 июня 1942 года Лидице была дотла сожжена фашистами. Ныне немало написано об этой тихой деревушке, жители которой были всего лишь простыми мирными тружениками. Фашисты уничтожили ее, использовав в качестве предлога убийство партизанами гитлеровского офицера. Фашисты расстреляли всех мужчин. Женщин отправили в концентрационные лагеря. Детей забрали в Германию на принудительные работы.

Перед нами простирается широкое поле. Оно напоминает ковер с вытканными цветами. В центре высится уникальный монумент: крест, на вершине которого обруч колючей проволоки. Люди возлагают к нему венки и плачут у его подножия. Эти слезы не высохнут и через тысячу лет. На другой стороне выросла новая Лидице. То место, где до войны стояли дома, не застроили. Неподалеку был создан музей, музей человеческой скорби. Каждый день в этот музей приходит множество посетителей. Они узнают о трагической истории деревни. Экскурсовод показывает нам фотографии, висящие на стенах, рассказывает о событиях тех дней. Я напряженно всматриваюсь в фотографии, изображающие деревню до ее сожжения, в строчки детских писем, маленькие авторы которых навсегда покинули свой отчий дом, в предметы домашнего обихода, извлеченные из-под обломков разрушенных домов, в пожелтевшие от времени фотографии свадеб и праздников, которым никогда уже не суждено повториться. Созерцая в молчании свидетельства трагедии прошлого, я восстанавливаю в своем воображении все, что мне лично довелось увидеть. Я представляю себе разрушенный дом в Наблусе, дом Аклика и его беременную жену, стоящую среди обломков. Словно наяву передо мной возникают белые дома Газы, обожженные пламенем войны Голанские высоты. Я вспоминаю Кунейтру, и сердце мое сжимается от боли. И вдруг я слышу голос: «Мама, что с тобой?» Это кричит мой сын. Я смотрю на него и не могу вымолвить ни слова. Помню, как он сказал мне тогда: «Смотри, как

это похоже на те три деревушки в Латруне: Бейт Нуба, Ялу и Амвас». Рядом с нами один мой друг родом из Амваса. Я сказала ему тогда: «Может быть, и вы создадите музей?»

Мимо нас проходят люди. Вот идет плачущая старушка и несколько молодых людей в джинсах, говорящих по-английски. Они читают слова Гиммлера: «Мы, немцы, единственная нация, которая с любовью относится к животным». Тут же, под этими циничными словами, фотография разрушенного дома, под обломками — мертвая собака.

Поблизости фотография человеческих трупов, брошенных на обгоревшую землю. Это все, что осталось от жителей Лидице. На стене висит большой плакат, гласящий: «Жертвы Лидице — бессмертны!» После чудовищного преступления нацистов возникло всемирное движение в память трагически погибших жителей этой деревни. Слово «Лидице» и теперь вызывает жгучую ненависть к ужасам войны, к тем, кто повинен в этих ужасах. Трагедия Лидице будет жить в памяти вот этих молодых ребят, которые остановились передо мной, в памяти моего сына, в памяти всех людей, ненавидящих войну.

Наша машина возвращалась в Прагу. Никто из нас не произнес ни звука. В машине тяжелое молчание. Нам не хотелось нарушать его. Только мой сын сказал: «Завтра ко мне придет мой амвасский друг». И он действительно пришел, этот худенький, низкорослый, по-детски смешливый мальчик.

Он учился здесь. Я попросила его рассказать об Амвасе.

Мальчик помедлил и начал тихим спокойным голосом: «Это случилось во время войны. Бои шли вдалеке от нашей деревни, среди нас не было иорданских солдат. Мы все до одного были простыми крестьянами. Тогда мне исполнилось четырнадцать лет, и я все хорошо помню. Пришли израильские солдаты, приказали нам выйти из наших домов и покинуть деревню. Мы просили их разрешить взять с собой хоть какую-нибудь домашнюю утварь, но они отказали нам. Мы взяли с собой лишь немного еды. Старики и больные не могли идти, поэтому они остались в своих домах. В этот день было очень жарко. У нас не было воды. Нам приказали

идти к Рамаллаху. Мы шли и плакали от жажды и страха. Нам сказали, что того, кто вернется назад, немедленно расстреляют. У нас был очень хороший дом. У других тоже были хорошие дома. Я и сейчас вспоминаю его и наш участок в долине. Вы знаете, я вспоминаю даже кровать, на которой обычно спал. Потом мы узнали, что наша деревня полностью разрушена, а дома взорваны.

То же самое случилось и с нашими соседними деревнями Ялу и Бейт Нубой. Мы слышали, что израильтяне разбили там большой сад и на том месте, где стояли наши дома, разводят розы».

Мальчик закончил свой рассказ, когда над Прагой сгущались сумерки. «Память о жертвах Лидице должна жить в человеческих сердцах до тех пор, пока мир не избавится от палачей и человеконенавистников»,— так писал профессор Альберт Швейцер после того, как увидел трагедию Лидице.

Эти слова звучат постоянным напоминанием. Ведь за тысячи километров от Лидице пепелища Амваса.

ЗИЯД АЛЬ-АЗЗА ПРОТИВ ГОСУДАРСТВА ИЗРАИЛЬ

Я познакомилась с Зиядом аль-Азза в Хельсинки во время работы Комиссии по расследованию нарушений прав человека на оккупированных после войны 1967 года землях.

Комиссия заслушала многочисленные показания палестинцев, изгнанных из своей страны, в том числе Махмуда Шакра, доктора Мустафы Мульхама.

Потом объявили, что на рассмотрение Комиссии будут представлены показания молодого человека из города Бейт Ляхм по имени Зияд аль-Азза.

Выслушав показания всех присутствующих свидетелей, председатель Комиссии объявил, что Зияд аль-Азза по настоянию врачей, опасающихся ухудшения его здоровья, не в состоянии лично предстать перед присутствующими. Его показания, записанные на пленку, были воспроизведены в зале. Все присутствующие мгновенно притихли. В зале звучал хриплый, отрывистый голос. Зияд рассказывал об обстоятельствах своего ареста, которому он подвергся без предъявления официальных

обвинений, о тех страшных пытках, которым его подвергли сотрудники израильской службы безопасности в тюрьме Аль-Халиль. Эти пытки подорвали здоровье Зияда. Мне было очень трудно вслушиваться в его прерывистую, сбивчивую речь. Затем зачитали краткое медицинское заключение, в котором говорилось, что Зияд аль-Азза получил серьезную травму головного мозга. Внезапно я ощутила какую-то непонятную близость к этому человеку, которого никогда прежде не видела. Его голос взволновал членов Комиссии — представителей различных государств, людей самых разных убеждений. Мне сразу же вспомнились майские дни 1974 года.

Именно тогда по просьбе семьи Зияда я стала его адвокатом. Я хорошо помню, как власти в течение долгого времени запрещали мне встретиться с ним, как сильно тревожилась я за его судьбу.

Однажды мне стало известно, что Зияда подвергают пыткам. Тогда я решила сделать все возможное и невозможное, чтобы встретиться с ним. Я пришла в тюрьму Аль-Халиль, где томился в заключении Зияд, и встретилась с военным прокурором — офицером по имени Моше Фаркаш. Я настойчиво потребовала встречи с Зиядом, сообщила о своих опасениях за судьбу подзащитного и заявила, что я направлюсь в Верховный суд, если он не удовлетворит мое требование. Фаркаш сказал мне в ответ, что мои опасения напрасны, с Зиядом ничего плохого не случилось и он находится в отличном состоянии. Фаркаш добавил, что мне незачем утруждать себя и поднимать шум из-за пустяка и что он сам в течение недели выпустит Зияда на свободу. «Зачем вам добиваться встречи в тюрьме, если скоро вы увидите его на воле»,— сказал Фаркаш. Мне стало ясно, что я не смогу встретиться с Зиядом ни через неделю, ни через месяц, даже если отправлю жалобу в Верховный суд. Все же я решила ждать, чтобы проверить истинность слов Фаркаша. Признаюсь, в душе я не сомневалась, что Фаркаш и пальцем не ударит, чтобы содействовать нашей встрече. Однако через неделю Зияд был действительно выпущен на свободу и прямо из тюрьмы направлен в психиатрическую лечебницу Бейт Ляхма ввиду резко ухудшившегося состояния здоровья. Болезнь послужила поводом для его освобождения. Я не смогла навестить его в больнице.

Однако, по рассказам его друзей, я знала, что врачи делают все возможное, чтобы исцелить его. По тем не менее все, кто видел его в то время, были буквально поражены его состоянием. Я постоянно вспоминаю «невинную» улыбку израильского офицера Фаркаша, и, несмотря на то что я всего лишь просто адвокат, я часто представляла себе обвинительный акт и надпись на папке: «Зияд аль-Азза против государства Израиль».

Я встретилась с Зиядом аль-Азза в доме наших друзей. Он только что вышел из больницы. Помню, сели мы в уголке и молча смотрели друг на друга. Я видела перед собой юношу, почти мальчика. У него было бледное, изможденное лицо. Он улыбался как ребенок, и слезы навертывались ему на глаза. Рукой он держался за краешек стола, чтобы унять невольную дрожь. Его правая нога непрерывно подрагивала. Я взяла его за руку и сказала: «Я очень хотела увидеть тебя там, в тюрьме. Твои друзья много рассказывали мне о тебе, но в конце концов я поняла, что нам так и не разрешат увидеться».

Он спрашивал меня о своих товарищах, которые вплоть до сегодняшнего дня продолжают томиться в застенках. Затем он говорил о себе, о своих мучениях. Он сказал мне: «Никого я не ненавижу так сильно, как тех извергов, которые превратили меня в полуживого человека. Прошу вас передать от меня привет каждому, кто искренне хочет мира, кто понимает необходимость возвращения моему народу его законных прав».

Потом мы стали вспоминать страшные дни тюремного заключения, ужасные страдания и пытки, выпавшие на долю этого человека. Затем мы долго сидели молча, и наши товарищи, словно понимая смысл этой трудной тишины, встали и попрощались с нами.

Зияд еще долго рассказывал мне о невероятных страданиях в израильских застенках.

Мне хотелось узнать как можно больше и точнее о всех обстоятельствах его тюремной жизни. Я спросила его, когда он был арестован и как это случилось. И Зияд рассказал мне следующее:

«Это произошло 24 апреля. В наш дом, расположенный в лагере беженцев Аль-Азза в пригороде Бейт Ляхм, пришли израильские солдаты. Они арестовали меня. После этого оцепили дом и произвели обыск.

Один из них сказал мне: «Перед тобой солдат израильской армии. Тебе не страшно?» Я ответил, что не боюсь их. Они препроводили меня в тюрьму Аль-Халиль. Там началось следствие. Один из офицеров подошел ко мне и сказал: «Ты — член Иорданской компартии и распространял коммунистические листовки в университете Бейт Ляхм». Этого негодяя я никогда не забуду. У него была кличка Заки. Он прославился тем, что вел следствие по делам сирийских военнопленных. Заки склонял меня к предательству, раздавал щедрые посулы, а потом, убедившись в бесполезности своих приемов, стал открыто угрожать. Он сказал мне, что у них в тюрьме есть собаки и электричество, с помощью которого они якобы могут узнать любые секреты. Он сказал мне, что молчать нет смысла. В противном случае я выйду из тюрьмы сумасшедшим, и мои собственные друзья первыми отрекутся от меня. «Какой им прок возиться с психом»,— добавил Заки. Внезапно один из офицеров прервал его и сказал: «Дайте этому парню 10 минут хорошенько подумать. Наверняка он заговорит по собственной инициативе». Услышав эти слова, я спросил: «Это и есть ваша демократия?» В ту же минуту Заки приблизился ко мне и изо всех сил ударил по уху. Затем они связали мне руки и отвели в камеру».

Я спросила Зияда: «Твоя камера была на втором этаже тюрьмы Аль-Халиль?» Зияд утвердительно кивнул головой.

Я вспомнила те ужасные камеры, которые мне однажды пришлось увидеть: темные стены из голого камня, бетонные полы с брошенными на них тонкими резиновыми циновками. Размеры камер едва позволяли заключенным вытянуться в полный рост. В углу каждой из них стояла параша. Камеры лишены света и воздуха.

Зияд продолжал свой рассказ: «Они принесли мне немного маслин и картошки и положили все это на пол, будто я собака, а полицейский к тому же подтолкнул тарелку ногой. Я не притронулся к пище. Буквально через несколько минут за мной пришли опять и отвели в следственную комнату. На этот раз они начали с угроз. Они запугивали меня тем, что заберут всю мою семью, если я не расскажу им о Хосни Хаддаде и других патриотах из Бейт Ляхма. «Если ты будешь молчать, мы арестуем всю твою семью». «Пожалуйста,— ответил

я,— можете привести их всех сюда. Все равно их жизнь — нечеловеческое существование».

Тогда Заки начал кричать: «Ты, сукин сын, даже судьба твоих родственников тебя не интересует, тебе не интересно, что мы сделаем с твоим отцом и твоей матерью. Ну, ничего, сейчас мы отведем тебя в одно место, где ты непременно заговоришь. Тебе там сделают укол, который промоет твои мозги. Возможно, что после этого ты превратишься в женщину. Во всяком случае, мы развяжем тебе язык». В ту же минуту они набросились на меня, связали руки и раздели донага. Я сопротивлялся из последних сил, но они избили меня палкой. Я потерял сознание. Очнулся я от жуткой боли. Глаза мои были завязаны. И только через некоторое время они сняли с моих глаз повязку и вновь приказали говорить. Но я ответил им, что они ничего не добьются, им не удастся повернуть вспять колесо истории. Придет день, когда им придется расплатиться за все. «Ну, ты, ублюдок»,— кричали они мне в лицо. Они требовали, чтобы я назвал им имена моих товарищей. Я ответил, что у меня нет никаких товарищей, я сын своего народа, и если им хочется, то я могу назвать имена всех жителей лагеря Аль-Азза от мала до велика». Внезапно Зияд прерывает свой рассказ, его лицо бледнеет, а правая рука и нога начинают конвульсивно подрагивать. Он судорожно хватается за край стола и говорит мне: «Ничего страшного, не волнуйтесь!»

Через некоторое время, уняв неожиданный приступ, он продолжал свой рассказ. «Потом они прислали ко мне человека, сказав, что это психиатр из Университета. Он свободно говорил по-арабски. Он советовал мне во всем признаться и даже привел в пример арабскую пословицу: «Кто не несет жезл Моисея, тот несет жезл Фараона».

«Мы в детстве,— говорил мне «доморощенный» психиатр,— читали приключенческие романы. А это все выдумки, молодой человек, не представляющие реальной ценности. Вы должны раз и навсегда понять это». А после этого он пошел к Заки и донес на меня. Заки немедленно вызвал меня к себе и сказал: «Слушай, ты, сволочь, перед тобой представитель медицины, а не какой-нибудь уличный бродяга вроде тебя».

Затем меня отвели обратно в камеру. Я подумал, что

мои сегодняшние страдания на этом закончатся. Но не тут-то было. Через некоторое время они опять привели меня в следственную комнату и сказали: «Мы дали тебе время подумать, собраться с мыслями, до сих пор были цветочки, а сейчас мы будем говорить с тобой серьезно». Они вновь схватили меня и подвесили за ноги к потолку. Вот эта черная метка на моей ноге до сих пор не зажила. Это память о той ужасной пытке. Пока я висел в таком состоянии, меня тянули за волосы и изо всех сил били по голове. Я был совершенно раздет. Мне казалось, что еще немного, и я сойду с ума. Когда все же они отпустили меня, кровь текла из моих глаз. Но они смеялись мне в лицо и говорили: «Глядите, сейчас мы будем превращать коммуниста в женщину. Позовите офицера Джони». Этот Джони пришел. Я плюнул ему в лицо. Он вытер плевок и сказал: «Сейчас ты станешь женщиной». С этими словами он сделал мне инъекцию. Я почувствовал чудовищную боль и такой гнев, который нельзя выразить словами.

Джони сказал, что, если мне приятна такая процедура, он готов повторять ее до бесконечности, хоть каждый день. Каждая частица моего тела страдала от жгучей боли. Мне казалось, будто моя голова горит обжигающим пламенем. Такие пытки продолжались каждый день. Боль и унижение окончательно вывели меня из равновесия. Про себя я решил, что лучше всего умереть, но мне хотелось перед смертью отомстить мучителям за все, что они сделали со мной. Я кое-что придумал. Однажды во время допроса я сказал им, что готов отвечать на любые вопросы при условии, если они развяжут меня и принесут чашечку кофе. Казалось, они довольны. Они не преминули удовлетворить мою просьбу. Я знал, что обычно они готовят кофе поблизости от шкафа со стеклянными дверцами, и в тот момент, когда Заки склонился около этого шкафа, я вскочил на ноги, опрометью бросился к нему и ударил кулаком по стеклянной дверце. Я рассчитывал, что осколки стекла попадут им в лицо и оставят от меня метку на долгую память. Однако осколки слегка поранили только одного из них, не причинив особого вреда. Мои мучители буквально опешили и стали кричать: «Сумасшедший! Сумасшедший!» После этого они тотчас же увели меня обратно в камеру.

С моих рук сочилась кровь, я чувствовал себя крайне взбешенным. После этого инцидента начался второй этап моих мучений. Меня кормили соленой пищей и не давали воды. Но это было уже в тюрьме Аль-Баса в Бейт Ляхм. Там мне сломали нос.

Затем меня вторично перевели в тюрьму Аль-Халиль и опять притащили в следственную комнату. Там они надели мне на голову аппарат, похожий на наушники. Я тотчас же ощутил разряды электрического тока. Начались конвульсии, я бился в тисках нестерпимой боли. Голова моя готова была расколоться. А палачи кричали мне в лицо: «Говори!» Но я отвечал им сквозь зубы: «Собаки!» Пытка продолжалась. Они стали пропускать ток через руку. Вот видите, на этом месте мне сделали операцию. После этих пыток у меня отпали ногти. Мучители прижигали мое тело сигаретами. Вот видите, видите. Они жгли меня сигаретами, чтобы отомстить мне. После пыток электричеством меня снова избивали. Били до тех пор, пока парализовало правую руку и ногу. Я не мог больше ходить. Когда я пытался встать на ноги и сделать несколько шагов, падал на землю. Видимо, опасаясь того, что я могу умереть в тюрьме, мои мучители выпустили меня полуживым калекой. Помню, как расплакалась одна врач, увидев меня в первый раз. Одно время я боялся, что ослепну. Я провел в больнице девять месяцев. Меня лечили всеми возможными средствами. Врачи шутили, что у меня внутри целая аптека. Фелиция! Очень вас прошу, передайте от меня слова приветствия всем тем, кто осуждает гнет и несправедливость. Я становлюсь гораздо сильнее, когда чувствую, что эти люди рядом со мной».

Затем мы расстались, обнявшись напоследок, как старые друзья. Он, казалось, был очень растроган, и рука его слегка дрожала. Передо мной стоял рано состарившийся человек.

ЛОЖНОЕ СВИДЕТЕЛЬСТВО

9 января 1975 года улицы, прилегающие к зданию Военного суда Газы, заполнил народ. Основную массу этих людей составляли женщины, стремившиеся во что бы то ни стало увидеть своих мужей, сыновей, братьев.

Заключенных привезли в армейском грузовике. Женщины в ту же минуту плотным кольцом окружили машину, пытаясь поближе подойти к родным и близким. Полицейский по имени Атаяз приказал немедленно разогнать толпу. Солдаты тут же набросились на женщин, избивая их дубинками.

Я требовала разрешения приблизиться к моему подзащитному Хасану аль-Абьяду, чтобы обменяться с ним несколькими словами. Атаяз категорически отказал. При этом его лицо выражало глупое самодовольство человека, получившего власть над другими. Тем не менее я не придала никакого значения его словам, вышла из машины и заговорила с моим подзащитным. Атаяз пришел в ярость. Обращаясь к одному из солдат, он закричал: «Сделай что-нибудь!» Но, когда к нам подбежали, было уже поздно. Мой помощник Хаим тоже на собственном опыте столкнулся с полицейским насилием и грубостью. У входа в здание суда полиция преградила ему дорогу. Мой коллега вынужден был спорить целый час, чтобы его пропустили.

Между тем в ожидании открытия заседания суда арестованных усадили на скамью подсудимых. Их было 8 человек: Хасан аль-Абьяд, Мохаммад Гарда, Ахмад Раян, Джамиль ар-Рифий, Хассун Закарийя, Джамиль Авадалла, Ахмад Шаабан, Али Шейх.

Шейху было 83 года. Нет! Это не ошибка. В официальном обвинении по его делу зарегистрирована точная дата его рождения — 1892 год. Сейчас это совсем беззубый человек. Однако он как-то сказал мне: «О! У меня было столько зубов. Но после пыток все они выпали». А затем добавил: «Они обвиняют меня в незаконном хранении оружия. А я, признаться, ничего не понимаю в этом».

Суд начал свою работу с заслушивания защиты. Выступили адвокаты Акль и Абу Вард. После этого один из военных судей положил на стол свой пистолет и вышитую иудейскую шапочку. Затем на свидетельское место взобрался полицейский Атаяз и заявил под присягой, что в доме Хасана аль-Абьяда он лично обнаружил нейлоновый мешок, набитый винтовочными патронами. А затем, обращаясь к Хасану, сказал, что он вовсе не обязан в подробностях объяснять дело. Однако его свидетельские показания, с которыми он выступал на суде,

впоследствии, в ходе разбирательства, обернулись против него. Я спросила этого свидетеля, хорошо ли знает он арабский язык. В результате выяснилось, что он не знает, как сказать по-арабски «сделать предупреждение». Затем он и вовсе запутался в показаниях и начал беззастенчиво лгать. В конце концов после того, как адвокат Абу Вард устроил ему небольшую проверку в знании арабского языка, с этим свидетелем стало все ясно. Атаяз — полицейский унтер-офицер с неприятным выражением лица — вскоре вынужден был уйти со сцены.

МАТЬ ИБРАГИМА

— Знакомьтесь, это жена Ибрагима.

Мать Ибрагима тяжело вздохнула и продолжала свой рассказ:

— На десятый день после их женитьбы пришли солдаты и забрали моего сына. А ее, мою невестку, оставили одну, совсем одну.

Молоденькая женщина молча сидела около нас. Наши взгляды невольно встретились, и я подумала, какая она юная. Какие у нее глубокие карие глаза. В этих глазах отражается целый мир. Как мало радости успели испытать они за эти десять дней. Я спросила ее:

— Они арестовали твоего мужа ночью?

— Да, солдаты пришли в три часа ночи.

— Они пытались силой вломиться в вашу спальню?

— У нас только одна маленькая комната. Она же и спальня.

Помедлив какое-то мгновение, она продолжала:

— Затем они приказали нам одеться и стали обыскивать нашу постель. А потом забрали Ибрагима.

Я сказала ей:

— Не бойся, он непременно вернется.

Мать Ибрагима поправила на голове черную косынку и сказала:

— Я пришла к ним на следующий день утром, чтобы принести завтрак, как это принято у нас по отношению к молодоженам, и увидела свою невестку. Бедняжка сидела одна. А погода стояла холодная, за окном шел дождь. Я спросила ее: «Где Ибрагим, дорогая моя?» Она ответила: «Пришли евреи и забрали его».

— Моему сыну только 22 года. Знаете, как я заботилась о нем. Я разносила воду и дрова.

— Мы живем в лагере Каляндия на положении беженцев с 1948 года. Вы знаете Бейт Шамс [1]? Там у нас было много земли, двадцать дунамов под оливками и виноградниками.

— Спросите, почему мы оставили все это. А что бы вы сделали на нашем месте? Они разбомбили нашу деревню, хотя мы были безоружны. И мы отправились в путь. С тех пор мы и живем вот здесь, в Каляндии.

Мать Ибрагима всплеснула руками.

— Ибрагим! Сердце мое! Понимаете, за свою жизнь он не видел даже того, что привелось увидеть нам в молодости. В своей жизни он видел только страдание и печаль. Да и жили мы в одной комнатенке. Правда, надеялись, что хоть женитьба немного приободрит его. Я вижу, вы записываете мои слова. Скажите, вы напишете о нем в газете? Хотя зачем это? Какая в этом польза?! Я хочу только одного, чтобы вернулся Ибрагим.

Молоденькая невестка внимательно разглядывала меня, широко раскрыв красивые глаза. Ее совсем еще детские губы едва заметно дрожали.

— Завтра я навещу Ибрагима,— сказала я.— Что передать ему? Кстати, ты не сердишься на него?

— Как я могу сердиться на него,— сказала она.— Я горжусь им.

Я живо представила себе, как завтра увижу Ибрагима и расскажу ему о нашей сегодняшней встрече и как жадно он будет вслушиваться в слова любви и нежности, принесенные издалека.

На свете есть матери, которые героически борются рука об руку со своими сыновьями, матери, чьи мужья и сыновья брошены во мрак тюремных застенков. Эти женщины гордятся подвигами своих близких, их стойкостью и мужеством. И тем не менее каждая из них остается матерью. Мать Ибрагима — одна из них. Она хочет только одного, чтобы сын ее вышел на волю, чтобы она могла нежно, по-матерински обнять его, заглянуть ему в глаза, услышать его голос.

Годы прошли с тех пор, как враги оторвали от ее

[1] *Бейт-Шамеш* — израильское поселение, созданное на развалинах арабской деревушки Закария после 1948 года.

сердца любимого сына, плоть от плоти ее, кровь от крови. Она приходила ко мне время от времени. И каждый раз я читала на лице матери страдание и бесконечную любовь к сыну.

Иные матери часто говорили ей: «Неужели только твой сын томится в неволе? Кругом тысячи таких, как он!» Мать Ибрагима вытирает слезы со своего морщинистого лица. Жизнь в лагере беженцев отнюдь не баловала эту женщину. Жизнь приносила ей только страдания, лишения и невзгоды. Мать Ибрагима говорит почти шепотом, и я чувствую, что слова ее рвутся прямо из сердца. «Ибрагим — мой единственный сын,— говорит она.— Вчера я видела его в тюрьме. Он такой бледный. Ничего не пожалела бы на этом свете, только бы быть с ним рядом, только бы освободить его. Не забывайте Ибрагима. Скажите, пожалуйста, в день суда, чтобы они пожалели его, хотя бы ради жены. Скажите им, что он прожил только десять дней с молодой женой до ареста».

Хотя я хорошо знаю бездушие наших судей, тем не менее я обещала ей помочь. Кроме того, сам Ибрагим просил меня успокоить мать, так как жизнь старушки стала совсем невыносимой.

Завтра наверняка она придет ко мне и скажет так же, как говорила вчера: «Я хочу, чтобы вы всегда помнили Ибрагима. Прошу вас, не забывайте о нем». И я отвечу, как обычно: «Я не забуду ни о нем, ни о вас, Умм Ибрагим! И может статься, что сердца судей станут мягче. И совсем скоро придет день, когда вернется твой Ибрагим, вы опять будете жить вместе». Она внимательно слушает меня, на ее лице появляется улыбка. А я с горечью думаю, когда он настанет, этот день суда.

Однако вскоре Валид Фахум приступил в суде к защите Ибрагима. Помня настойчивые просьбы матери Ибрагима, я бросила все свои дела и приехала на заключительное заседание. Я предложила, чтобы на суде с ходатайством по делу сына выступила мать Ибрагима. Я полагала, что это в какой-то степени успокоит ее сердце. Ведь она так много сделала ради сына. Однако Валид возражал, видимо опасаясь отрицательной реакции суда на появление матери.

Я сказала ему: «Ты не прав, мой друг. Пусть они окажутся в неловком положении».

Так и произошло. Помню, как мать Ибрагима при-

близилась к судейской трибуне, поклялась на Коране и, посмотрев на скамью, где сидел ее сын, сказала: «Прошу вас быть снисходительными к моему сыну. Прошу вас ради Аллаха. Снизойдите до моей просьбы, ведь у него молодая жена и старик отец».

Но нельзя ожидать, что израильские судьи прислушаются к молящему голосу арабской матери. Они вынесли Ибрагиму приговор: 12 лет тюремного заключения.

ЛЬВЯТА ЗА РЕШЕТКОЙ

Тюрьма Наблуса в настоящее время переполнена совсем молодыми заключенными, среди них студенты и ученики средних школ. Все, кому приходилось разговаривать с ними, отмечали, что эти юноши проникнуты жгучей ненавистью ко всему, что так или иначе связано с оккупацией. «Когда пришли оккупанты, мы были совсем маленькими детьми, играли в игрушки. Но восемь лет оккупации сделали нас другими. Пришло время, мы переехали из одной большой тюрьмы в другую, маленькую тюрьму, и конечно, не для того, чтобы сменить климат».

Луи Джуюси, ученику средней школы из Наблуса, восемнадцать лет. Однако на вид ему можно дать больше. Я встретилась с отцом Луи и сообщила, что против его сына выдвинуто обвинение. Он упросил меня поехать вместе с ним домой, чтобы успокоить жену, и, видя, что я колеблюсь, сказал: «Она, бедняжка, столько пережила в ту ночь, когда его забирали».

...В доме нас встретили дедушка и бабушка, младшие сыновья, дочери и жена. У всех бледные лица. Они буквально засыпали меня вопросами: «Как себя чувствует Луи? Как он держится? Что ест? Что пьет? Во что одет?»

Они с жадностью ловили каждое мое слово. Пока жена успокаивала расплакавшегося ребенка, отец рассказал мне об аресте сына.

— Мы никогда не забудем ту страшную ночь. Вооруженные до зубов солдаты окружили наш дом, а жена моя в то время вот-вот должна была родить. Внезапно у нее начались предродовые схватки. Она стала кричать. В ту же ночь родила девочку. Ребенок оказался

болезненным, слабым. Но мы ничего не сказали Луи, боясь, что он будет волноваться. Мы надеемся, что сумеем вырастить девочку, которая его полюбит.

Отец замолк, и в комнате воцарилось тяжелое молчание. Тут, откашлявшись, задала вопрос бабушка: «Когда ты вернешь нам нашего Луи?»

В числе других арестованных были: Мохаммад аль-Оста, Наиф Абу Ульян, Акрам Шариф, Мохаммад аль-Ханафи и Мустафа аль-Хакки.

Их обвиняют в принадлежности к Палестинскому национальному фронту, нападки на который власти усиливают с каждым днем. Надо сказать, что власти, прибегнув к насилию и пыткам, сумели им навязать нелепое обвинение, согласно которому член Иорданской коммунистической партии автоматически считается членом Палестинского национального фронта, который считается запрещенной организацией и за членство в которой предусматривается тюремное заключение сроком до 10 лет.

— Мы писали на стенах лозунги, призывающие к борьбе против оккупации, и признались в этом в ходе следствия,— сказал один юноша.

Другой тут же добавил:

— Мы ненавидим захватчиков. Мы сказали, что мы сторонники братства народов, но мы не хотим жить под игом оккупантов и готовы всеми силами бороться против них, тюрьма не сломит нашей воли.

Надзиратели увели арестованных в камеры. Я покинула здание тюрьмы. На улице я увидела сотни учеников, возвращавшихся домой из школ после учебного дня.

Я смотрела на них и думала: и эту молодежь хотят лишить национальной принадлежности и законных прав, отнять у нее всякую возможность самовыражения. Думая о будущем, я часто спрашивала себя: сколько же еще таких парней будут брошены за решетки?

ЭТО СЛУЧИЛОСЬ В ТЮРЬМЕ АР-РАМЛЯ

Мохаммад Махди Бсису, палестинский юноша из Газы, находился в ожидании суда в центральной тюрьме Ар-Рамля. Получив серьезное ранение головы и пе-

релом руки, он был переведен в тюремный госпиталь. Мохаммад был арестован 24 мая 1971 года на борту корабля в международных водах. Тогда он полагал, что в этом случае израильские власти не имеют права взять его под стражу и судить. Однако время показало, что он ошибся в своих расчетах.

Правда, сразу после ареста его не судили из-за отсутствия формальной возможности, но за два года предварительного заключения власти успели внести поправки в закон. Таким образом израильские законы превратились в карательные законы. Власти хотели бы распространить эти законы на все уголки земного шара.

Стало ясно, что это нововведение в законе превращает миллионы людей в объект полицейских преследований.

26 февраля 1973 года центральный суд в Беэр-Шева приговорил Мохаммада к 15 годам тюремного заключения по обвинению в принадлежности к организации Фатх.

Суд закончился, и Мохаммад снова возвратился в тюрьму. Но и в тюрьме он не чувствовал себя спокойно. Тюремные власти обвинили его в подстрекательстве заключенных к забастовке. В наказание его перевели в центральную тюрьму Ар-Рамля и бросили в одиночную камеру, где ему пришлось провести четырнадцать месяцев (вплоть до января 1975 года). Затем Мохаммада перевели в тюрьму Ашкелон, где один из ответственных сотрудников службы «Шин-Бет» обвинил его в создании нездоровой атмосферы среди заключенных и подстрекательстве их к выступлению за свои права. Однако заключенные требовали своих прав без всякого побуждения с чьей-либо стороны. Мохаммад попытался объяснить тюремным властям, что их провокатор в среде заключенных, возможно, ошибся или преднамеренно извратил факты. Нравам политических заключенных претят какие бы то ни было оскорбительные или провокационные действия по отношению к надзирателям без видимой на то причины.

А если и случается, что надзиратель сам пытается как-то задеть заключенного, то последний знает, как защитить себя.

В конце концов Мохаммада снова бросили в застенки тюрьмы Ар-Рамля, где он находился с 28 мая 1975 года

по 29 августа 1975 года. В эти месяцы с ним обращались с невероятной жестокостью. 23 часа в сутки Мохаммад проводил в своей камере. Однажды он обратился к сержанту, известному своей жестокостью. Мохаммад просил, чтобы ему разрешили иметь хотя бы самое необходимое для нормальной человеческой жизни. Это вызвало страшный гнев надзирателя. Тот обрушил на Мохаммада поток нецензурной брани. Но и этого ему показалось мало. Он набросился на Мохаммада и стал избивать его связкой железных ключей. Тут Мохаммад не выдержал — швырнул в своего мучителя ложку и обругал его.

Не прошло и четверти часа, как к нему в камеру ворвались свыше двадцати тюремщиков. Среди них и рядовые и офицеры. У каждого в руках была зажата толстая дубинка. Они вытащили Мохаммада в коридор и стали зверски избивать. Его били до тех пор, пока он не упал на пол, истекая кровью. Он очнулся в кабинете начальника. Мохаммад лежал на полу, горячая кровь струилась из ран на голове и из ушей. Он пытался ощупать свои распухшие ноги. Но к нему подошел лейтенант и со всех сил пнул в живот. Мохаммад почувствовал, что теряет сознание от невыносимой боли. Тюремщики не оказали ему никакой помощи. Они оттащили его в камеру и оставили, истекающего кровью.

Через некоторое время пришел сам начальник и выразил удивление по поводу случившегося. Он сказал: «У надзирателей такие сильные мускулы. Не понимаю, зачем им понадобились дубинки. Если так будет продолжаться дальше, то в следующий раз они, наверное, используют против тебя самолеты. А вообще, если бы ты не поднял руку на надзирателя, с тобой ничего не случилось». Мохаммад возразил, что он только защищал себя и все происшедшее является актом варварства. Затем Мохаммад потребовал, чтобы к нему допустили его друзей для оказания помощи. Начальник отклонил его требование, опасаясь, видимо, возмущения других заключенных при виде их избитого и истекающего кровью товарища. Затем к Мохаммаду пришел санитар и оказал ему только самую элементарную помощь. Ту ночь он провел, буквально плавая в луже собственной крови. Наутро опять пришли надзиратели. Они обрили Мохаммаду голову, чтобы перевязать раны. Но при этом не

удосужились сделать уколы от заражения крови. Тем не менее тюремщики вскоре осознали опасность, угрожавшую состоянию здоровья Мохаммада, и перевезли его в больницу Урифин. В больнице после рентгена врачи обнаружили у Мохаммада несколько переломов в правом предплечье. Ему наложили гипс и снова вернули в одиночную камеру тюрьмы Ар-Рамля. Его здоровье стало резко ухудшаться, и Мохаммада перевели в тюремный госпиталь.

СЛИШКОМ ДОРОГАЯ ЦЕНА

Люди, собравшиеся в один из сентябрьских дней в здании Военного суда города Наблуса, стали свидетелями странного зрелища. На скамье подсудимых сидел пожилой человек. Его вид представлял тяжкое зрелище. Он тяжело дышал, его руки тряслись, а губы дрожали. Этот человек не переставая повторял: «Они убьют меня, они убьют меня. Но я не виновен, ей-богу, не виновен». На вид этому человеку можно было дать 70 лет, хотя в действительности ему нет и 60. Он был арестован вместе со своими сыновьями. Затем, правда, их всех постепенно освободили, за исключением одного — Луи.

Луи мучили и избивали на глазах отца, пытаясь вырвать признание. Отца звали Али Накаа Абдо. И вот сегодня его привели на суд, чтобы рассмотреть возможность освобождения под залог. Один из присутствующих сказал: «Этот человек тяжело болен. Разве вы не видите? Необходимо немедленно вызвать врача». Абдо повернулся ко мне и умоляюще произнес: «Помогите мне, Фелиция!»

В зале царило напряженное молчание. Обвиняемые даже привстали со своих мест, но полиция тут же усадила их обратно. И тут внезапно с Абдо сделались ужасные судороги. Он закричал и затих. Я потребовала оказать ему экстренную медицинскую помощь. Судьи даже бровью не повели, будто это не касалось судьбы человека, его жизни.

Это еще одно доказательство поразительного равнодушия к человеку, укоренившееся в душах прислужников режима, заставившее меня испытывать чувство острой ненависти. Но самое страшное, что один полицейский покачал головой и, пренебрежительно улыбаясь, сказал:

«Мы привыкли к таким штукам с его стороны».

Страшно было слышать такие слова. Человек умирает у них на глазах, а они делают вид, что ничего не происходит. Я вместе с другими бросилась помогать Абдо. Мы хотели вынести его из зала. Однако у входа полиция преградила нам дорогу и попыталась разогнать нас грубыми окриками и дубинками. В конце концов Абдо бросили прямо на пол. Вокруг него столпились цинично усмехавшиеся полицейские. Не прошло и несколько минут, как к этой группе присоединились сотрудники «Шин-Бет».

Я немедленно прошла в комнату судьи и уведомила его о состоянии Абдо, потребовав освобождения под залог, хотя бы по той причине, что этот немощный человек физически неспособен на побег. На это судья ответил мне: «Я не врач и совсем ничего не понимаю в медицине». Я сказала: «Но ведь судьи Верховного суда тоже не врачи. Но это не помешало им выпустить под залог Иегошуа Бенциона, укравшего 37 миллионов долларов. Такое решение было принято на основании медицинского заключения. Почему бы и Вашему превосходительству в этом случае не последовать примеру Верховного суда?» Судья ничего не ответил. А суд уже занимался рассмотрением другого дела. Я осталась около больного и пыталась успокоить его. Скоро пришел его лечащий врач Хатым Абу Газзаля из Наблуса. Увидев Абдо, распростертого на полу, он заявил во всеуслышание: «Я не могу помочь ничем, пока он находится в таком состоянии. Он человек и имеет право на человеческое отношение. Мой долг разоблачить эту вопиющую бесчеловечность». Тем не менее суд не придал его словам никакого значения. Я сказала врачу: «Неужели вы не видите, что здесь полновластный хозяин „Шин-Бет"».

Тут подошел сотрудник охранки и, выдавив улыбку, сказал: «Чтобы вы убедились в нашем гуманном обращении, мы сейчас же приготовим больному койку».

Действительно, через несколько минут они принесли койку и положили на нее Абдо. Пока доктор измерял пульс больного, мимо нас прошли несколько женщин-военнослужащих, одетых в оранжевую униформу. Они смотрели на нас, не скрывая ненависти. Вскоре врач подготовил заключение и представил результаты медицинского осмотра. Из слов врача следовало, что больной

находится в крайне тяжелом состоянии. У больного горячка. Он не дает отчета в своих действиях, давление у него повышено, речь обрывиста и бессвязна. Доктор выразил опасение, что у больного произошло кровоизлияние в легкое. Кроме всего прочего, он страдает диабетом и воспалением почек.

Затем врач рекомендовал немедленно перевести больного в клинику, так как дальнейшее пребывание Абдо в условиях заключения окончательно разрушит его организм. На зто судья ответил: «Пожалуйста, я не возражаю». Присутствующие с удивлением восприняли слова судьи, но вскоре стало ясно, что судья просто шутит, будто все происходившее было игрой. Тем временем слово взял прокурор: «Перевод подсудимого из зала суда в другое место запрещается. Сейчас придет тюремный врач и даст заключение об истинном состоянии здоровья больного». Через некоторое время явился тюремный врач, осмотрел Абдо, сделал ему инъекцию снотворного, после чего тот быстро уснул. Затем тюремный врач (в звании лейтенанта) предоставил суду заключение, в котором говорилось следующее: «Опасности для жизни больного не существует. Нет никакой необходимости перевозить его в больницу. Единственно приемлемое решение перевести его в тюрьму Наблуса, где он и пройдет лечение». Требование об освобождении Абдо под залог было отклонено. Его тотчас же вернули в наблусскую тюрьму. Все зто время Абдо находился под воздействием инъекции снотворного. Каждый, кто был свидетелем событий зтого дня, воочию увидел всю жестокость и равнодушие оккупационных властей и понял, какую страшную цену платит человек, которому суждено стать жертвой оккупантов.

„ТЮРЬМА ПОМОГЛА“

Заседание Военного суда в Лодде проходило при необычно большом скоплении народа. Скамья подсудимых, казалось, была не в состоянии вместить всех обвиняемых, в основном молодежь: учеников средних школ и студентов. Двоим из них было предъявлено по меньшей мере странное обвинение в принадлежности к сирийской и иракской партии БААС. Среди обвиняемых находился

юноша пятнадцати лет. Его обвиняли в принадлежности к некой запрещенной организации, название которой толком никто не знал.

Все обвиняемые в один голос отрицали свою виновность, за исключением одного молодого человека, на лице которого было написано полное безразличие ко всему происходящему. Даже когда обвиняемых вывели из зала, он остался сидеть на скамье подсудимых. Вынесение приговора решили отложить до следующего заседания.

Этого странного молодого человека звали Ибрагим Кумук. Он был выходцем из Восточного Иерусалима.

Отец Ибрагима сильно волновался за судьбу сына. Ему пришлось проделать длинный утомительный путь, чтобы добраться в Лодд. Психика его сына была серьезно травмирована за время пребывания в тюрьме Ад-Дамун, о чем я узнала от членов семей заключенных, находящихся в тюрьме Ад-Дамун. Отца Ибрагима о болезни сына никто официально не уведомил. Он услышал об этом только от родственников заключенных. Он разыскал меня, и мы вместе отправились в тюрьму Ад-Дамун. Там я объяснила начальнику тюрьмы ситуацию и обратила его внимание на страдания отца Ибрагима. Начальник согласился устроить свидание. Через некоторое время привели заключенного.

Вид его был ужасен, отца он не узнал и только смотрел по сторонам блуждающими и испуганными глазами. Когда отец попытался приблизиться и обнять его, он в страхе шарахнулся в сторону. Все это время он произносил какие-то бессвязные фразы. Потом начал смеяться и плакать без причины. К нашему ужасу, мы увидели гноящиеся раны на его руках и шее. Это были следы прижигания сигаретами.

Между тем санитар утверждал, что Ибрагим сам себе нанес эти раны. Отец сказал, что Ибрагим никогда не курил. Я спросила санитара, как могли попасть к нему сигареты, если он в таком состоянии, и почему ему не оказали никакой помощи, почему допустили, чтобы ожоги превратились в ужасные гнойники.

Санитар ответил: «Как видите, его это не очень-то беспокоит». Я потребовала, чтобы Ибрагима как можно быстрее перевели в психиатрическую больницу, поскольку дальнейшее пребывание в тюрьме обернется для него

либо смертью, либо неизлечимым психическим расстройством...

Внезапно Ибрагим начал биться головой о стену. Отец безуспешно пытался остановить и успокоить его. Ибрагим упал на пол и забился в страшных судорогах. Мы не на шутку испугались. Тут пришли два надзирателя и поволокли в камеру пронзительно кричавшего Ибрагима.

Мы вышли из тюрьмы. Я посмотрела на несчастного отца. Он выглядел разбитым и подавленным. Я не выдержала и расплакалась. Начальник тюрьмы дал телеграмму, в которой просил как можно быстрее перевести Ибрагима в психиатрическое отделение тюрьмы Ар-Рамля.

На следующее утро я выяснила, что он действительно был переведен в тюремное психиатрическое отделение.

Выступая на первом заседании суда, на котором среди прочих дел разбиралось и дело Ибрагима, Валид пытался убедить судей, что Ибрагим не может присутствовать на суде. Судьи распорядились проводить интенсивное лечение до тех пор, пока больной не сможет присутствовать на заседании суда.

На втором заседании Ибрагим присутствовал. Перед этим ему стало несколько легче. Судья сказал мне: «Видите, его состояние сегодня гораздо лучше, чем было в прошлый раз. Наверное, тюрьма помогла». Я ответила: «Причиной всех испытаний, выпавших на его долю, является именно тюрьма. Господин судья наивно ошибается, полагая, что тюрьма самое подходящее место для больного».

Судья не нашелся, что сказать в ответ. Но я поняла, что он затаил злобу.

Я сидела, задумавшись над всем увиденным. Они судят Ибрагима, а ведь он не отдает отчета в том, что происходит вокруг.

Вернемся все же ко дню суда. Отец Ибрагима выступил на заседании в качестве свидетеля и ходатайствовал за сына. Он рассказал о том, что мы с ним видели в тюрьме Ад-Дамун. Затем он просил проявить милосердие к его сыну, высказав опасение, что тюрьма окончательно превратит его в больного человека.

Отвечая на мои вопросы, психиатр сказал: «Ибрагим получил серьезную травму, в результате чего утратил способность взаимосвязанно понимать явления окружающего мира. Его нервная система серьезно травмирована». Доктор добавил, что причиной болезни Ибрагима он считает пребывание в тюрьме и пытки. Однако доктор выразил надежду, что со временем состояние Ибрагима может улучшиться. На рассмотрение суда был представлен отчет, в котором указывалось, что Ибрагим заболел во время тюремного заключения. Отмечалось также, что Ибрагим имел наследственную склонность к психическим заболеваниям. В результате психического заболевания Ибрагим утратил способность связной речи, но тем не менее в той или иной степени способен понимать происходящее. В конце заседания прокурор заявил, что лечение психически больного возможно и в стенах тюрьмы. Я резко возражала против этого, доказывая, что обвиняемый практически невменяем, что было бы несправедливо и жестоко настаивать на его заключении после того, как сами тюремщики травмировали Ибрагима и он провел девять месяцев, страдая физически и находясь на грани сумасшествия. Я требовала немедленно освободить его.

После продолжительных консультаций был объявлен приговор. Ибрагима приговорили к трем годам тюремного заключения и трем годам условно. Отец и мать заплакали. А Ибрагим только улыбнулся глуповатой наивной улыбкой. В этой детской улыбке отразилось абсолютное безразличие к настоящему и будущему. Казалось, что приговор не вызвал у него никаких эмоций.

ОККУПАЦИЯ ЗАКОННА. СОПРОТИВЛЕНИЕ ОККУПАЦИИ — ВНЕ ЗАКОНА

Когда пришли оккупанты, Рашиду Шамруху, уроженцу лагеря беженцев Ад-Дагиша, расположенного поблизости от Бейт Ляхма, исполнилось только 10 лет.

В возрасте 17 лет вместе со своими товарищами он решил бороться с оккупантами. Они присоединились к одной из запрещенных организаций (на оккупирован-

ных землях любая организация, которая борется за права палестинцев, считается незаконной). На виду у всех один из друзей Рашида писал на стене кинотеатра в Бейт Ляхме лозунг: «Долой оккупацию». Те же самые слова писали и израильские юноши, которым надоела оккупация, на стенах домов в самом Израиле. В январе 1978 года Рашид был арестован по обвинению в принадлежности к запрещенной организации и в попытке склонить других людей к участию в ее работе. Он обвинялся также в подстрекательских действиях. (Под этим подразумевались лозунги на стенах.) По чистой случайности я не смогла присутствовать на суде, тем не менее я послала судье телеграмму, в которой изложила свою точку зрения. Судья полностью игнорировал ее и вынес Рашиду приговор — два года тюремного заключения. Суд даже не предоставил ему возможности защищаться.

Лишь после того, как я опротестовала этот приговор и пригрозила обратиться в Верховный суд, квалифицировав инцидент как вопиющее нарушение Женевской конвенции, районный начальник согласился на отмену приговора, вынесенного Шамруху.

Более того, было решено пересмотреть все дело при участии другого судьи. Дата нового слушания назначалась трижды, но каждый раз судебное разбирательство срывалось и обвиняемого не привозили из тюрьмы Беэр-Шева в зал суда. В конце концов Рашид предстал перед судом. Прокурор потребовал для него пяти лет заключения, пытаясь убедить судью в необходимости вынесения более сурового, чем первый, приговора. В своем выступлении я раскрыла причины, которые вынудили Рашида, беженца, остро ненавидевшего оккупацию, встать на путь борьбы.

Суд приговорил Рашида к тюремному заключению сроком на 2 года 11 месяцев и к денежному штрафу в размере 500 израильских лир.

В последнее время я буквально обила пороги кабинетов военных судей, пытаясь заставить их выслушать мнение защиты. Судьи совместно с представителями прокуратуры нехотя все же слушали. Интересно, удалось ли мне хоть что-нибудь сделать или мои старания оказались напрасны?

НЕИССЯКАЕМЫЙ ИСТОЧНИК

Его зовут Наим Абдо. Он сидит в комнате свиданий тюрьмы Аль-Халиль.

На встречу со мной его привели «сверху». «Верхом» в тюрьме Аль-Халиль называется этаж, на котором расположены одиночные камеры, находящиеся под непосредственным контролем службы «Шин-Бет».

Голос Наима звучал спокойно и уверенно. Он сказал, что провел в заключении 22 дня, не видел при этом следователя и не выходил из камеры. Затем он рассказал мне о мучениях, которые ему пришлось пережить: его избивали 14 дней подряд.

Тюремщики говорили ему, что он якобы является членом коммунистической партии и Палестинского национального фронта, требуя признаться. Наим отрицал все обвинения. Ему уже перевалило за 40, и в жизни Наиму пришлось испытать разное: плохое и хорошее.

Он не боялся, что его убьют. Он предпочитал умереть, но не признаться в сфабрикованных против него обвинениях. Наим продолжал свой рассказ:

— После того, как они убедились, что состояние моего здоровья стало опасным для жизни, они оставили меня в покое. Они рассчитывали, что болезнь погубит меня так же быстро, как и их дубинки.

Здесь он приостановился, а затем спросил:

— Почему вы опоздали сегодня? Раньше вы приходили вовремя.

— Да, Наим, я не забыла наши прежние встречи. Я вспоминаю 1968 год, нашу встречу в коридоре тюрьмы Аль-Халиль. Тогда Аль-Халиль был окутан снегом. В тюрьме — ни воды, ни электричества. Годы шли, произошли кое-какие изменения. Расширены коридоры, чтобы обезопасить тюремщиков, обставлены кабинеты администрации для того, чтобы офицеры выглядели представительнее. Но камеры остались такими же. Помню, как в 1973 году они привели тебя на свидание. Вот так же, как и сейчас. По правде говоря, глаза твои немного потухли, но это, наверное, из-за болезни, которая точит тебя. Пройдут годы. Состарятся твои тюремщики и палачи, но ты, Наим, ты никогда не состаришься.

В камере Наима душно и сыро, на цементном полу брошены два одеяла. Одним он укрывается, другое служит матрацем. Однажды Наим решил попросить третье одеяло, но тюремщики сделали из этого целую проблему, сказав, что подобные вопросы находятся в компетенции службы безопасности «Шин-Бет». Наим лишь насмешливо улыбнулся в ответ. Он не из тех, кто ради мелких поблажек готов унижаться перед надзирателями.

Теоретически он не совершил ничего преступного, но на деле выходит все наоборот. Я сказала ему, что на этот раз он долго не задержится в тюрьме. Наим слабо улыбнулся в ответ. Я прекрасно знала, что его не нужно утешать. Это был человек большой воли. Я всегда удивлялась и спрашивала себя, откуда берется у него эта неиссякаемая воля и стойкость.

ДЖИХАД СААД И ЛОНДОНСКОЕ ТЕЛЕВИДЕНИЕ

Салах Бадран и я сидим в кабинете администрации тюрьмы Аль-Халиль, ожидая, пока приведут Джихада с верхнего этажа. Того самого этажа, который находится под непосредственным контролем службы «Шин-Бет».

«Я хорошо знаю его,— говорит Салах,— он приходил в мою контору справиться о своем отце».

Действительно, отец Джихада Мохаммад Саад уже давно томился в тюрьме. Два года он провел в предварительном заключении без суда и без предъявления каких-либо обвинений.

Наконец привели Джихада. Он был в наручниках. Увидев его, Салах растерянно произнес: «Я не узнаю Джихада, что они с ним сделали?»

Джихад испуганно смотрел по сторонам, его руки дрожали. Больно было видеть молодого парня в таком жалком состоянии. Его рубаха была поношена и изодрана, от рукавов шел неприятный запах.

В глазах Джихада стояли слезы. «Скажите,— спросил он,— они не будут больше пытать меня?» Вид этого несчастного юноши болью отзывался в моем сердце.

Джихад начал рассказывать о злодеяниях тюремных палачей, о том, как его подвешивали за руки и жестоко

избивали. Он показал мне раны от цепей на запястьях рук, опухшие ноги. Джихад не мог передвигаться. Лицо его было бледным и угрюмым. Я заметила, что он плохо слышит, и спросила почему. Джихад сказал, что его били по ушам, в результате ушные раковины воспалились, превратились в гнойные раны.

Пока мы разговаривали, тюремщики с любопытством сверлили нас глазами. Я потребовала объяснить, что случилось с юношей.

«Это не мы,— последовал ответ.— Вы же знаете, что он находится не в нашем распоряжении».

Я потребовала, чтобы Джихаду предоставили возможность сходить в баню и сменить белье.

«Это не наше дело,— сказали тюремщики,— поговорите с теми, кто отвечает за этого парня».

Джихада «опекали» сотрудники «Шин-Бет». Бесполезно было требовать от них милосердия или снисхождения.

Буквально через неделю арестовали второго сына из семьи Саадов — Насри. Таким образом, в тюрьме Аль-Халиль оказались отец и два сына. Вскоре Джихада перевели с верхнего этажа в отделение, где сидел его отец. Но и там, по словам отца, он не мог отделаться от навязчивого страха. «Возможно,— заключил Мохаммад Саад,— он и забудет все это когда-нибудь».

В роскошном здании, где размещается штаб-квартира британского телевидения, проходила телевизионная дискуссия, посвященная моей книге «Своими глазами», которая была издана в Англии.

«Книга является волнующим документом. Скажите, как вам удалось опубликовать ее?» — спросил меня диктор.

Он, казалось, находился под впечатлением моей книги, которая повествует о жестоких расправах, чинимых израильскими властями, об ужасах оккупации, от которых седеют даже дети.

«Мы попросили израильское посольство прислать своего представителя на эту встречу, чтобы тот мог рассеять ваши доводы и опровергнуть факты,— сказал диктор,— но в посольстве отклонили нашу просьбу. Тем не менее мы пригласили одного из руководителей сионистской организации принять участие в этой передаче».

Его фамилия — Джинар.

Прибыв на студию, Джинар прошел мимо меня, не поздоровавшись. Затем он занял свое место. Ко мне обратился диктор: «Прошу вас, расскажите о каких-либо подробностях, которые не вошли в вашу книгу. Можете при этом не называть имен». И не дав мне ответить, заговорил дальше, сжимая в руке мою книгу: «Ваша книга — подлинная сенсация. Скажите, как вы, будучи израильтянкой, еврейкой, могли написать такое?»

— Я писала эту книгу, и сердце мое наполняла жгучая боль. Я стремилась прежде всего к тому, чтобы эти ужасы больше не повторились, чтобы читатели поняли преступный характер оккупации, поняли, насколько эта оккупация противоречит интересам самого израильского народа.

Джинар тут же перебил меня и сказал: «Я не верю ни одному слову этой госпожи, сердце которой якобы переполнено жгучей болью. Я лично посетил ряд израильских тюрем, беседовал с заключенными и могу засвидетельствовать, что все сказанное этой госпожой — ложь и клевета».

В ответ я заявила: «Не будете ли вы так любезны сообщить нам, с какими именно заключенными вы беседовали и что они вам сказали?»

«Я не для того сюда пришел,— ответил Джинар,— чтобы эта госпожа допрашивала меня». (Впоследствии я узнала, что британские телезрители расценили этот ответ как явное признание в поражении.)

«Что касается меня, то я писала о том, что видела собственными глазами»,— сказала я, а затем стала рассказывать о Джихаде Сааде и о наших встречах с ним.

В эту минуту я забыла о направленных на меня объективах, забыла о дикторе. С каким-то воодушевлением и очень быстро я стала рассказывать о юноше Джихаде из тюрьмы Аль-Халиль, о Зияде аль-Аззе из тюрьмы Аль-Москобийя, о Сулеймане Надшабе из тюрьмы Аль-Джальма.

Джинар отвечал на все односложно, произнося одно только слово «ложь».

Когда мне опять предоставили слово, я сказала: «Эти молодые люди бросают не бомбы, а листовки. Они давно протягивают нам руку дружбы и готовы признать наши права при условии, если мы признаем их права и откажемся от агрессивной политики».

Мне не довелось увидеть на экране эту передачу, но те, кто смотрел ее, рассказывали мне, что телезрители поверили моим словам и не приняли утверждений моего оппонента, который в ходе передачи показал свое подлинное лицо.

Недаром говорят, что невозможно постоянно обманывать людей!

ПАРОЛЬ „МАБРУК"

Хотя и не поймешь, впервые услышав, значение этого арабского слова *, оно оставит в твоей душе какое-то особое музыкальное и радостное эхо...

Злой зимний ветер гнет и треплет верхушки деревьев вокруг тюрьмы в Наблусе. Десятое декабря. Это день триумфа демократического фронта в Назарете, где его возглавляет поэт-коммунист Тауфик Заяд. В тюрьме эта новость уже известна, и поэтому тюремщики встретили меня весьма сухо. Они не разрешали войти в помещение сопровождавшему меня адвокату-практиканту Салаху Бадрану под предлогом, что они якобы его не знают. На них как-то неожиданно нашло затмение: они его забыли! Это они-то, которые много раз видели Салаха, проверяли его документы во время визитов в тюрьму.

Один из надзирателей, подмигнув, сказал мне: «Ну, хороши нынче твои дела».

— Конечно, хороши,— ответила я ему.— Но ваша администрация объявила траур. Неужели вы думаете, что я разделю ваши печали?

Мне показалось, что я попала в самое больное место, и в ответ услышала злобное и раздраженное замечание:

— Мы политикой не занимаемся. Это не наше дело. Но все же ваш муниципалитет не продержится и двух недель, понимаешь?

Хотя слова были полны яда, словно жало пчелы, они были «вне политики».

В этот момент стали приводить арестованных. Их приводили группами и в одиночку. Это были люди раз-

* Что в переводе с арабского языка означает: благословенный, процветающий, радостный.

ных убеждений и взглядов. Среди них были старики и молодежь. Но можно было заметить, что их лица светятся радостью от полученных с воли новостей, в их глазах светилась улыбка. Слово «мабрук» то и дело срывалось с их губ, неся в себе радость и ликование.

И не удивительно! Ведь в победившем Назарете вновь проснулась гордость. Люди после почти трех десятков лет унижений вновь подняли головы. Это были лучи и отблески той зари, которую оккупанты хотели бы навсегда похоронить во тьме застенков.

— Передай наш привет Тауфику, Фелиция... Наблус совсем недалеко от Назарета!

Взгляды надзирателей и людей из «Шин-Бет», обращенные на меня, были полны злобы, они уподобились стальным кинжалам. Я не ушла из тюрьмы до тех пор, пока не пожала руку каждому заключенному. Это было похоже на церемонию прощального рукопожатия в конце приема, который устроен в честь мира и дружбы.

Потом я вышла за железные ворота тюрьмы, но отзвук слова «мабрук» продолжал звучать в моих ушах упоительной мелодией не только дни и месяцы, но и годы. Это объясняется довольно просто. Слово «мабрук» стало паролем победного сражения. Оно — победа достоинства великого и стойкого народа.

РАЗРУШИТЕЛИ

Сектор Газа усеян лагерями беженцев и могилами. Каждая война унесла свои жертвы, оставила свои могилы.

Мой спутник, сопровождавший меня по пути в лагерь Аль-Баридж, рассказывал о тех, кто погиб в дни войны 1956 года, в дни войны 1967 года.

Машина шла по дороге в Эль-Ариш. Мы прибыли в лагерь Аль-Баридж, едва не утонув в пыли и грязи. Мой спутник заметил, глядя на небо: «Да, солнце здесь обычно бывает не таким, как сегодня».

По обеим сторонам грязной дороги змеились закоулки, где сгрудились глинобитные строения и хижины без окон. После небольшой паузы мой спутник продолжил: «В этом лагере поселились беженцы из Яффы, Лидды,

Рамле и других мест. У меня самого остался дом в Яффе. Я видел его недавно, но внутрь не входил. Мои дети его видели тоже».

Наша машина останавливается перед бесформенной грудой обломков. Сопровождающий сообщил, указывая на них: «Несколько месяцев назад на этом месте стоял дом Абу Мохаммада аль-Афгани...»

Пока мы разговаривали, к нам подошел сам Абу Мохаммад, он стал рассказывать о своих бедах и напастях: «Когда несколько месяцев назад арестовали моего сына, он просил меня не беспокоиться, потому что он не совершал ни диверсий, ни преступлений. Его, как вы знаете, до сих пор не судили, но держат в заключении. Однажды к нам явилась группа офицеров с солдатами, а с ними несколько рабочих из управления общественных работ. Нас уведомили, что у них есть приказ снести наш дом по той причине, что мой сын Мохаммад — фидаи *. Обыска у нас не проводили потому, что точно знали о беспочвенности обвинения, о том, что в моем доме нельзя обнаружить ничего, достойного внимания службы безопасности. Я говорил им, куда я пойду, у меня восемь детей и больная старая мать. Меня не слушали и дали полчаса, чтобы вынести из дома вещи. Мы наживали и собирали их целых 27 лет, а теперь все нужно вытащить за полчаса. Мы, конечно же, не смогли управиться за это время и вынести все. Пришельцы разрушили дом, все, что еще оставалось внутри. Не посчитались даже с продуктами, все потоптали ногами и подавили. Я пытался снять и сохранить одну из дверей дома. Моя попытка не прошла незамеченной. Они тут же разбили дверь вдребезги. Динамита не применяли. В дело шли большие топоры. Ломали и крушили пятеро здоровенных верзил. Их не трогали ни слезы детей, ни стенания несчастной старухи. Но сам я не плакал, ибо какая в слезах польза. Крыша дома была из шифера, и я молил Аллаха, чтобы хоть ее оставили целой, чтобы я смог использовать ее как навес для другого пристанища. Но они работали методично и старательно. Они не делали ошибок и ничего не забыли. От крыши они

---

* *Фидаи (арабск.)* — человек, жертвующий собой во имя великой цели. Так называют патриотов-партизан.

оставили лишь небольшой кусок. Этот навес, который ты видишь, я сделал с помощью сестер, которые принесли мне кусок материи для палатки. Если шел дождь, мы все забивались в нее. Ночью мы все спали в этой же палатке».

Но я увидела, что в палатке помещалась лишь одна постель. Я не могла понять, каким образом может эта кровать вместить всю семью. Ведь на полу тоже нельзя устроиться — там складывали кухонную утварь.

Подошедшая хозяйка Умм Мохаммад тихо проговорила: «Как хорошо, что появилось солнышко».

Она принесла нам кофе и тоже вступила в беседу.

«Вот мы сидим,— сказала она,— сейчас под открытым небом, а на том месте, где натянута веревка для белья, была когда-то наша столовая».

К нашему разговору внимательно прислушивались детишки и одетая в черное старая женщина. Она все еще помнила свой дом в Яффе, помнила день, когда ей пришлось навсегда покинуть его стены в 1948 году. Она помнит трагедию 1956 года, помнит и 1967 год. Она обращает свой взор к небу, словно моля Аллаха остановить дождь, не покрывать небо темными тучами, чтобы ее внуки не простудились и не заболели.

Затем она оборачивается ко мне и начинает спрашивать о здоровье своего внука Мохаммада, брошенного в застенок. Вопросы она перемежает обращениями к Аллаху, который милостив и милосерден. Не знаю, помогло ли это, но впервые эта семья вынуждена отмечать большой мусульманский праздник под открытым небом.

Увиденное настолько поразило меня, что слова буквально застревали в горле. Я все смотрела и смотрела на развалины, где виднелись то остаток стены розового цвета, то какие-то обломки зеленого оттенка. Я пыталась мысленно представить себе, каким выглядел дом аль-Афгани, и не могла. Мысли мои возвращались к тем рукам, которые творили черное дело разрушения, крушили стены и фундамент, мебель и утварь — все, что когда-то было кровом над головами этих несчастных, составляло частицу их жизни. Я спрашивала себя, как могут такие люди спокойно возвращаться в свой дом, играть с детьми, сидеть за обеденным столом. Онемев,

я не в состоянии была найти нужные слова. Вдруг я услышала, как один юноша обращается ко мне и поздравляет с победой в Назарете. Его глаза сверкали, словно молнии, прорезывающие темноту ночи. Я слышала слова боли и гнева, слова гордости и оптимизма, слетавшие с его губ в лагере Аль-Баридж. Это — далеко от Назарета и близко от разрушенного дома.

Когда фотограф делал снимки развалин, вокруг нас стояли люди, в глазах которых застыл справедливый гнев.

В моих ушах звучали слова юноши: «Хладнокровное разрушение дома подобно преступному убийству человека не в бою...»

КОГДА МОЛЧИТ ФЕМИДА

Сегодня у меня необычное дело. Здесь все необычно, в этом бурлящем городе — в Газе!

Мы сидим, ожидая начала заседания суда. Мои мысли заняты последним делом Фуада Фукауи, который после окончания педагогического училища в Рамаллахе работал учителем в Агентстве помощи беженцам в Хан-Юнисе.

На скамье подсудимых сегодня приготовлены места для девяти человек [1], обвиняемых в попытке отнять оружие у израильского солдата, которому они предложили место в своей машине.

Во время слушания дела ко мне обратился один из солдат и предложил представить, что солдат, которому готовили западню, мой сын.

Я тут же вспомнила о своем сыне Михаиле и ответила, что он предпочел бы сесть в тюрьму, но не служить в армии в оккупированных районах.

— Никаких оккупированных районов не существует,— раздраженно отреагировал судья.— Это наша земля.

---

[1] По этому делу обвинялись Исмаил Хабиб, Салех Ашма, Тауфик аз-Заза, Рамадан Батриха, Мохаммад Хабиб и другие. Хотя суд и не доказал факт покушения на солдата, их обвинили в намерении совершить покушение.

— Долгие годы,— сказала я, обращаясь к охране и судьям,— вам туманили голову, вас обманывали. Но придет день, и вы поймете, что наше с вами место не здесь. И тогда не будет ни «диверсантов», ни «невинных жертв».

Здесь же я добавила:

— Знайте, что преступники те, кто заставляет вас проливать кровь, терять свои лучшие дни в бессмысленной и жестокой войне, которая отнюдь не оставит в вашей памяти добрых следов.

В зале вместе со мной находились и другие адвокаты: Абу Дикка, Абу Вард и Акль. Мы потребовали, чтобы нам дали возможность побывать в тюрьме Газы и выяснить положение, в котором находятся заключенные. Мы хотели выяснить это в связи с заявлением Исмаила Хабиба, которого подвергли пыткам после ареста.

Генеральный прокурор, к нашему удивлению, немедленно удовлетворил эту просьбу. Даже военный судья, полковник Ор, не смог скрыть своего удивления. Это было видно по его лицу. Определили и время посещения: ровно в час тридцать в этот же день.

В назначенное время мы были на месте. Нас уже ждали люди из «Шин-Бет» в сопровождении прокурора.

При их виде мне подумалось: «Уж не приготовили ли они для нас и букеты цветов?»

Слышался шепот, кто-то куда-то ходил, что-то делал. Прошел целый час, пока мы наконец услышали, что в «Шин-Бет» не согласны на наш визит, так как это — совершенно секретный объект!!!

Подобного еще не случалось. Лицо судьи покрылось красными пятнами стыда и негодования. По сути дела, сотрудники «Шин-Бет» наплевали на его, судьи, решение.

Мы вернулись в зал заседания. Адвокат Абу Дикка выступил с упреками в адрес судей, которые не выполнили собственного обещания, не проявили должной твердости. Абу Дикка сказал, что происшедшее сегодня свидетельствует, без сомнения, о том, что суд является не больше чем пустой формальностью и насмешкой.

Мы с адвокатом Абу Вардом также выразили справедливое негодование. При этом я сказала, что сего-

дняшний случай показал нам, кто может творить все, кто вносит дух откровенного цинизма в приговоры, объявленные судом. Для меня ясно: именно по той причине, что там скрывают нечто ужасное, нам упорно не позволяют посетить тюрьму. Я сказала также, что, по нашему мнению, суд должен добиться немедленного исполнения своего решения и безотлагательно наказать виновных за нарушение судебных решений.

Вслед за мной выступил адвокат Абу Вард и потребовал расследования причин присутствия чиновников из «Шин-Бет» в зале заседания, сидевших рядом с прокурором. Прокурор прервал его речь и заявил, что отзывает свое согласие на посещение тюрьмы, и просил суд отклонить просьбу адвокатов.

Я не выдержала и, поднявшись, резко сказала:

— Уж теперь-то ясно, что у вас нет самостоятельной точки зрения. Вас очень нетрудно заставить отказаться от ранее принятого решения.

Увидев такой оборот дела, судья решил закрыть заседание трибунала под предлогом позднего времени и перенести его на другой день (14 января 1976 года).

Утром в день заседания судья принимает решение обусловить посещение тюрьмы рядом оговорок. Первое, что он придумал, это провести закрытое заседание после возвращения адвокатов из тюрьмы. Он также запретил публиковать всякую информацию об увиденном и услышанном в тюрьме.

Это не помешало нам все же побывать в тюрьме. Когда мы вернулись оттуда, в течение часа проходило закрытое заседание суда. Затем состоялось открытое разбирательство. Помню, на суде я говорила:

— Никто в мире не может уничтожить в нашей памяти черные воспоминания, связанные с тем, что мы видели сегодня, от чего в жилах стынет кровь, против чего выступает совесть.

Переводчик внимательно посмотрел на судью, а уже затем стал переводить мои слова на арабский. Судья не реагировал. Мое выступление не было включено в протокол заседания.

Но пресса оказалась более справедливой — газеты опубликовали из моего выступления всего одну фразу: «В Газе есть такое место, о котором лучше всего молчать».

ЖИЗНЬ В МОГИЛЕ

Обитые железом двери с полустершимися номерами. Маленькие оконца, забранные решетками, тянутся вдоль темной галереи. Из-за решеток я услышала твой ранящий душу голос: «Подойди и посмотри!»

Тюремный надзиратель открыл дверь темницы. Изнутри пахнуло могильной сыростью. И тебя я увидела, словно в могиле. А как иначе назвать коробку длиной 2 метра и шириной 1 метр 40 сантиметров. Такой площади хватит на несколько смертей! И потом, разве бывают могилы с окнами? Уверяю, в мире нет могил с окнами на внешний мир, откуда проникает его свежее дыхание.

Но у тебя есть какие-то потребности, нужды, как, впрочем, и у всякого живого существа. Да, правда, ты же араб, но, несмотря на это, тоже — «человеческое существо». По этой причине тебе и поставили в камеру ведро для всяких нужд и даже дали две чашки: одну — для воды, другую — для еды.

Словом, ты получил все, в чем нуждаются твое тело и твоя душа. Впрочем, нет. О душе разговор особый. Душа — вещь сомнительная.

Как утверждают твои надзиратели, у тебя все в порядке и для жалоб нет причин. И потом, что случилось, почему я уделяю тебе столько внимания? Это ведь прямой результат моего абсолютного незнания твоей сущности — сущности араба.

Твои глаза красны? А почему бы им не быть такими? Разве красный цвет перестал быть королевским цветом, цветом гордости?

Что за беда, если кусок резины на твоей постели тоньше сантиметра? Ведь под ним цементный пол толще десяти сантиметров! Тебе вредна плесень на полу и стенах? Но разве плесневелые грибки появляются не по воле Аллаха?

Я говорила тебе: «Что за беда, если дождь заливает твою камеру? Ну, будет ее чуть меньше, зато твои сетования вызовут гнев охраны. Охранники рассердятся, вернут тебя в камеру, накрепко запрут дверь. Ты останешься внутри, где мрак и сырость. Я же вернусь к свету и воздуху, терзаясь и сострадая, не в состоянии сдержать слезы».

ЛЮБОВЬ К РОДНОЙ ЗЕМЛЕ

Он смотрит на меня большими прекрасными глазами. На его лице улыбка, идущая от самого сердца. Между тем мы встретились не где-нибудь, а в тюрьме Тулькарм. Я смотрю на это лицо. Оно говорит мне больше, чем могут сказать слова.

— Меня арестовали в сентябре прошлого года, недалеко от Тулькарма, в отцовском доме в деревне Сульс,— так начал свой рассказ Ибрагим Горайба.— У меня нашли листовки, призывающие к борьбе против оккупации, за палестинскую революцию. Я писал их от руки по собственной инициативе. Кто же может молчать об оккупации? У вас ведь тоже распространяют листовки против оккупации, не так ли?

Мне двадцать лет. Я окончил среднюю школу и собирался изучать юриспруденцию. Возможно, ты спросишь, почему я избрал профессию адвоката? Отвечу, адвокаты нужны моему народу. А теперь вернемся к дню моего ареста. Меня доставили в Наблус и начали нещадно бить. Я различил два имени своих мучителей: Михи и Джеймс. Они вырывали волосы на голове, били в пах, говоря при этом, что оторвут у меня руки и заменят их протезами, подобными тем, что у меня на ногах.

На мгновение мой собеседник замолчал и обнажил ноги до колен. Я увидела протезы, прикрепленные кожаными ремнями к коленям.

— У меня нет ног,— сказал Ибрагим,— но у меня есть голова. Я стараюсь держать ее высоко. У меня есть сердце. Я всем сердцем люблю родную землю.

Голос Ибрагима звучал глуховато и хрипло. Я смотрела на него с глубоким сочувствием. Ибрагим продолжал:

— Взгляни на палку, на которую я опираюсь. Она — новая. Старую сломали те, кто меня допрашивал. У них закончился весь запас ругательств, и они воспользовались палкой. А как мне было трудно в тюрьме переживать свою оторванность от других арестованных! Но теперь я со своими. Я чувствую в них опору, они оказывают мне помощь во всем.

Время свидания кончилось. С помощью друзей Ибрагим поднялся. Опираясь на палку, он медленно пошел.

Я провожала его глазами. Он обернулся, словно почувствовав мой взгляд. Улыбка осветила его лицо. Затем он скрылся за железной дверью. В моем воображении возникла картина допроса Ибрагима. Перед ним на собственных здоровых ногах допрашивающие, а Ибрагим скованно стоит на протезах. Но всем своим существом он ощущает под собой землю родины, которую он любит.

ЗАПРЕТНЫЕ СЛОВА

Пришел день суда. В тесной камере, примыкающей к залу заседания, ожидают суда десять заключенных. Среди них и Ибрагим. Я пришла в камеру в сопровождении адвоката-практиканта Абдо Асали.

— Я вижу здесь чуть ли не половину школьного класса,— откомментировал Абдо.

— Здесь еще не присутствуют шестеро наших товарищей,— откликнулся один из арестованных.

Я не могла видеть, как страдает Ибрагим, которому трудно было стоять, и попросила принести стул. Чиновников возмутила подобная просьба. Один из них заявил:

— Стул мы ему не дадим. Если хочет, пусть садится на землю.

Ибрагим придержал протезы и сел на холодный цементный пол. Погода в этот день не жаловала. Было холодно, и полицейские оделись по-зимнему. Один из них, издеваясь, заметил:

— Смотрите, ему нравится сидеть на земле.

Я искала, что бы такое дать Ибрагиму подстелить. Кроме моей накидки, ничего не было. Но Ибрагим отказался взять ее. Я настаивала, и он наконец согласился. Накидка не сразу попала ему в руки. Прежде ее тщательно осмотрели, очевидно опасаясь, что в ней я что-то передам Ибрагиму.

В час пополудни прибыл главный судья, а мы все продолжали ждать остальных судей.

Присутствовавший тут же прокурор сказал мне:

— Этот судья достаточно мягок, Фелиция. Тебе повезло.

— Мне сегодня нужно побольше удачи,— ответила я, думая при этом об Ибрагиме, помня, что ему пришлось пережить в камере пыток.

Ибрагим признал некоторые обвинения. Это же сделали Мустафа и другие обвиняемые.

До объявления приговора Ибрагим давал показания под присягой. Он рассказал о своем тяжелом детстве, о том, что родился с больными ногами. В 1969 году ему ампутировали обе ноги ниже колена в госпитале Бейт Ляхма, затем для него изготовили протезы в госпитале Тель-Хашомер.

Он рассказал, как старался учиться, чтобы получить свидетельство о среднем образовании, о своем желании стать юристом. Далее Ибрагим стал рассказывать, как ему трудно приходится в тюрьме, но он во всем полагается на товарищей.

Судья прервал его вопросом:

— Тебя лечили в госпитале Тель-Хашомер бесплатно?

— Нет,— ответил Ибрагим,— за все платил Красный Крест.

— Но с тобой хорошо обращались в госпитале,— подчеркнул судья.

— А разве я отрицаю это.— ответил Ибрагим.

— Но несмотря на это, ты занялся неблаговидными «делами»,— заметил судья.

Здесь я встала и выразила протест:

— О каких делах говорит судья? О распространении листовок?

Судья ответил:

— Это в его интересах, госпожа Лангер. Прошу вас не мешать нам.

Я села и невольно подумала о трагедии человека, у которого отняли родину, которого лишили юности, а затем приказали молчать и считать тех, кто это сделал, благодетелями.

Как это можно допустить!

Но я ничего не сказала вслух, опасаясь вызвать злобу судей, что грозило Ибрагиму двойным наказанием. Рядом с генеральным прокурором сидел прокурор. Он присутствовал в качестве инспектора или ревизора.

Пришла очередь выступать генеральному прокурору. Когда он дошел в своей речи до дела Ибрагима, так называемый «ревизор» прервал свое молчание. Он попросил у своего коллеги разрешения несколько изме-

нить формулировки, что давало обвинению возможность потребовать более сурового наказания Ибрагиму.

Я почувствовала, что задыхаюсь от волнения, и сказала ему:

— Но ведь было объявлено, что ваша роль ограничивается контрольными функциями, почему же вы вмешиваетесь?

Мне ответил судья:

— У него есть право вмешаться в любое время.

В конце концов генеральный прокурор заявил, что Ибрагим является опасным заводилой, подобные ему элементы мешают жить людям, лишают их покоя. Он упомянул также о действиях Ибрагима на территории Израиля, приезжать куда он имел разрешение в любое время.

Затем прокурор перешел к делам других арестованных, заявив, что все они, за исключением двоих, являются опасными элементами. Прокурор просил суд освободить из-под стражи этих двоих, которые пробыли в тюрьме четыре месяца. Для Ибрагима прокурор потребовал десять лет тюрьмы!

Это случилось уже после моей почти двухчасовой речи, в которой я просила суд не делать Ибрагима козлом отпущения, приводила цитаты из Торы и трактатов рабби Моше бен Маймуна, запрещающих подвергать наказанию хромого. Но судья прервал меня:

— Если мы последуем твоему совету и примем во внимание его хромоту, мы попадем в ловушку организаций, которые его завербовали, которые как раз и рассчитывали, что мы не станем его сурово наказывать, если он попадется в наши руки. Вот если бы его изувечило взрывом гранаты, которая разорвалась в его руках, мы могли бы считать это частью наказания, что можно было бы учесть в приговоре.

Я не ответила на столь откровенную провокацию, чтобы не обрушить месть прокурора на голову Ибрагима.

Затем я перешла к защите обвиняемого Мустафы Исса, указав прокуратуре на нарушение ею права моего подзащитного, которое имело место в связи с несогласием немедленно освободить Мустафу из-под ареста. Судья вновь прервал меня:

— Второй раз вы употребляете подобные выражения.

Я ответила недоуменным вопросом:

— Разве слово «нарушение» относится к недозволенным выражениям? Или вы чувствуете раздражение к словам, которые употребляю именно я?

А время шло, день сменился ночью, судьи приустали, вынесение приговоров закончилось.

Ибрагим пожаловался, что его поместили в сырую камеру и дали легкое одеяло, которое не защищает от холода. Судья отделался неопределенной и расплывчатой рекомендацией, которая означала «если это не затрагивает тюрёмных правил...» то есть тех правил, которые суд считает незыблемыми и применяет их к хромому арабу, писавшему листовки против оккупации.

ИБРАГИМ ГОРАЙБА

Итак, я снова в Наблусе. Вместе со мной адвокат-практикант Абдо Асали, который до сих пор не может научиться сдерживать себя и мгновенно вспыхивает от грубости солдат, пограничной охраны и полицейских.

Он родился в деревне Кафр Караа, получил образование в университете в Иерусалиме. И как все его соплеменники, он испил горечь того, что значит «быть арабом в Израиле». Но даже он не испытал стольких лишений и горя, какие выпали на долю жителей оккупированных районов после июньской войны (имеется в виду война 1967 года).

28 января город Наблус оказался в блокаде. Бронетранспортеры патрулировали город, на всех улицах и площадях в полной боевой готовности разместились вооруженные до зубов солдаты. Для чего все это, спросит читатель.

Дело в том, что учащиеся школ, возмущенные американским вето в Совете Безопасности на резолюцию по палестинскому вопросу, вышли на улицы. Они скандировали лозунги и пели песни протеста. Гремели слова: «нет», «нет империализму». Возмущенная молодежь рассматривает американскую позицию как полную поддержку Израилю. Именно империалисты оказывают ему помощь в борьбе против палестинского народа, по-

ставляют оружие Израилю. Один из жителей Наблуса сказал мне:

— Если бы ваше правительство было мудрым, оно приветствовало бы резолюцию Совета Безопасности, потому что эта резолюция не только подтверждает право палестинцев, но и право каждого государства Ближнего Востока на независимое существование в безопасных и признанных границах.

Я согласилась с ним и ответила, что многие евреи разделяют эту точку зрения и недалек день, когда у всех людей откроются глаза, они станут мыслить реалистически.

На следующий день, несмотря на угрозы властей и концентрацию воинских частей, в городе состоялась грандиозная демонстрация. По этому поводу жители Наблуса не без сарказма замечали: «Оккупация снова и еще раз».

Я вспомнила это вновь через два месяца после студенческих демонстраций, когда по израильскому телевидению демонстрировались кадры с израильским солдатом на бронетранспортере около одной из школ Наблуса. Диктор успокаивающе прокомментировал кадры:

— Жизнь в школах Наблуса возвратилась в нормальное русло.

...В здании суда, в тесной комнатенке, напоминающей тюремную камеру, ожидали арестованные. На этот раз Ибрагиму позволили сесть на стул. Я взглянула на него и сказала:

— Ибрагим, это наша небольшая победа.

Неожиданно меня вызвали в комнату судьи и уведомили, что дело будет вести новый судья, так как закон допускает замену судей. Я спросила, а как же новый судья узнает, что происходило во время прежних заседаний суда, ознакомят ли его с моей аргументацией в защиту обвиняемого. Старший судья ответил, что он ознакомит нового судью со всеми протоколами прошлых заседаний. Я попросила показать их мне. К своему удивлению, я обнаружила, что из каждого моего выступления в протоколах зафиксировано не более десяти фраз.

Я выразила протест, заявив, что если хотят получить мое согласие на замену судьи, то мне должна быть представлена возможность ознакомить его с полными мате-

риалами прошлых заседаний. Судьи заняли свои места. Старший судья стал читать определение суда, где указывалось на опасность, которую представляют арестованные, занимавшиеся распространением листовок и принадлежавшие враждебным организациям. Именно это представляет в первую очередь «препятствие для нормальной жизни в районах, контролируемых армией обороны Израиля». Затем суд приступил к вынесению приговоров, где наказание составляло 4—14 месяцев с отсрочкой исполнения на два года.

Мустафу приговорили к 19 месяцам тюрьмы, что, принимая во внимание сущность предъявленного ему обвинения, явилось суровым наказанием. Судья не пропускал ни одной возможности, чтобы не упомянуть имени Ибрагима, снова и снова повторяя, что он неблагодарный человек, что он совершил то-то и то-то после того, как его хорошо лечили в госпитале Тель-Хашомер в Израиле. После такой психологической подготовки судья наконец сказал:

— Но мы принимали во внимание его положение.

Затем зачитал приговор, по которому Ибрагиму полагалось шесть лет, из них два года заключения и четыре условно. При этом судья пояснил, что это максимум возможного милосердия. Он предложил мне обратиться к военному губернатору, если я хочу добиться для своего подзащитного более мягкого наказания.

Опираясь на плечи товарищей, поднялся Ибрагим. Глядя на него, один из солдат громко сказал:

— Уж если хромые выступают, не боясь нас, то что же будет, о боже!

ДЕТИ В СУДЕ

Ей всего одиннадцать лет, но на вид еще меньше... Ее тащила за руку женщина, одетая в полицейский мундир. Рядом с нею мальчишки от тринадцати до шестнадцати лет. Среди них пятнадцатилетний мальчуган с рукой в гипсовой повязке, его голову поддерживает специальная подставка.

Девочка из лагеря Каляндия показывает мне следы побоев. Невыносимо видеть, как полицейские обращаются с детьми. Полицейские, оправдываясь, бормочут:

— Это не просто дети. Это настоящие враги государства. Они бросали камни в полицию. Не смотрите на их возраст. Они настоящие диверсанты.

Среди детей сидит мой подзащитный Асам, посетить которого до суда мне разрешили всего один раз. Я приехала тогда в тюрьму на десять минут позже назначенного срока, под этим предлогом мне отказали в свидании, заявив: «Ты опоздала на 10 минут, а после двенадцати часов свидания запрещены».

Власти решили подвергнуть Асама и его товарищей судебному преследованию в срочном порядке. Я вызвалась их защищать. Прокурорша отказалась отложить суд до того, как я смогу подготовиться к защите. Она это сделала под предлогом своей беременности. Я спросила ее: «Неужели тебя не возмущает вид детей, которых гонят в суд?» Она хладнокровно ответила: «Я не вижу в этом ничего плохого». Обвинительное заключение прочитали на иврите, дети не поняли ни слова. Полицейские чины твердили: «Нужно покончить с этим сегодня».

Выступая от имени защиты, я охарактеризовала происходящее как вопиющее нарушение элементарных прав человека и неприкрытый террор. Судья разозлился и пригрозил мне наказанием за каждое произнесенное слово. Девочка из Каляндии держала за руку своего двоюродного брата, который, казалось, не осознавал, что происходит вокруг. Это и понятно. Ему всего одиннадцать лет. Его привезли в тюрьму на полицейской машине прямо из дома. С самого раннего возраста он до того привык к виду полицейских, что так и не понял смысла своего появления на скамье подсудимых.

Здесь же, в зале суда, я увидела юношу в очках, который попал на экран израильского телевидения во время передачи об одной из студенческих демонстраций. Он выразил поддержку демонстрации. За это сейчас и расплачивается. Я подошла к юноше, чтобы сказать несколько слов. Мне запретили это сделать.

— Удивительно,— заметила я,— сначала его показали на телеэкране, чтобы похвастать демократией, а потом его же и наказывают.

Инспектор отпарировал мое замечание, сказав:

— Никакой связи между его появлением на телеэкране и его арестом нет. Это простое совпадение.

Маленький раненый мальчонка рассказывал о «заботе» полицейских. Однако свидетель обвинения утверждал, что мальчик ранен камнем, который бросили его товарищи. Я спросила:

— Но кто сломал ему руку?

— Не знаю, думаю, что ее разбили тоже камнем.

Раненый мальчик закричал:

— Ты же видел, как они меня били, зачем же лгать?

Свидетель это отрицал, суд отложили.

Дети делились впечатлениями о пребывании в тюрьме. Младшие внимательно слушали старших. Кто-то предложил:

— Давайте не будем платить штраф и предпочтем тюрьму.

Если бы оккупанты могли прочитать все, что было написано в глазах этих детей, они не могли бы поручиться за судьбу своих планов, ибо узнали, что даже дети готовы бороться против «самой мягкой оккупации».

„ШИН-БЕТ" И ПАЛЕСТИНСКАЯ ПРОБЛЕМА

Мы с Абдо находимся в тюрьме Кифар Юнан. В газетах мы прочитали о готовности израильских властей принять христиан — беженцев из Ливана. Об этом же сообщают и газеты, выходящие на арабском языке, которые поступают в тюрьму. В газетах сообщалось: «Правительство Израиля выступает в защиту христиан. К сожалению, точных данных о количестве убитых христиан — женщин, детей, стариков — не имеется. Не имеется данных и о количестве убитых палестинцев после израильского воздушного налета на лагеря беженцев».

Мой коллега сказал:

— Жители Бирама и Икрита тоже христиане, а у них отняли дома и землю и до сих пор ничего не возвратили.

Ко мне привели арестованного. Он христианин, зовут его Антуан Калис, он житель арабской части Иерусалима. Антуан типографский рабочий. Возраст сорок два года, имеет четверых детей. При встрече Антуан

горячо пожимает мне руку, как своей хорошей и давней знакомой. Он говорит:

— Когда я заявил следователям, что избрал тебя своим защитником, они принялись тебя чернить и порочить. Но это только укрепило мою решимость взять тебя в защитники. А теперь выслушай мою историю. Меня арестовали в четыре часа утра и привезли в Аль-Москобийю. Я только сейчас узнал, что находился в Аль-Москобийе, потому что меня везли с завязанными глазами.

Меня заставили сесть на пол. Полицейский сильно пнул меня ногой в живот. Я успел заметить мелькнувший носок ботинка и потерял сознание. Через мгновение я очнулся. Полицейский продолжал глумиться надо мной. После этого меня начал допрашивать другой человек. Он снял повязку с глаз. Я пожаловался ему на жестокое обращение полицейского, который пинал меня ногами. Он ответил: «У нас это невозможно. Не может быть, чтобы тебя били. Это тебе показалось!»

Я был твердо уверен в том, что не совершил ничего недозволенного, что могло бы повлечь наказание. Я считал, что должен вырастить прежде всего своих детей. Я не позволял себе даже взглянуть на свой дом в Аль-Катмуне, который я оставил в 1948 году. Я вспоминал своего отца, который построил его для нас. Но теперь там живут чужие мне люди. Я с семьей осел в Бейт-Ханине, а не в лагере среди беженцев. Я не жалуюсь на судьбу.

То, что я тебе рассказал, я говорил и полицейским во время следствия. Все это запротоколировано. После допроса полицейский взял бумагу, где были записаны мои показания, и разорвал ее, сказав гневно: «Ты член враждебной нелегальной организации и должен в этом признаться».

Я ответил, что он ошибается, никогда в жизни я не был членом ни одной организации. Однако допрашивавший настаивал на этом, потому что один из арестованных якобы завербовал меня. Я просил полицейского показать мне этого человека. Но он сказал: «Ты кого просишь? Я что, тебе брат? Пока я не получу от тебя...» Я понял: то, что для меня правда, для них ложь. Выходя, следователь ударил меня по голове так

сильно, что прошло уже пять месяцев после того дня, а «память» об этом все еще остается.

— А дальше,— продолжал Антуан,— со мной случилось следующее. Я еще не пришел в себя от побоев, когда один из допрашивавших вежливо осведомился, не желаю ли я выпить кофе. Конечно, ответил я, заранее ощущая во рту вкус этого напитка, утоляющего жажду. Через несколько минут прямо под нос мне поднесли стакан с мочой. Я оттолкнул его, часть содержимого выплеснулась мне на губы. Я вытер рот рукавом.

Пришел следователь, который разорвал мои показания и которому я жаловался на побои. Он вновь повторил, что я лгу, а на самом деле я член организации сопротивления, для меня лучше всего в этом признаться. Не то я сильно пожалею. Он сказал: «Мы приведем сюда твою жену и на твоих глазах будем с ней делать все, что захотим».

Угрозы сломили меня, и я... «признался», признался в принадлежности к организации, куда меня зачислил следователь, и подписал показания.

Антуан умолк, закуривая новую сигарету. Пришел надзиратель, вызвал нескольких заключенных. Антуан встал, чтобы попрощаться с нами. Абдо стал говорить ему ободряющие слова. Это вызвало улыбку Антуана. Он сказал:

— Я теперь сильный. Они сами прибавили мне твердости. Если бы они знали, что собственными руками увеличивают число сторонников палестинского дела.

СТРАХА БОЛЬШЕ НЕТ

Это было в лагере Джабалийя. Солнце освещало хижины. Старики сидели у входа в жилище и наслаждались теплом солнца. Мои спутники представляли беженцев уже двух поколений. Они привели меня в центр лагеря, где открылось просторное, пустое место. Мне сказали, что это «дорога безопасности», которую проделали солдаты в 1971 году. В этих местах проживало двадцать тысяч беженцев. Их расселили в Хан Юнисе в Газе и на Западном берегу Иордана. Сделали это намеренно, ибо даже сам лагерь носил название «Палестинский Вьетнам». Он внушал властям сильное беспо-

койство. Днем его контролировала израильская армия, а ночью — партизаны, фидаины. У дороги, которая шла под уклон, показался пруд Аль-Рашидия. Обитатели лагеря называли его «бассейном смерти». Такое название пруд получил потому, что в последние годы во время комендантского часа, когда движение запрещено, жителей лагеря часами заставляли стоять в воде. Солдаты грозили смертью всякому, кто пытался выйти из пруда. Люди жестоко страдали от холода. До сих пор, когда они вспоминают об этом, их охватывает озноб. Солдаты вели себя хладнокровно. Они держали оружие наготове и безоговорочно подчинялись приказам офицеров. Так же, не дрогнув, опи выполняли приказы в Кфар Касеме *.

Саид, мой собеседник, рассказавший об этом, помолчал немного и добавил:

— Здесь, в лагере, был мой первый дом, который разрушили в 1971 году, когда прокладывали «дорогу безопасности».

Мы поехали на машине дальше. Когда остановились, Саид сказал:

— Теперь взгляни на мой второй дом, вернее, на его остатки. Дом, который они разрушили, если говорить точно, уже третий по счету. Из первого меня выгнали еще в 1948 году.

К машине приблизились группки одетых одинаково учеников. Они ждали своей очереди для занятий в школе, где сейчас занимались другие дети. У школы не было ни дворика, ни площадки для игр, детям приходилось ожидать на дороге.

Наконец мы добрались до палатки Саида Ганема. Палатку он получил от Красного Креста. Саид установил ее на месте, которое до ноября прошлого года было полом его дома, где он жил вместе с женой, сыном, дедом и сестрами. Саид разобрал развалины и освободил

---

* *Кфар Касем* — арабская деревня, испытавшая такую же участь, как деревня Дейр-Ясин. 29 октября 1956 года накануне тройственной агрессии Англии, Франции и Израиля против Египта израильские солдаты хладнокровно убили 51 человека из этой деревни и 13 ранили, в том числе 12 женщин и девушек, 17 детей. Преступление осталось безнаказанным.

место для палатки. Теперь в палатке находилось все его имущество, одежда, посуда. Он сказал:

— Хорошо, что хоть пол сохранился.

А вот дом его брата Хашема разрушили без всяких предупреждений только по подозрению его в принадлежности к фидаинам. К дому направили солдат с бульдозером. Но так как по узким проходам между хижинами бульдозер пройти не мог, дом разрушили кирками.

Дети смотрели на разрушение домов широко открытыми глазами и молчали. Разрушение домов в Джабалийе не считается чем-то необычным. Дети воспитаны, образно говоря, в «объятиях разрушений» и составляют уже третье поколение беженцев.

Мне рассказали, что каждую ночь сюда приходят чиновники военной администрации убедиться, что никто не пытается восстанавливать разрушенное. Ведь страдание должно быть полным. Оно должно входить, как нож, в сердца детей и стариков. Очень важно, чтобы родился страх, порождающий покорность и безропотность.

Но в глазах детей и взрослых, старых и малых уже не найти того страха, который сковывал их в «бассейне смерти» или во время прокладки «дороги безопасности».

Третье поколение беженцев научилось улыбаться, как и их сверстники во всем мире.

Можно сказать, что тот, чей дом разрушали трижды, уже не ведает страха.

КРОВЬЮ И СЛЕЗАМИ

Издалека кажется, что белая стена русской православной церкви в Иерусалиме запачкана чем-то черным. Но когда подойдешь ближе, увидишь группу женщин, часами ожидающих под палящими лучами солнца или под дождем встречи со своими близкими. Это место недалеко от концлагеря, где томятся их сыновья и дочери, мужья и братья.

Прошло девять лет оккупации. Все эти годы женщины упорно приходят сюда. Их прогоняют. Но они вновь возвращаются, держа в руках узелки со сменой белья или сигаретами.

В большинстве случаев женщины уносят эти узелки с собой, чтобы утром возвратиться и повторить все сначала, надеясь, что им разрешат попасть в комнату свиданий за воротами тюрьмы.

И вот наконец приходит час свидания. Они ищут глазами лица своих близких. А эти столь дорогие лица изуродованы пытками и издевательствами. На них можно различить глаза, в которых нет и следа вины. Их взгляд почти не отличается от взгляда невинного ребенка. Например, глаза Ибрагима Камкука. Взгляд же Бадра Даана, наоборот, серьезен и суров. Иногда кто-то из них пытается улыбнуться матери или сестре. Но глаза не участвуют в этом. Женщины понимают причину. Они возвращаются домой, охваченные гневом, худеют и седеют от переживаний.

Да, с тех пор как началась оккупация, женщины повели против нее борьбу. Одна из них оросила землю Дженина своей кровью. Многие другие познакомились с дубинками полицейских. Так что жена арестованного, его мать или сестра ведут собственный счет с оккупантами. О них можно рассказывать только языком высокого стиля.

Их сыновья... Они рисуют для них в тюрьме картины, говорящие о красоте родины, изображают флаг Палестины и многое другое. Кто знает, может быть, когда-нибудь в будущем вам доведется увидеть эти рисунки, созданные учениками в тюрьмах оккупантов, на специальной выставке вроде выставки в Ленинграде.

Палестинские женщины на оккупированных территориях растят и воспитывают уже третье поколение беженцев. Все третье поколение выступает против оккупации. Юноши и девушки поднялись на борьбу за свободу. Полиция ломает им дубинками руки, но они вновь выходят на демонстрации протеста против насилия и вандализма «либеральной оккупации».

Все это происходит в «большой тюрьме». Так называют палестинцы оккупированные территории. А в обычной тюрьме годами сидят люди, приговоренные к заключению судом оккупантов.

Сотни и тысячи женщин живут в городах, селениях и палатках беженцев, в хижинах, построенных на руинах разрушенного дома. У них глаза, полные печали,

улыбки, отмеченные горечью. Когда воцарится мир, когда мы прочитаем историю борьбы их народа, мы познакомимся со страницей, где о женщинах будет написано кровью и слезами.

ГЛАЗА

Со мной это случилось первый раз в жизни. Еще вечером я не знала того, с кем встретилась на следующее утро. Его лицо было трудно различить. Я увидела только два залитых кровью глаза. Казалось, из них вот-вот брызнет кровь и скроет черноту синяков. Его зовут Джамиль Абу Горайба. Его освободили из тюрьмы только вчера. Он сидит около меня со своей матерью, которая то и дело смотрит ему в глаза и что-то тихо говорит, может быть, читает благодарственную молитву за то, что ее сын остался жив.

Его арестовали после полуночи всего за несколько дней до событий у мечети Аль-Акса, обвинив в участии в демонстрации и распространении листовок. Приказали признаться. Когда Джамиль отказался, его раздели донага и голого поместили в яму с водой. Затем жестоко избили. Как сказал, смущаясь, Джамиль: «Они били меня по всем частям тела». Юноша до сих пор нездоров. Удивляюсь, как это они не искромсали до конца его тело, ведь когда его избивали, то даже сломали палку. Он сказал: «Меня били без остановки в основном по голове. Я чувствовал, как кровь залила мне глаза, нестерпимая боль охватила все тело. Я не мог подняться. Товарищи считали, что я умру. Никакой медицинской помощи мне никто не оказал. Они боялись освободить меня в таком состоянии. Странно, но однажды в тюрьме мне принесли зеркало, чтобы я посмотрел на себя».

Посмотрев на налитые кровью глаза, я почувствовала ужас. Но Джамиль сказал, что сегодня ему уже лучше. Недавно глаза были вовсе закрыты и воспалены. Он показал мне следы побоев на голове и на теле. Мать сказала: «Слава богу, что хоть глаза сохранились, он не ослеп». Его глаза преследовали меня до самого вечера. Одни глаза, без лица. Как два камня в песке. В них виделась безбрежная печаль.

ВЗБУНТОВАВШИЙСЯ НАБЛУС

Город Наблус замер. Еще вчера и позавчера в нем бурлила жизнь. Сегодня она остановилась. Железные двери лавок закрыты по случаю демонстрации, узкие улицы перегорожены камнями.

— Это дела мальчишек,— объяснил мне один знакомый, увидев, как маленький парнишка тащит большой камень и бросает его на землю посреди улицы. За ним идет другой, его товарищ, и делает то же самое. Камень на камень — и вот уже улица перегорожена.

Военный губернатор поражен, как это случилось?

Ему отвечают, что точно согласно приказанию, солдаты неожиданно ворвались на школьный двор, стали бить учащихся по голове, выламывать руки...

Военный губернатор послал солдат искать тех, кто сеет смуту и волнения. Он приказал судам и судьям усилить наказания осужденным. Судьи исполняли приказ и бестрепетно его выполняли. Однако все тщетно! Поступающие доклады говорили о каких-то странных явлениях. Не было никого, кто был бы замечен в подстрекательстве. Однако и булочники, и кондитеры, и аптекари, и сапожники, и лавочники — все, казалось, поражены сонной болезнью. То же самое продолжалось весь следующий день. Все, как один, все остались дома. Весь город оказался на замке. «Ответственные» и «компетентные» переполошились. Ведь нужно наказывать буквально весь город. Почему бы и нет, если весь город не подчиняется военным властям.

Надлежит подтвердить нашу силу и наше присутствие.

Действительно, многое подтвердилось, когда по городу стали патрулировать бронемашины и солдаты в стальных шлемах, вооруженные автоматами. Мне сказали, что и сейчас многие пострадавшие еще находятся в больницах. Я смотрела в глаза солдат, тщетно пытаясь прочесть в них что-то. Затем мне на память пришли слова поэта:

— Не давайте им ружья.

Но им дали ружья, их сердца заполнили злобой, как патронташ. Солдат бросили на улицы Наблуса, оккупированного, но гордого Наблуса, восставшего Наблуса!

Группа мальчишек сбилась в углу... Старый человек идет по дороге... Он пристально смотрит на солдат.

Молчание железных дверей поистине громче самого сильного крика. Это молчаливый крик тысяч. Полезно было бы прислушаться к нему. Такое молчание подобно затишью перед бурей.

МАТЕРИ

Они схватили его, твоего сына, тащили словно куль. У них на головах красные каски, в руках карабины и дубинки. У тебя в одной руке лепешка (они забрали твоего сына прямо из-за стола), а в другой — стакан воды.

Его жестоко били у тебя на глазах. Он упал без движения. Ты закричала: «Аллах акбар!» А они взяли его, оттащили и бросили, избитого, у машины. Ты плакала, чувствуя его боль, брызгала на него водой.

Из соседней столовой для евреев-поселенцев вышла женщина. Увидев меня, она сказала:

— Нечего о них беспокоиться. Они вечно причитают.

Он показался мне родным сыном. Я потребовала, чтобы мне дали возможность смочить его лицо водой и привести в чувство. Наконец нам удалось вырвать его из окружения карабинов и дубинок, увести от взглядов, полных злобы и ненависти, и доставить в больницу.

Там к нему вернулась жизнь. Обменявшись счастливой улыбкой, мы обнялись. Врачи пришли, изумились, как нам удалось вырвать его из рук солдат. Такое в подобных случаях не всегда удавалось им самим. Один врач сказал:

— Его спасли благодаря таким матерям.

Я подумала о матерях тех, кто его избивал.

РАЗЪЕДИНЕННЫЙ ИЕРУСАЛИМ

Арабская часть Иерусалима показала свой нрав еще тогда, когда в жаркие июньские дни 1967 года раввин Горен красовался у Стены плача. Было объяв-

лено, что город отныне стал объединенным. На его улицах лилась кровь, витрины лавок закрыты, торговцы отказываются от своего дневного дохода. Они уже не боятся железной руки, колотившей их в прошлом. Опустели закоулки рынка, знаменитого рынка, где продавались цветные поздравительные открытки, толпились покупатели и туристы.

Но Иерусалим оставался непокоренным. Он не научился и не стал понимать язык бульдозера, этому не помогли новые еврейские кварталы и поселения на его территории и вокруг него. Иерусалим не понимает языка полицейской дубинки, слезоточивого газа, свиста пуль и криков раненых. Вместо того чтобы сдаваться, город размахивает кулаками.

Сегодня его как будто оккупировали снова. Вооруженные до зубов солдаты, готовые открыть огонь, расположились на крепостных стенах, на крышах домов. Окуривают «на память» газом и внимательно осматривают каждого юношу, словно он имеет самое современное оружие. Его оружие — камни, а оккупант не в состоянии уничтожить все камни на земле.

Передо мной несколько армейских офицеров, патрулирующих район неподалеку от входа на рынок. Один из них мне известен, я «познакомилась» с ним, когда он участвовал в подавлении одной из демонстраций 1967 года. Его глаза холодно блеснули, когда его взгляд встретился с моим.

Солдаты сидят на ступеньках, около них сложены дубинки, щиты, козырьки. Они демонстрируют «силу» и «мощь». Тем не менее улицы оставались спокойными. Однако в воздухе чувствовалось напряжение. В глазах демонстрировавших «силу» и «мощь» я видела неприкрытый страх. Это был вовсе не «Иерусалим злата, меди и огня», как говорилось в песне, сочиненной по случаю захвата Иерусалима. Это был восставший город, жители которого настолько ненавидели оккупацию, что даже дети готовы с камнями броситься против винтовок.

Солдатам годами внушали, что арабы понимают только язык силы, но теперь они видели обратное. Жители города смотрели на эту силу спокойно, без страха. Женщины — с ненавистью. Все говорило о том, что улица в любую минуту может стать полем битвы. Аген-

ты полиции в штатском фотографировали приходящих и уходящих. Сфотографировали и меня с моим другом. Сделали даже несколько снимков. Это здесь дело обычное. Фотографии используют как доказательство присутствия в определенном месте, как основание для наказания, в случае если проходит демонстрация. Есть жалобы, что нередко ночью солдаты врываются в дома и избивают. Делается все, чтобы заставить бояться оккупантов. Но арабы, жители Иерусалима, вопреки этим усилиям не испытывают страха. Они выходят на улицы, участвуют в демонстрации не только во имя сохранения святости мечети Аль-Акса. В них ощущается громадное сознание собственного достоинства. Они поют песни протеста. В песнях говорится, что арабы родились в Иерусалиме, как их отцы и отцы их отцов, здесь родят они своих детей, после смерти их похоронят в этой земле.

Всякий, кто посетит арабскую часть Иерусалима, особенно его улочки, посмотрит в глаза женщин, детей и стариков, поймет, что этот город захвачен огнем и кровью. Но он вовсе не объединен, он станет «городом мира» только тогда, когда будут уважать права этих людей.

ВЗЫВАЙ О ПОМОЩИ, О ЛЮБИМАЯ ЗЕМЛЯ

Под таким заголовком Израэль Карлибах, редактор газеты «Маарив», опубликовал 31 декабря 1974 года интервью со своей младшей дочерью. В нем он коснулся вопроса изъятия земли у арабов в Галилее, происходившего в те дни. Он предложил дочери поехать в Галилею вместе с ним и посмотреть, как правительственные чиновники организуют эту операцию. Чтобы потом она не спрашивала в гневе, не ее ли отец способствовал этому. Потом редактор отказался от мысли взять с собой дочь, чтобы она не увидела происходящее, чтобы потом не сказала: я видела там чиновника испанских королей, писавшего на листке: «Ваша собственность конфискована в пользу государства». Это было следствием того, что мои предки не верили в распятого отца справедливости — Иисуса Христа, в которого верила королева Изабелла.

Я видела там немецкого клерка, подписывающего документы о конфискации всего имущества евреев в соответствии с законом, согласно которому право собственности принадлежит только арийцам.

Отец переживает за будущее, которое ожидает его дочь, и говорит ей: «Кто заплатит за все это?»

Не знаю как, не знаю когда, не знаю сколько. Но рано или поздно это случится. Восток пока еще спит, но он обязательно проспется, обязательно отомстит. За все в жизни надо платить.

Есть народы, которые будут вынуждены, когда придет время, держать ответ за содеянное, расплачиваться за это. Тогда министры вынуждены будут подписать договора, публично признать в них свою вину. Грабеж все ширится и приобретает разные формы.

А земля продолжает взывать о помощи.

Я полагала, что грабитель когда-нибудь удовлетворится огромными пространствами, которые он награбил. Но это — ошибочное мнение. Грабитель не насытился, его аппетиты распространились даже на то малое, что осталось после грабежей.

Но для арабов недоступны страницы газеты Карлибаха и другие органы печати. Они не могли опубликовать свою декларацию даже за деньги. Они проводили митинги и собрания протеста против того, что закон называет конфискацией. У пострадавших не осталось иного оружия, кроме оружия всех угнетенных — забастовки. Забастовка была объявлена в день, названный «Днем земли». Оккупационные власти вознегодовали и нарекли протесты раковой болезнью, разъедающей организм государства. Они решили проучить обездоленных, наказать их. Для этого имелся соответствующий механизм.

В деревнях Галилеи и других местах накануне «Дня земли» была проведена тщательная проверка, запрещено передвижение. Можно было слышать наставления офицера, говорившего о событиях в Кафр Касеме, где поступили соответственно со всеми нарушителями приказа о введении комендантского часа, не исключая тех, кто не знал о нем. Эти слова были понятны, как были понятны они и в Кафр Касеме.

Мы, приехавшие в Галилею, не как дочь Карлибаха, а как взрослые люди, были опечалены, услышав

рассказы о происшедшем. О том, как стреляли в детей, как стреляли по окнам домов и колесам автомашин, перевозивших раненых и врачей, которые пытались оказать помощь раненым. Мы видели следы пуль на стенах домов, говорили с родственниками убитых, слышали рассказ о пытках из уст еврейского юноши, которого потрясло все увиденное...

Арабам сказали:

— Каждая собака, высунувшая голову из дома, будет пристрелена.

Они сказали так, и сделали так, ибо убийство было санкционировано. Это случилось не в Раас эль-Айне, не в квартале Хатиква или Ашдоде. Здесь был протест, но протест молчаливый, но и это — тоже грех. Где можно встретить подобное, такую свободу? Нажимай, не думая, спусковой крючок...

Ведь стреляют, чтобы убивать. Но где совесть? Разве не взывает к этому трагедия Кфар Касема... Зеленые поля Галилеи стали полем битвы. Все, что двигалось, превратилось в мишень. Ну и что же, что там ходят арабы. Разве они не знают с детских лет: «Лучшего гоя убей». Они претворяют этот завет в действие, примостившись на оливковом или абрикосовом дереве.

Опечаленный отец останавливается вместе с сыном на пороге своего дома и говорит:

— Эта семья потеряла четырех детей в борьбе за землю. Земля, политая кровью детей, бесценна...

Юноша в Сахнине сказал:

— Мы были на похоронах. И если мы плакали, то плакали не от печали, плакали от гордости за то, что человек погиб в борьбе за эту землю.

В этот момент я подумала о тех, кто отягчает свою совесть, пачкает свои руки, кто грешит и закрывает глаза, не желая видеть пробуждающийся Восток,— Восток, возмущенный их действиями.

Те же, кто любит свою страну и слышит ее крик, обеспокоены ее судьбой, которая будет определяться степенью справедливости и законности.

ЧАСТЬ II

ПРЕССА СВИДЕТЕЛЬСТВУЕТ

ИЗРАИЛЬ — ГОСУДАРСТВО УЗАКОНЕННОГО РАСИЗМА

«Штерн», Гамбург

Даже на тридцатом году (то есть 1977 год) своего государственного существования израильтяне не сумели достичь мирного урегулирования жизни в собственной стране. Опираясь на закон о чрезвычайном положении, действующий еще со времени английского мандата на Палестину и до образования государства Израиль, израильские солдаты подвергают превентивному аресту сотни подозрительных лиц.

Заключенные в городских тюрьмах Рамлы, Наблуса, Рамаллаха и Ашкелона вынуждены были еще больше «потесниться». Начальник управления тюрем Израиля генерал Хаим Леви в беседе с корреспондентами журнала «Штерн» признал, что в 13 тюрьмах содержатся в общей сложности 3200 политических заключенных; правда, генерал возражает против выражения «политические заключенные», он говорит об «арестованных по соображениям безопасности». Организация освобождения Палестины (ООП) считает, что число политических заключенных составляет минимум 6 тысяч человек.

В тюрьме Рамлы, посетить которую было разрешено корреспондентам журнала «Штерн» Себастьяну Кнауэру и Перри Кретцу, в камере, рассчитанной на 30 человек, размещено 80 заключенных. К тому же, несмотря на удушливую жару, заключенные в большинстве тюрем вынуждены проводить в этих дырах по 23 часа в сутки. Международный Красный Крест и ООН безуспешно протестовали против того, что на каждого заключенного отведено в среднем полтора квадратных метра площади.

Современный Израиль приобрел сомнительную репутацию из-за практикуемых в этой стране произвольных арестов и нечеловеческих условий содержания в тюрьмах, нередко сопровождаемых страшными пытками во время допросов и жестокими наказаниями. Израильтяне разработали целую идеологию политики угнетения арабов, представляющую собой смесь ветхоза-

ветных территориальных притязаний и государственной сионистской философии в оправдание чрезвычайных законов и безапелляционной самоуверенности.

Ссылаясь на библейские царства Израиль и Иудею, европейские евреи выдвинули в конце прошлого века требование о создании собственного государства в Палестине, начав оспаривать у живших на этой территории арабов нечто вроде «права первородства». Англия — обладательница мандата на управление ближневосточными территориями после второй мировой войны — согласилась на создание государства Израиль. Сионистскую теорию о необходимости образования еврейского государства в Палестине, которое, по словам первого президента Израиля, «должно быть таким же еврейским, как Англия английской», новое государство превратило в практику подавления, вытеснения и изгнания палестинских арабов.

Кажется страшной иронией тот факт, что именно жертвы оголтелого нацистского расизма сейчас сами превратились в отъявленных расистов. Со времени захвата территорий в ходе войны 1967 года дискриминация арабов еще более усилилась. Согласно последней статистике рождаемости, арабское население увеличивается ежегодно на 4 процента, а еврейское — всего на 1,5 процента. Посредством новых репрессий сионисты хотят помешать тому, чтобы на основании роста численности своего населения арабы могли предъявлять бóльшие политические требования.

Средства подавления, которыми пользуются израильские евреи, весьма разнообразны:

— Израильтяне ввели законы, которые позволяют им конфисковывать земли «отсутствующих» арабских земледельцев. Подобное «отсутствие» достигается в каждом отдельном случае путем высылки из страны главы семьи. Для конфискации крупных участков земли израильтяне прибегают к помощи чрезвычайного закона № 125 — соответствующий район объявляется запретной военной зоной, население деревень подвергается насильственной эвакуации. По истечении определенного срока поля и луга деревни конфискуются как собственность «отсутствующих».

— Израильтяне выделили города, в которых арабам запрещается жить или открывать магазины.

— Еще в тридцатые годы они пытались вытеснить с рынка арабскую рабочую силу и товары, широко пропагандируя такие понятия, как «еврейская рабочая сила», «еврейские товары». Сейчас в ходу лозунг «Покупайте сине-белое» (по ассоциации с цветами национального флага).

В репрессивный арсенал израильтян входят и коллективные наказания, например разрушение домов арабов. Один депутат кнессета как-то спросил: «Действительно ли министерство обороны действует в подобных случаях по принципу коллективной ответственности всей семьи за поступки одного из ее членов?» Бывший министр обороны Моше Даян ответил коротко и ясно: «Да». Итак, коллективные наказания в Израиле существуют.

Чрезвычайные законы, «унаследованные» Израилем от Англии, позволяют властям проводить произвольные аресты без ограничения срока заключения, без предъявления обвинения, без суда и следствия.

Согласно официальным данным, в последнее время более тысячи человек с оккупированных территорий были брошены в израильские тюрьмы без предъявления обвинения.

С осени прошлого года (то есть 1976 год) у Израиля появился свой Глобке (Ганс Глобке был в гитлеровском «третьем рейхе» советником имперского министерства внутренних дел и участвовал в составлении комментариев к нюрнбергским расовым законам). С тем же бюрократическим рвением, как и комментатор гитлеровских расовых законов, губернатор северного округа Израиля Кениг разработал указания по подавлению арабской части населения. Он рекомендовал, в частности, способствовать выезду арабской молодежи на учебу за границу, но затем не разрешать ей возвращаться домой. Фирмам должно быть запрещено иметь более 20 процентов арабских работников.

Генеральная Ассамблея ООН осудила израильские порядки, приняв резолюцию, в которой говорится, что «сионизм является одной из форм расизма и расовой дискриминации». Комиссии ООН по правам человека постоянно приходится заниматься вопросом о преследованиях арабов в Израиле. На оккупированных территориях запрещены политические партии, профсою-

зы, культурные организации и даже союзы учащихся. Проживающим в Израиле палестинцам запрещено проводить демонстрации и забастовки. Даже закрывая в знак протеста свои магазины, они совершают наказуемое действие.

Израильтяне арестовывают и тех, кто вывешивает палестинский флаг, пишет на стенах антиизраильские лозунги, поет палестинские песни или помогает семьям политических заключенных. К такому выводу пришел, в частности, специальный комитет ООН, расследовавший факты о нарушении Израилем прав человека на оккупированных им арабских территориях.

Применяемые к арабам наказания суровы. Членство в запрещенной организации может обернуться десятью годами тюрьмы, а досрочное освобождение в Израиле не практикуется. Допускается единственное исключение: арабские молодые люди, которых арестовывают во время демонстраций, проходящих сейчас почти ежедневно на оккупированных территориях, могут быть «выкуплены» родителями за 3000 израильских фунтов.

Комиссия ООН по правам человека собрала многочисленные свидетельства о пытках, с помощью которых полицейские власти добиваются показаний. В Бейруте корреспондент «Штерна» беседовал с бывшим профсоюзным лидером Халилем Хиджази, высланным из Израиля и вынужденным сейчас зарабатывать на жизнь в качестве простого строителя в Ливане. Хиджази, которого израильтяне подозревали в незаконном хранении оружия, во время допросов в Наблусе и Иерусалиме пострадал от кислоты. Кроме того, по его словам, во время своего пребывания в тюрьме он содержался в одной камере с уголовниками, которые издевались над ним, вставляя горящую бумагу между пальцами его ног при явном попустительстве тюремных надзирателей.

Допросы ведутся иногда под воздействием гипноза. Психиатр д-р Мориц Клайнхауз, выступая в качестве свидетеля в военном трибунале в Лодде 1 февраля 1977 года, признал, что он применял этот метод по указанию органов безопасности.

Для тех, кто после допроса попадает в тюрьму, начинаются многолетние мучения. Некоторые тюрьмы,

например в Наблусе, настолько переполнены, что спать в камерах можно только по очереди. В большинстве мест заключения нет ни кроватей, ни матрацев. Требования Международного Красного Креста о том, чтобы для заключенных сделали нары, израильтяне отвергают под предлогом «безопасности», утверждая, что из нар можно изготовить оружие.

АРАБЫ ЗА ИЗРАИЛЬСКОЙ КОЛЮЧЕЙ ПРОВОЛОКОЙ

«Дейли телеграф», Лондон

«Дороги... Все, что они делают здесь,— это строят дороги. Не для нашего удобства, конечно, а для того, чтобы их танки и патрули могли «усмирить» нас. Со времен Гитлера они, должно быть, самые великие строители дорог»,— невесело шутит собеседник-араб.

Разговор происходит на полосе Газы, этом клочке земли, «благоприобретенном» Израилем в 1967 году и ставшем огромным лагерем для беженцев.

В результате войны Израиль увеличил свою территорию в три с половиной раза, «взвалив» на себя роль оккупационной державы, которую, по мнению арабов, израильтяне хотели бы играть вечно. Израильтяне утверждают, что это «мягкая и благожелательная оккупация». Для арабов оккупация — тяжкое бремя, напоминание о проигранном сражении и отрицание их права жить собственной жизнью.

Крестьянин, священник или политический деятель — каждый араб, живущий под властью Израиля, ждет, когда этой власти придет конец. Часто приходится слышать: «У израильтян планы на долгие времена, они не собираются уходить с оккупированных земель, они хотят вытеснить арабов».

Граница с Сирией, по мнению военных, «самая ненадежная». Эти 440 квадратных миль земли (1 квадратная миля = 2,59 квадратного километра.— *Ред.)*, захваченной в 1967 году, «имеют для Израиля жизненно важное значение». Голанские высоты представляют собой унылое высокогорное плато, где гуляет ветер, теребя низкорослую траву — скудный корм тощих коз кочевников. Но на западе плато резко обрывается и пе-

реходит в долину молочных рек и кисельных берегов — Галилею. До 1967 года это была сирийская земля.

Дороги поднимаются до Голанских высот, где сегодня созданы новые израильские поселения. Три из них — военные опорные пункты «нахалы», укомплектованные парашютистами и девушками из женского батальона.

На Голанских высотах израильтянам просто обосноваться, так как здесь больше нет местного населения. В 1967 году большинство жителей бежало от наступающей армии.

Это не случайно, что Голанские высоты остаются необитаемыми. Сирийские деревни, которые не были разрушены или были не до конца разрушены во время боев в 1967 году, израильтяне сровняли с землей взрывчаткой и бульдозерами. Спустя всего несколько лет не осталось и следа от маленьких деревушек, где обитали жители Голана. Дома, мечети и магазины главного города Кунейтра, когда-то оживленного, с населением в 20 тысяч человек, лежат в развалинах — крыши снесены, стены обрушились, зияют выбитые окна. Город намеренно и систематически разрушался израильтянами, чтобы помешать возвращению населения.

Живущий в городе Наблус, на Западном берегу Иордана, доктор Хатем Абу Газале понимающе кивает головой, когда ему рассказывают о том, что происходит на Голанских высотах. «Конечно,— говорит он,— как раз этого хотят израильтяне. Их целью всегда был захват территории, а не населения. Они были бы рады, чтобы на Западном берегу было пусто, и они делают все возможное, чтобы заставить нас уйти».

Больше всего арабов, «плененных» Израилем, живет на Западном берегу Иордана. Это лучшие и богатейшие сельскохозяйственные районы. На холмах, образующих западную границу, раскинулись оливковые рощи и виноградники, города Наблус, Рамаллах, Вифлеем и Хеброн.

Израильская оккупация в этом районе осуществлялась в подчеркнуто «мягких» формах. В деревне Дейр-Диббан бывший староста Юсеф Ганем говорит: «Израильский чиновник приезжает в деревню раз в месяц, но каждую неделю мы получаем целый ворох новых инструкций. Прежде их размножали на ротаторе. Теперь

они приходят в виде отпечатанных типографским способом брошюр — еще один знак постоянства».

В Салфите в деревенской аптеке молодой фармацевт сказал: «Да, здесь они ненавязчивы. Но скажите, что вы делаете, когда держите овцу? Вы кормите ее, не так ли? Да, вы кормите ее, чтобы зарезать...»

В долине реки Иордан размещено много воинских частей, и фермеры жалуются, что они располагаются, как правило, в апельсиновых рощах, ломают деревья, поля «случайно» опрыскивают пестицидами, сносят здания, засыпают колодцы. Израиль создал здесь целую цепь поселений и планирует построить новые.

Поселения размещаются зачастую на земле фермеров, еще живущих в этом районе. В этом случае земли просто экспроприируются, а размер «компенсации» устанавливают сами израильтяне. Немногие пользуются правом обращаться в израильский суд: люди не хотят, чтобы считали, что они признают израильский суверенитет, как не ждут справедливости от людей, которые были бы судьями в их деле.

Израильские власти встречают здесь сопротивление: были забастовки, протесты, акты саботажа.

После того как происходят «инциденты», район оцепляется, жители подвергаются обыску, жизнь становится вообще несносной. В некоторых случаях в деревнях вводили произвольно комендантский час не потому, что это было необходимо, а в виде коллективного наказания. Не разрешать крестьянам выходить из дома — значит обрекать их скот и поля на гибель.

Применялись и применяются и более жестокие формы наказания: уничтожение домов. Если есть «причины» полагать, что кто-то помогал «террористам» (так оккупанты именуют арабских партизан — участников народного сопротивления.— *Ред.*), его дом немедленно взрывается. Не имеет значения, владеет ли подозреваемый домом или просто живет в нем,— дом со всем содержимым взлетает на воздух. Такое так называемое «административное» наказание вызывает сильную ненависть населения. Израильтяне полагают: возмездие должно быть скорым, чтобы произвести «устрашающее действие».

Арабам положение представляется совсем иным. Они рассказывают об уничтожении целых деревень,

чтобы освободить место израильским поселениям; о домах, которые сровняли с землей, потому что мимо них «проходили» партизаны, или о зданиях, сносившихся просто потому, что их могли использовать партизаны. В окрестностях Иерусалима, по наиболее достоверным данным, было уничтожено более трех тысяч домов.

В настоящее время древняя мечеть в Хевроне разделена веревкой и в части ее размещена синагога. Израильские солдаты охраняют вход, а израильские войска с пулеметами патрулируют в джипах на улицах вокруг мечети. А над городом поднимаются многоэтажные жилые дома Кириат-Арба — еврейского поселения в Хевроне. Оно обнесено колючей проволокой и имеет сторожевые башни по углам, а на его территории размещается армейский лагерь. Поселенцы стремятся всемерно увеличить численность еврейского населения в Хевроне.

Муфтий Иерусалима, другого «неспокойного города», глубоко опечален положением в Хевроне. У муфтия белая борода и живые голубые глаза. Почему он и его коллеги, мусульманские священники, не призывают к сопротивлению таким израильским акциям, как вторжение в хевронскую мечеть? Поучения шейхов во время пятничной службы оказывают огромное влияние на правоверных, отчего же они не воспользуются своей силой? «Мост *,— говорит шейх,— стоит нам выступить, и мы попадем на мост. Они не помешают нам в мечетях, но в ту же ночь раздастся стук в дверь, нас будут ждать солдаты с грузовиками и доставят на мост Алленби на реке Иордан. Нас перебросят на Восточный берег. Но быть изгнанным из своей страны и лишиться голоса — в этом нет пользы». Решение о высылке, принимаемое командующим вооруженными силами в этом районе, обжалованию не подлежит.

До 1967 года, по словам муфтия, до четверти миллиона правоверных заполняли двор мечети Аль-Акса во время дневной службы в пятницу, в священный месяц рамадан. В прошлый рамадан сюда прибыло всего не-

* Имеется в виду мост *Алленби*, соединяющий берега реки Иордан. Он используется как основной путь для насильственной высылки арабов, коренных жителей оккупированного в 1967 году Западного берега. Эта мера применяется в отношении арабов, которые активно участвуют в протестах населения против израильской оккупации.

сколько тысяч, потому что израильтяне охотно разрешают арабам покидать страну и с такой же неохотой дают разрешение на въезд.

Израильтяне аннексировали Восточный Иерусалим и говорят, что они никогда не позволят снова разделить этот город. За эти годы город изменился более чем какая-либо другая часть захваченной территории или самого Израиля. Высокие жилые дома, сильно напоминающие административные здания, окружают старый город. Они построены прежде всего с учетом оборонных, а не эстетических соображений. Границы города раздвинуты, чтобы включить в черту города аэропорт и израильские «аванпосты».

Правительство рассматривает Иерусалим как неотъемлемую часть Израиля и потому облагает налогами арабов, чем вызывает негодование у людей, которые не хотят, чтобы их деньги шли на содержание армии врагов. Кроме того, правительство называет Иерусалим столицей Израиля, нанося этим оскорбление всем арабам и мусульманам во всем мире.

Израильтяне становятся все более «несговорчивыми». Прежде они говорили о компенсации. Теперь им стоит только сказать, что такие-то и такие-то действия следует предпринять в целях «безопасности государства», и делу конец. Никаких споров относительно «безопасности» быть не может.

На юге Синайского полуострова замыслы израильтян еще более очевидны. Там на оккупированной территории в 23 622 квадратные мили построена дорога от Эйлата до Шарм аш-Шейха. Израильские парашютисты оккупировали Шарм сразу же после начала военных действий, и Израиль не намеревается когда-либо отказаться от него. Нефть, добываемая на бывших египетских промыслах в Абу-Рудейсе в западной части Синая, удовлетворяет четыре пятых всех потребностей Израиля в нефти.

Около 200 тысяч жителей Газы официально считаются беженцами, существующими на пособия Ближневосточного агентства ООН для помощи палестинским беженцам и организации работ (БАПОР). Израильтяне оккупировали Газу в 1967 году, и она немедленно стала очагом сопротивления оккупации и до сих пор сохраняет за собой эту репутацию. Здесь даже основа-

ние каждой опоры линии электропередач обмотано колючей проволокой, полицейские участки и израильские административные центры представляют собой хорошо укрепленные аванпосты, израильские солдаты продвигаются осторожно, не снимая пальцев со спусковых крючков автоматов и поддерживая между собой постоянную связь с помощью портативных радиостанций.

Сегодня Израиль стремится держать в своих руках все, что он имеет. «Эта земля — наша»,— говорят плакаты. Но эта земля и арабская — факт, который Израилю придется рано или поздно признать.

ПРЕСТУПЛЕНИЯ АГРЕССОРА

«Информэйшн бюллетин», Тель-Авив
Фелиция Лангер

Достаточно просто перелистать газеты, чтобы найти сообщения, ставшие здесь в последние годы обычными: «Напряженное положение в Газе после убийства 5 террористов и 2 нарушителей комендантского часа»; «Один человек убит, один ранен выстрелами патруля израильской армии»; «Житель полосы Газы убит, еще один ранен выстрелами израильского патруля в лагере беженцев в Джабалия»; «Репрессии в полосе Газы, новые методы, постоянное преследование, «процеживание» полосы Газы». А чтобы вы точно поняли, что означает «процеживание», приводятся цифры: «201 семья (1429 человек) была эвакуирована из лагеря беженцев Джабалия после того, как дома были разрушены в связи со строительством в лагере «дороги безопасности». В общей сложности 1011 строений были уничтожены в Джабалия и 598 — в Шати. Продолжается эвакуация из лагеря беженцев Рафах, где за последние два дня было разрушено около 200 строений».

Нет недостатка и в сообщениях о «конструктивной» деятельности: они призваны показать, что оккупант одновременно и поселенец и строитель.

Неправительственные органы печати сообщают о военных судах, приговорах, выносимых членам палестинского сопротивления, пытках во время допросов, изгнании из страны, разрушениях домов, эксплуатации заключенных в тюрьмах, комендантском часе, кон-

центрационных лагерях для заложников в Абу Занейма в Синайской пустыне...

Эти сообщения почти никогда не иллюстрируются фотографиями. Но все же появляются и фотографии. И тогда на них видны разрушенные дома, родители, оплакивающие гибель детей, солдаты, разгуливающие по пустынным улицам Газы.

И все это представляется средствами массовой информации таким образом, в таких формах, чтобы совесть израильтян была «спокойна и чиста». Ведь каждый убитый — это всего лишь «разыскиваемый террорист», и вам только остается поражаться, каким же «нюхом» должны обладать люди, нажимающие на спусковой крючок, чтобы безошибочно опознать в арабе «террориста».

Бумага все терпит, но нельзя уйти от ответственности. Все эти сообщения следует воспринимать со следующим предостережением: «Осторожно! Военные преступники!»

Не мы придумали это понятие. Оно так же старо, как и правила войны. Законы на этот счет были сформулированы впервые после наполеоновских войн и перед первой мировой войной. Главной целью их было провести ясное различие между оккупацией, являющейся разультатом войны, и требованием прав в отношении оккупированной территории. В этих законах подчеркивался временный характер военной оккупации. Кроме того, их целью было установление норм, признанных всеми цивилизованными народами и определяющих отношение страны-оккупанта к населению оккупированной территории. Один из этих законов — Гаагская конвенция 1899 года. В другой конвенции, от 1907 года, рамки правил были расширены, и подписавшие ее страны, ведя войну, были обязаны брать на себя полную ответственность за действия людей, принадлежащих к их вооруженным силам.

Поскольку Гаагская конвенция была признана всем цивилизованным миром, генеральный штаб израильской армии заявил в 1961 году в «Полномочиях армии на оккупированной территории», что, «как установлено различными судами над военными преступниками после второй мировой войны, эти правила должны рассматриваться как часть международного права и, хотя

Израиль не подписал конвенции, его следует рассматривать как полноправного члена сообщества наций, связанного всеми обязательствами этой конвенции в той же мере, в какой он связан обязательством выполнять правила международного права». Вторая конвенция — это Женевская конвенция от августа 1949 года, и она касается защиты гражданских лиц в военное время. Израиль подписал эту конвенцию.

Вот краткое содержание некоторых статей названных конвенций: статья 50-я Гаагской конвенции запрещает оккупанту подвергать какому-то коллективному наказанию население оккупированных территорий в денежной или какой-либо иной форме за акции отдельных лиц. Статья 43-я Женевской конвенции полностью запрещает любую насильственную депортацию жителей оккупированной территории «под каким бы то ни было предлогом». Статья 53-я этой же конвенции гласит, что стране-оккупанту запрещается разрушать любую движимую и недвижимую собственность, принадлежащую отдельным лицам, нескольким гражданам или государству. В статье 31-й этой конвенции говорится, что против жителей оккупированной территории нельзя использовать физический или психологический нажим, особенно для получения какой-либо информации. Конвенцией устанавливается также, что государство-оккупант не имеет никаких прав на заселение оккупированных районов своими гражданами.

Профессор Шварцбергер указывает, что «нарушения правил, установленных Гаагской конвенцией 1907 года и конвенцией Красного Креста 1929 года, представляют собой традиционную форму военных преступлений». Он напоминает также, что в приговорах Нюрнбергского суда в 1946 году говорилось, что лица, совершившие эти преступления, были приговорены к наказанию за свои преступления.

По оценке, исходящей из этих критериев, существующих для всего мира, Израиль действительно совершает военные преступления на оккупированных землях.

Сообщество наций — ООН — уже давно высказывает тревогу в этой связи. 15 декабря 1970 года Генеральная Ассамблея одобрила доклад комиссии ООН (Израиль не содействует ее работе, поскольку ему есть что

скрывать от этой комиссии), которая расследовала положение на арабских территориях, оккупированных Израилем. В докладе израильское правительство осуждается за нарушение Устава ООН и Женевской конвенции в отношении гражданского населения на оккупированных территориях. Комиссия требовала, чтобы Израиль покончил с нарушениями прав человека на арабских землях, которые он захватил в 1967 году.

Второй доклад комиссии, одобренный Генеральной Ассамблеей ООН в октябре 1971 года, отмечает, что нарушение прав человека в районах, оккупированных Израилем, о которых говорилось в предыдущем докладе комиссии, продолжается. Комиссия обвиняет израильское правительство в аннексионистской политике, что нашло свое отражение, в частности, в заселении Голанских высот. В докладе говорилось и о том, что арабские беженцы лишены элементарных прав.

В специальном докладе, представленном Генеральной Ассамблее ООН Агентством по благосостоянию и занятости, говорится, что «израильские военные власти разрушили 6360 жилых домов в лагерях беженцев в полосе Газы и вне их, а также выселили примерно 15 тысяч жителей лагерей».

Но израильское правительство полностью игнорирует международное право, признавая лишь политику силы. Люди, убивающие нарушителя комендантского часа, разрушающие дом, изгоняющие жителей, пытающие заключенного,— эти люди виновны в военном преступлении, для которого не существует срока давности.

КАК НА ЗАПАДНОМ БЕРЕГУ ИОРДАНА ПОПИРАЮТСЯ ПРАВА ЧЕЛОВЕКА

Наблюдательная комиссия Швейцарской лиги по правам человека в составе Д. Пайо, К. Пайо, С. Веттерли и Л. Мутино побывала на оккупированном Израилем Западном берегу реки Иордан. Результаты своих наблюдений они обнародовали в Женеве. Мы печатаем этот отчет с сокращениями.

В нашем докладе практически не приводятся имена людей. Делается это ради безопасности наших собесед-

ников. Мы, кроме того, обращаем внимание читателей на то, что настоящий отчет касается лишь положения с соблюдением прав человека на оккупированном Западном берегу.

Мы пользовались терминологией, принятой в Организации Объединенных Наций, как в том, что касается определения «оккупированных территорий», так и в том, что касается положения палестинцев, проживающих на Западном берегу реки Иордан.

МУНИЦИПАЛИТЕТЫ

Наша делегация имела возможность провести беседы с различными сотрудниками муниципалитетов. Она была принята мэрами городов Иерихона, Рамаллаха, Эль-Бакра и заместителем мэра Вифлеема.

Из этих бесед следует:

— Компетенция мэров арабских городов Западного берега распространяется только на вопросы городского управления — реальная власть находится в руках израильского военного губернатора.

— Городские власти практически не располагают собственными фондами, кроме получаемых в виде помощи на социальные нужды от различных арабских стран. Необходимо также уточнить, что поступление этих средств в Израиль крайне затруднено.

— Городские власти не имеют возможности приобретать необходимое оборудование. В виде примера можно указать, что город Вифлеем (35 000 жителей) не имеет ни одной пожарной машины.

— Исполнение обязанностей мэра или муниципального советника не является защитой от произвольных арестов, различных видов давления, вплоть до высылки. То же самое относится к кандидатам на муниципальных выборах.

ТЕРРИТОРИАЛЬНАЯ ЭКСПАНСИЯ

Из того, что мы установили непосредственно на месте и из различных свидетельств следует, что экспроприация многочисленных жилых домов или земель, принадлежащих арабам, является обычной практикой.

В виде примера мы приведем следующие факты:

1. Житель Бетанина был извещен официальным письмом о конфискации его земель. Никакого мотива об общественной необходимости в подтверждение этого решения приведено не было.

2. Селение Дейр Абу Мешаль, географическое положение которого представляет стратегический интерес, в течение более трех месяцев каждую ночь является объектом буйных налетов израильских солдат, которые устраивают стрельбу из автоматического оружия, разбивают стекла и двери. Запуганное население, спасаясь на крышах, не имеет возможности отдыхать ночью. Целью этих действий является явное стремление заставить жителей покинуть деревню или оправдать их насильственное выселение, в том случае если они попытаются ответить силой на ночные вылазки израильской армии.

3. Район, расположенный между Иерихоном и рекой Иордан, был оккупирован израильской армией в 1967 году, затем снова в 1973-м. Во время этой последней оккупации израильская армия полностью опустошила дома, вывезла даже мебель, оставив на месте только стены и крыши. Все население ушло, опасаясь новой оккупации.

4. Недалеко от города Рамаллах армия взяла под контроль холм, на котором расположен резервуар с водой, снабжающий город Эль-Бакр.

5. Недалеко от Хеброна мы посетили город Кириат-Арба, являющийся типичной еврейской колонией, созданной на Западном берегу. Город, состоящий из многоэтажных новых домов, предназначен исключительно для евреев; он окружен высокой оградой и колючей проволокой, солдаты охраняют вход. Общий вид этого города напоминает скорее укрепленный лагерь, чем гражданское поселение.

Различные факты, приведенные выше, равно как и наблюдения, проведенные по линии Организации Объединенных Наций, подтверждают намерение израильского государства присвоить оккупированные территории и аннексировать их.

Захват, конфискация и разрушения имеют своей целью вынудить арабское население покинуть Западный берег.

ТЮРЬМЫ

Опираясь на полученные многочисленные свидетельства, наша делегация утверждает:

— В подавляющих случаях перенаселенность в тюрьмах достигает драматических для заключенных размеров; заключенные скучены до такой степени, что они не могут лечь на пол, чтобы заснуть. В качестве примера можно привести тюрьму в городе Рамаллах, в которой содержится более 200 заключенных, в то время как она рассчитана только на 40 мест.

— Многие заключенные сошли с ума после пыток, которым их подвергали до или после суда.

— Арестованным не разрешаются никакие контакты ни с их семьями, ни с адвокатом.

— Мы получили множество свидетельств о случаях заключения без суда и следствия на протяжении нескольких лет.

ПЫТКИ

Ниже приводим многочисленные свидетельства бывших заключенных, адвокатов, родственников заключенных и представителей городских властей, подтверждающие систематическое применение пыток на оккупированных территориях.

Сарафанд (недалеко от Тель-Авива), Хеброн, Москобийя (под Иерусалимом) — места, где пытки применяются особенно часто.

ВИДЫ ПЫТОК

— Прижигание с помощью сигарет.

— Удары палками, тростями или дубинками.

— Пытка электротоком высокого напряжения.

— Вырывание ногтей на руках.

— Пытка, которая заключается в том, что на человека регулярно, в течение нескольких часов, падает капля воды.

— Обнаженного человека оставляют на открытом солнце в течение многих часов.

— Пытка, называемая «тигровая клетка», когда человека запирают в клетку, слишком маленькую, чтобы можно было встать или лечь, и где он вынужден находиться на корточках. Дно клетки может быть утыкано острыми шипами.

— Лишение сна в течение нескольких дней.

— Подвешивание за ноги или за руки.

— Многократное погружение человека в ледяную ванну, затем в горячую.

— Систематическое и длительное применение слезоточивых препаратов.

Эти пытки большей частью применяются, чтобы добиться у арестованных признания, и продолжаются в течение времени, необходимого для получения нужных заявлений.

ПРЕПЯТСТВИЯ ДЛЯ ПЕРЕДВИЖЕНИЯ

Жители Западного берега Иордана не могут свободно передвигаться. Складывается следующее положение:

— Даже по территории самого Западного берега передвижения могут быть предметом ограничения, то есть либо человеку предписывают находиться в каком-то определенном месте, либо переезды зависят от полученного разрешения.

— Переход между Иорданией и Израилем по мосту Алленби весьма затруднителен из-за того, что путешественники должны платить повышенный налог.

— Эта мера мешает членам семей, разделенных границей, встречаться, поскольку они не располагают достаточными финансовыми средствами.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Из нашего расследования явствует, что оккупация Западного берега реки Иордан привела к систематическим нарушениям Всемирной декларации прав человека.

НАРОД ЗА КОЛЮЧЕЙ ПРОВОЛОКОЙ

«Матэн», Париж

«Здесь люди ведут себя как-то странно»,— замечают иностранные туристы уже в первые часы пребывания на территории древней Палестины. Отправляясь в путешествие, многие из них даже не задумывались о том, что в этих местах идет борьба между оккупантами и местным населением — палестинскими арабами. Мало кто из туристов знает о многочисленных арестах, о насилии, о пытках, к которым ежедневно прибегают израильские власти. А между тем услышать стоны жителей этих оккупированных территорий не так уж трудно...

«Пропасть между евреями и арабами неуклонно расширяется»,— говорит палестинский араб, живущий в Иерусалиме.

«Прежде еврейскую часть города отделяли от арабской части оградой из колючей проволоки. Они ее разрушили. Но существующая сейчас невидимая «ограда» гораздо хуже»,— вторит ему другой араб-палестинец.

«Как живут израильтяне? Я этого не знаю,— сказал араб — житель Старого города.— Мы не поддерживаем отношений с ними, не появляемся в «еврейских кварталах». За последние одиннадцать лет я был там раза два или три. Пойти туда, например, в кинотеатр? Об этом не может быть и речи — нам страшно».

Врач-араб рассказывал, что американцы советовали «согласиться на сосуществование» с оккупантами, чтобы облегчить повседневную жизнь, иметь по крайней мере школы, воду в достаточном количестве. «Но мы ответили на это «нет». Мы хотим, чтобы израильтяне ушли с нашей земли»,— добавил он.

Положение примерно 95 тысяч арабов Иерусалима трагично. В глазах израильтян они жители не «оккупированных», а «воссоединенных» территорий. Фактически же эти земли просто-напросто аннексированы. Арабам остается лишь говорить в отчаянии: «Это ужасно. Израильтяне никогда не уйдут отсюда по собственному желанию. Они хотят одновременно и сохранить за собой оккупированные земли, и получить мир. Мы для

них не существуем. Они утверждают, что страна принадлежит им уже две тысячи лет. Где же выход?»

«Конечно,— говорит молодой адвокат из палестинских арабов города Рамаллаха,— израильтяне контролируют все стороны жизни арабов, поощряют все, что может сделать их разобщенными, усилить их замкнутость, помешать проявлению объединяющих людей патриотических чувств, играют на различиях между христианами и мусульманами. Израильтяне говорят об Иудее и Самарии, но не о Палестине. Наши споры, обмен мнениями им не мешают. Напротив, они считают, что это полезно, поскольку «снимает напряженность». Однако малейший намек на организованное противодействие, все, что могло бы хоть как-то отразиться на общей ситуации, моментально вызывает репрессии... Нет, это невозможно передать».

Чтобы проиллюстрировать позицию израильских оккупантов, один из членов муниципального совета Наблуса, который (как почти все его коллеги) в свое время отсидел несколько месяцев в тюрьме, привел характерную фразу офицера израильской разведывательной службы во время беседы с ним перед освобождением: «Идите и лайте, сколько хотите. Но только не кусайтесь!»

Даже те палестинские арабы, которые ограничиваются пассивным сопротивлением, то есть отказываются от сотрудничества с израильскими властями, постоянно подвергаются преследованиям.

Среди преподавателей университетов Бир-Зейта, Вифлеема и Наблуса (города, расположенные на оккупированных Израилем арабских территориях.— *Ред.)* есть представители коренного арабского населения Палестины. Некоторые из них получили образование в Соединенных Штатах, как, например, Нафез Наззаль, заведующий кафедрой ближневосточных проблем в университете Бир-Зейта, и вернулись на Западный берег реки Иордан... с американским паспортом и «туристской» визой. В течение двух лет Н. Наззаль читал лекции в университете на основании временного разрешения. В начале года ему и шести другим преподавателям этого университета было отказано в просьбе продлить аналогичное разрешение.

Что общего между этими людьми? «Ничего,— гово-

рит один университетский преподаватель.— Это совершенно разные люди. Среди них есть и правые, и левые, и те, кто вообще далек от политики. Удар направлен против университета Бир-Зейта как палестинского арабского учебного заведения».

В Наблусе университет Наджах тоже оказался под угрозой. Когда его ректор опубликовал в августе 1977 года в арабской печати Иерусалима объявление об открытии университета и наборе студентов, израильский военный комендант Наблуса вызвал его к себе и сказал: «Если вы не опубликуете завтра сообщения, аннулирующего сегодняшнее объявление, я отправлю вас в тюрьму...»

Возмущение населения оккупированных Израилем арабских территорий выражается и в более активных действиях. После вторжения израильских войск в Южный Ливан, так же, как и по случаю 30-летия создания государства Израиль и в годовщину шестидневной войны 1967 года, школьники Наблуса, Вифлеема, Бейт Джаллы и лагерей беженцев в знак протеста против продолжающейся израильской оккупации поджигали на шоссейных дорогах автомобильные покрышки, бросали камни в израильских солдат. В университете Вифлеема студенты объявили забастовку и несколько раз водружали палестинский флаг над учебными помещениями. Однажды студенты Хеврона отключили в городе свет на полчаса, пока их товарищи писали на стенах домов: «Смерть коллаборационистам!»

Израильские власти прибегают и к открытым жестоким репрессиям. Еще недавно оккупанты просто взрывали дома неугодных им арабов. Сейчас они прибегают к этой мере не так часто. Теперь они, как правило, ограничиваются тем, что выселяют «подозрительных». В сентябре 1975 года в Наблусе израильская полиция арестовала адвоката Фарида Ганнама. Его жена с двумя детьми была вынуждена переселиться к отцу, так как их дом был конфискован и сдан в аренду. В тюрьме Фарид провел два с половиной года. Там он и скончался. Только после его смерти семье разрешили вернуться в дом.

Сотни местных арабов каждый месяц подвергаются аресту. Во время операций по прочесыванию местности задерживают учащихся лицеев, бросают в тюрьмы сту-

дентов и других граждан, вызывают в полицейский участок и держат там месяцами. По словам одного священника, с 1967 года каждый второй палестинский араб на оккупированных территориях побывал в израильских тюрьмах.

Арест производится всегда под покровом темноты. «22 марта в час ночи,— рассказывает журналистка Раймонда Тауиль, которую 45 дней держали под арестом,— я услышала стук в дверь. Открыла. На пороге появились девять человек в штатской и военной форме. Они взяли мои бумаги и отвезли меня в полицейское управление Иерусалима в центре еврейской части города».

Бывает и по-другому. Один из младших братьев Нафеза Наззаля, 17-летний Мунзир, в начале мая получил такую повестку: явиться в полицейский секретариат 6 мая в 8 часов 30 минут. Он взял с собой учебники, полагая, что еще успеет пойти в школу. Однако Мунзир до сих пор находится в тюрьме.

Иногда вызов в полицейское управление имеет целью запугать студента-араба, который приехал в Иерусалим или Наблус на каникулы. Один из студентов согласился рассказать о допросе в полицейском управлении при условии, что его имя не будет названо. «В 4 часа утра,— начал он,— меня отвели в комнату номер 8. Полицейские заломили мне руки за спину и наручниками прикрепили к железным прутьям окна. Начали допрос. Когда я ответил, один из них с издевкой спросил, сильнее ли я своего брата, который приговорен к пожизненному тюремному заключению. Затем они посадили меня на пол, приказали снять ботинки, положить ноги на край стула и принялись бить дубинкой по ступням, спрашивая, все ли я им рассказал. Я ответил «да». Примерно на час они оставили меня одного. Вернувшись, стали избивать снова, допытываясь, с кем я встречался в Бейруте, почему мой родной и двоюродный братья находятся в тюрьме. Я ответил, что все это им хорошо известно. Затем меня отвели в комнату номер 10 и сказали, что если я не буду говорить, то меня не выпустят. Мне связали ноги и подвесили вниз головой к решетке окна: когда я пытался опереться руками об пол, чтобы уменьшить боль, они принимались бить меня ногами. В течение примерно

часа, пока один из полицейских изучал досье за столом, я висел вниз головой. Потом меня вывели из здания во двор и привязали к столбу. Так я провел ночь. Рано утром подвергли новому допросу в камере. Через двое суток я предстал перед судьей: меня обвинили в принадлежности к нелегальной организации и в передаче информации за границу. Судья продлил арест на шесть дней, чтобы закончить расследование. Еще четыре дня допросы продолжались теми же методами. После 15-дневного заключения меня освободили».

5 января этого года двадцатилетний Халед Абдель Раббат, студент университета Бир-Зейта, был в третий раз вызван в военную комендатуру в Рамаллахе. Его неприятности с оккупационными властями начались после того, как 14 декабря он принял участие в демонстрации протеста против политики президента Садата. В 20 часов Халед явился в комендатуру в сопровождении своего отца и преподавателя университета Бир-Зейта англичанина Брайена Сайкса. Четыре с половиной часа спустя Сайкс увидел, как он вышел из здания. Халед еле держался на ногах. Его поместили в больницу Рамаллаха. Врач подтвердил, что пациента избивали.

После того как в июне 1977 года газета «Санди таймс» опубликовала репортаж о пытках в Израиле (см. «За рубежом», № 35 за 1977 год. — *Ред.*), израильские следователи, как правило, действуют с большей осторожностью. «Они применяют,— сказал один иностранный наблюдатель,— методы, которые англичане используют в Ирландии: лишают людей еды, сна, жестоко избивают».

В тюрьмах положение ужасное, все они переполнены до отказа. «В Хевроне, например,— говорит один из немногих европейцев, которому удалось посетить некоторые из них,— в тюрьме, рассчитанной на 110 человек, содержатся 260 заключенных. Теснота такая, что они не могут даже прилечь, спать практически невозможно».

Израильское правительство отвергает все обвинения в нарушениях прав человека на оккупированных территориях. Однако Международный Красный Крест, единственная организация, представители которой имеют доступ в израильские тюрьмы, в своем специальном

докладе высказывает большую тревогу в связи с существующим там положением и приводит конкретные примеры пыток, произвольных арестов и других нарушений Израилем прав арабов-палестинцев.

ОНИ ПЫТАЮТСЯ ЗАСТАВИТЬ НАС ЗАМОЛЧАТЬ

«Фольксштимме», Вена

В витрине большого книжного магазина на улице Алленби — одной из центральных улиц Тель-Авива — лежит свободно продающийся том в ядовито-желтой обложке — «Статистический ежегодник государства Израиль», изданный статистическим управлением при израильском правительстве. Приобрести его может каждый. Каждый, но только не житель Тель-Авива, израильский гражданин Ганс Лебрехт! По крайней мере такого мнения придерживается израильская тайная полиция и заодно с нею прокурор Тель-Авива.

Известный журналист Ганс Лебрехт был схвачен 17 января 1978 года агентами израильской тайной полиции по обвинению в покушении на безопасность государства Израиль именно за то, что приобрел эту книгу и вместе с несколькими туристическими проспектами, которые вам навязывают в каждом гостиничном киоске в Израиле, подарил своему другу и коллеге, гражданину Кипра Панайотису Пасхалису. После двухнедельного заточения в одиночке, где его часами подвергали допросу, Лебрехт был выпущен под залог в 100 тысяч израильских фунтов. 19 февраля 1978 года прокурор Тель-Авива возбудил против него дело.

Лебрехт — корреспондент ряда европейских газет, в том числе парижской «Юманите», римской «Униты», берлинской «Нойес Дойчланд», а также «Фольксштимме». Он член Центрального Комитета Коммунистической партии Израиля, активно выступает против империалистической политики израильского правительства.

Занимаясь подготовкой материалов по Ближнему Востоку, Лебрехт не так давно познакомился с 38-летним кипрским журналистом Панайотисом Пасхалисом — корреспондентом газеты «Харавги», органа Прогрессив-

ной партии трудового народа Кипра (АКЭЛ), который одновременно был фотокорреспондентом и кинооператором ряда европейских телевизионных компаний. В последние годы он особенно активно занимался проблемами ближневосточного конфликта и его мирного решения, что вполне естественно для журналиста из средиземноморской страны. Панайотис уделял особое внимание социальным проблемам Израиля и положению арабского народа Палестины.

Кто информирует других, должен быть хорошо информированным сам. Следуя этому обязательному принципу журналистской деятельности, Пасхалис в 1977 году вновь посетил Израиль. Именно в эту поездку Лебрехт и помог ему в сборе материала, передав вышеупомянутые ежегодник и туристические проспекты. Во время пребывания в стране кипрский журналист фотографировал площади и улицы Тель-Авива и Хайфы, и было бы странным, если бы профессиональный фотокорреспондент не делал этого. Его снимки печатались в различных европейских газетах, а телевизионные репортажи были переданы рядом телестанций. Каждый раз, находясь в Израиле, он аккредитовывался при пресс-службе израильского правительства, получал официальное удостоверение и обсуждал с соответствующими лицами свои журналистские планы.

Он брал здесь интервью у арабских политических деятелей точно так же, как делал это у себя на родине и в других странах, в частности в Ливане. В материалах, которые Пасхалис готовил с помощью Лебрехта, нет ни единого слова вымысла — это факты, взятые из жизни. Тем не менее встречи Пасхалиса с арабскими политическими деятелями были представлены израильской секретной службой как «преднамеренное установление контактов с вражескими агентами с целью раздела израильского государства». На основании этого «обвинения» 16 января 1978 года Пасхалиса арестовали. Вполне естественно, он с негодованием отмел приписываемое ему нарушение израильских законов.

В качестве его защитника выступала известная своим мужеством адвокат Фелиция Лангер. На открытии процесса 19 февраля 1978 года она заявила: «Мой подзащитный считает себя невиновным и со всей категоричностью отвергает предъявленное ему судом обви-

нение. Его деятельность у себя на родине и в Израиле не выходила за рамки журналистской работы и была направлена на достижение справедливого мира и дружбы между народами. У него никогда не было намерений покушаться на безопасность Израиля, приписываемых ему обвинением».

Процесс против Лебрехта и его кипрского коллеги — это откровенное надругательство над свободой печати в Израиле. Их привлечение к суду делает практически невозможной любую попытку направить из Израиля объективную информацию об этой стране, а следовательно, и о ближневосточном конфликте.

«Ню даг», Стокгольм

— Свобода слова в Израиле все более и более ограничивается. Этот процесс лишь свидетельствует об атмосфере политической нетерпимости, установившейся в стране с приходом к власти правительства Бегина,— заявил нашему корреспонденту Ганс Лебрехт в связи с возбужденным против него израильскими властями делом «о покушении на государственную безопасность Израиля».

По мнению Лебрехта, выдвинутые против него обвинения — только предлог, чтобы заставить его замолчать.

— Власти обвиняют меня в преступлении, которого я не совершал. Они пытаются заглушить не мой голос, а голос моей партии. Я всегда проводил политику партии. Если им удастся меня осудить, я наверняка буду не последним.

Фелиция Лангер, адвокат Лебрехта и Пасхалиса, тоже считает, что налицо политический процесс.

— Это очередная попытка,— говорит она,— ограничить свободу печати, создать прецедент и предупредить других журналистов, которые выступают с критикой политики Израиля.

Лебрехт обвинялся в нарушении не менее трех статей уголовного кодекса 1957 года, за что его могли по совокупности приговорить к 15 годам тюрьмы.

Против Пасхалиса были выдвинуты еще более серьезные обвинения: «передача информации противнику», «незаконный сбор информации». Кроме того, ему

инкриминировали «связь с иностранным агентом». Словом, Пасхалису грозило пожизненное тюремное заключение (он приговорен к 5 годам тюремного заключения.— *Ред.*).

Ганса Лебрехта уже не первый раз бросают в тюремный застенок. Ему не позволили взять с собой необходимые лекарства, угрозами и запугиванием стремились воздействовать на его психику. Через два дня после освобождения под залог с Лебрехтом случился серьезный сердечный приступ, его положили в больницу.

— Израильские тюрьмы ужасны,— рассказывает он.— В камерах, рассчитанных на 6—8 заключенных, порой содержится до 20 человек.

С Пасхалисом обращаются еще более жестоко. Лебрехт виделся с ним во время допроса.

— В камере Пасхалиса,— утверждает он,— едва помещается койка. Там нет ни окна, ни вентиляции. Ему запрещено с кем-либо разговаривать. Даже со своим адвокатом.

Ганс Лебрехт не считает этот процесс чем-то исключительным.

— В Израиле свирепствует цензура, особенно в отношении зарубежной печати. Усилился нажим на коммунистическую партию. Ее членов то и дело арестовывают по самым смехотворным обвинениям.

ПЫТКИ В ИЗРАИЛЬСКИХ ТЮРЬМАХ

«Санди Таймс», Лондон

ИЗДЕВАТЕЛЬСТВА НАД АРАБСКИМИ ЗАКЛЮЧЕННЫМИ В ИЗРАИЛЬСКИХ ТЮРЬМАХ

В Израиле на допросах арабских заключенных установлена практика жестокого обращения, применяются пытки. Таков основной вывод из материалов, полученных в результате пятимесячных опросов на оккупиро-

ванном Израилем Западном берегу реки Иордан и в Газе. При этом применяются самые разнообразные методы. Зачастую это длительные избиения заключенных. Такие факты объясняются тем, что просто имеется небольшая группа полицейских, нарушителей дисциплины.

Полученные свидетельства относительно применяемой при этом техники, о чем будет сказано ниже, показывают наличие в Израиле практики пыток. Заключенных часто помещают в темную камеру или завязывают им глаза, на долгое время подвешивают за запястья. Многим женщинам угрожают изнасилованием. Иных пытают электрическим током. Наконец, установлено, что по крайней мере одно место заключения для проведения пыток имеет (или имело) специально сконструированный «буфет» в два фута шириной и пять футов высотой с острыми шипами, вделанными в пол.

К пыткам прибегают все израильские секретные службы, и неправильно считать, что такая практика ограничивается рамками допросов. С одной стороны, пытки применяются для выпытывания нужных сведений, с другой — очевидно, для запугивания населения оккупированных территорий. Но израильтяне утверждают, что арабы, обвиняемые в «преступлениях против безопасности», попросту подвергаются суду. Часто они осуждаются на основе их признаний. А проведенные нами расследования показывают, что многие из этих «признаний» вырваны под пытками и в результате жестокого обращения.

Израиль всегда отвергал обвинения в жестоком обращении и пытках. Габриэль Падон, советник израильского посольства в Лондоне по печати, заявил корреспонденту Би-би-си: «Каждый случай обвинения в применении пыток или жестоком обращении тщательно расследуется полицией и судебными инстанциями... Несколько случаев имели место, когда полицейские чины проявили чересчур большое рвение при допросе... Израиль является страной закона. Процедура допроса в Израиле является такой же, какая практикуется в Англии. Обвинения в пытках, прижиганиях, использовании электрического тока и тому подобном абсолютно лживы. Это очень хорошая пропаганда, но она весьма далека от истины».

Изучены показания 44 арабов, утверждавших, что они подвергались жестокому обращению или пыткам. Большинство из них все еще проживает на оккупированных территориях. Некоторые пожелали назвать свои имена. Мы записали на пленку показания общим объемом в 110 000 слов, подкрепив их, где это возможно, фактами.

Изученные нами факты имели место в течение десяти лет израильской оккупации; наш обзор охватывает этот же период: последний случай пыток, зафиксированный нами, имел место в декабре 1976 года. Однако нет причин полагать, что такие факты теперь не имеют места: жалобы продолжаются.

ИЗРАИЛЬ И ПЫТКИ

Раннее утро 24 февраля этого года (1977 год), мост Алленби, основной пункт перехода с оккупированного Израилем Западного берега на Восточный берег реки Иордан...

Израильский армейский джип вырулил на середину моста и остановился. Из него вышли несколько израильских солдат, а за ними представитель Международного Красного Креста в Иерусалиме швейцарец Бернар Мюнгер. С помощью солдат он вытащил и уложил на носилки мужчину. Его звали Омар Абдель Керим. Он палестинец, плотник из деревни Бейт Сахур из-под Вифлеема (Бейт Ляхма). Хотя ему было всего 35 лет, он выглядел глубоким стариком. На иорданской стороне моста Абдель Керима ожидала небольшая группа людей. Среди них был его брат, офицер связи иорданской армии, и Жан Курвуазье, глава миссии Международного Красного Креста в иорданской столице Аммане. Чиновники Красного Креста Курвуазье и Мюнгер подняли носилки и понесли в сторону автомашины «скорой помощи» Иорданского Красного Полумесяца (который действует в Иордании в сотрудничестве с Международным Красным Крестом).

Когда Мюнгер пошел обратно к израильскому джипу, Абдель Керим тщетно пытался помахать ему на прощание рукой. На вопрос иорданского офицера, как его зовут, он только пошевелил губами. К отчаянию своего

брата, Абдель Керим, казалось, не узнал его. «Я думал, что он умрет»,— говорил позднее своим друзьям Курвуазье. Но Абдель Керим выжил. В середине дня его доставили в госпиталь имени короля Хусейна в Салте, в 25 милях от моста по направлению к Амману. В истории болезни после первого осмотра было записано, что он сильно истощен и слаб. Абдель Керим жаловался на боль в груди и затрудненность дыхания. Врачи зафиксировали у него воспаление мочеполовых путей. Абдель Керим жаловался на сильные головные боли и головокружение. Боли в суставах, особенно в коленях, мешали ему ходить. Рентген показал, что у больного в нескольких местах сломаны ребра. Лечащий врач отметил также, что пациент находится в крайне нервозном состоянии, и предписал успокоительные средства. На Абдель Кериме продолжали отражаться последствия перенесенных страданий. Когда его навестила жена Ниджми, он с удивлением посмотрел на нее и спросил: «Кто ты?» Понадобилось какое-то время, чтобы он стал узнавать жену. С помощью антибиотиков, поливитаминов и усиленного питания Абдель Керим стал медленно выздоравливать.

Как рассказал Абдель Керим, он был арестован израильской службой безопасности четыре месяца тому назад. Его обвинили в принадлежности к фидаинам — членам Палестинского движения сопротивления. Он сообщил, что его подвергли зверским истязаниям. Пытки, о которых он рассказал, были столь жестоки и продолжительны и, прежде всего, так хорошо организованы, что нет сомнения, если его история достоверна, в том, что пытки в Израиле применяются систематически.

Мы ожидали прибытия Абдель Керима. О его деле нам стало известно в январе, когда он еще находился в израильской тюрьме. До освобождения Абдель Керима мы беседовали с его женой, адвокатом и старостой деревни, где он жил.

Пять месяцев мы занимались изучением заявлений о систематических пытках арабских узников. Подобные заявления в течение почти десяти лет, со времени первых недель оккупации Израилем Западного берега и сектора Газы после войны 1967 года, появлялись постоянно. Организация Объединенных Наций и ряд других организаций скрупулезно изучали такие свидетельства

и выражали осуждение Израиля. Однако фактически результаты всех предыдущих расследований могли быть поставлены под сомнение. Они были уязвимы для критики по той причине, что все расследования осуществлялись за пределами Израиля и оккупированных территорий и не делалось попыток проверить их достоверность на месте. Даже специальный комитет ООН, отнюдь не склонный критиковать Израиль, признал свою неспособность «получить убедительные результаты до тех пор, пока не окажется возможным провести свободное расследование непосредственно на оккупированных территориях». Именно для такого внутреннего расследования мы работали на Западном берегу и в секторе Газы, где принимали заявления и изучали различные версии, а при необходимости выезжали в соседние арабские страны для последующего уточнения фактов. Мы опросили 49 палестинских арабов, которые были арестованы израильскими службами безопасности. Почти все они продолжают жить на оккупированных территориях. 44 из них заявили, что подвергались пыткам. В 22 случаях опрошенные согласились назвать свои имена, несмотря на то что они жили под властью израильской военной администрации. Формулируя свой вывод, мы наибольшее предпочтение отдавали именно таким случаям. В остальных случаях, когда палестинцы просили не упоминать их имен, мы действовали очень осторожно, хотя также выявляли общие тенденции из их показаний.

Наше заключение таково:

1. Израильские служба безопасности и разведка жестоко обращаются с арабами, оказавшимися в заключении.

2. В ряде случаев проявляется просто примитивная жестокость, например длительные избиения. Однако применяются и более изощренные методы, включая пытки электрическим током и содержание в специально сконструированных камерах. Такого рода система, помноженная на уровень ее организации и степень применения, выводит израильскую практику из области проявления грубости и ставит ее в категорию пыток.

3. Пытки имеют место по крайней мере в шести центрах: в тюрьмах четырех основных оккупированных городов — Наблуса, Рамаллаха, Хеброна на Западном берегу Иордана и Газы, на юге в тюрьме Иерусалима,

размещенной в зданиях, известных как Москобийя, в специальном центре военной разведки, местоположение которого точно неизвестно. Но, судя по описаниям свидетелей, этот центр расположен где-то в районе военной базы в Сарафанде, недалеко от аэропорта Лодд на шоссе Иерусалим — Тель-Авив. Имеются признаки, что подобный центр какое-то время существовал где-то недалеко от Газы.

4. К пыткам причастны все службы безопасности Израиля: «Шин-Бет», грубо говоря, израильский аналог английской М-15 и ее Особого отдела, подотчетная канцелярии премьер-министра; военная разведка, подчиненная министерству обороны; пограничная служба и «Латам», израильское «Управление специальных операций», которое подчиняется министру полиции.

5. Пытки организованы так методично, что не могут считаться действиями кучки полицейских, «нарушителей дисциплины», превышающих свои полномочия. Они носят систематический характер. По-видимому, они санкционированы на каком-то уровне как вполне четкая политика.

6. Представляется, что пытки применяются в трех целях. Первая, конечно, получение сведений. Мотив второй, который представляется по крайней мере наиболее простым, состоит в том, чтобы заставить людей признаться в «преступлениях против безопасности», которые они, возможно, совершили, а может быть, и не совершили. Полученное признание затем используется как принципиальное доказательство вины в судебном заседании. Израиль признает факт, что в его тюрьмах имеется несколько политических заключенных, но только таких, которые признаны виновными согласно закону. Третья цель, по-видимому, представляет попытку убедить арабов на оккупированных территориях в том, что пассивное поведение хотя бы не причиняет боли.

Может быть, поэтому те 22 араба, которых мы назовем, рискуют стать жертвами преследований в Израиле. Все 22 человека знали это и тем не менее согласились назвать свои имена. Мы не видим иного способа защитить их, кроме как придать гласности имеющиеся в нашем распоряжении факты. Поэтому мы и публикуем в качестве приложения к настоящему докладу их имена и указание места жительства.

ПРОБЛЕМЫ ПРОВЕРКИ ИСТИННОСТИ ПОЛУЧЕННЫХ НАМИ ПОКАЗАНИЙ

Случай с Абдель Керимом, человеком, отправленным в Иорданию через мост Алленби, типичен по двум причинам. Его показания незначительно отличаются от множества других случаев. Однако трудности проверки сказанного им, как мы говорили, аналогичны остальным случаям. Его рассказ мы записали в середине апреля в ходе восьмичасового интервью. Фраза «он сказал» должна мысленно добавляться ко всем нижеследующим утверждениям.

Омар Абдель Керим был арестован 3 октября 1976 года, когда он переходил мост Алленби в восточном направлении, собираясь навестить свою невестку, проживающую в Аммане. Его доставили в место, которое арабы называют «Москобийя», в Иерусалиме, ныне в нем расположен центр допросов и арестов, осуществляемых «Шин-Бет», «Латам» и отчасти погранслужбой.

Среди допрашивавших его в тот же вечер были двое, которых, как он узнал, звали Эди и Орли. Они обвинили Абдель Керима в принадлежности к фидаинам. Когда он отверг это обвинение, его стали бить по пяткам. Спустя четверть часа его подвесили за запястья. Затем Абдель Керима отправили в камеру основного тюремного здания в Москобийе. Его ноги так распухли, что он не мог ходить и только ползал по камере. В Москобийе Абдель Керима продержали семь дней. На последующих допросах он ничком лежал па полу. Один человек становился ему на ноги, а другой заламывал назад руки. В другой раз ему между рук вставили прут и проворачивали его до тех пор, пока цепь наручников не врезалась в тело и кровь перестала поступать к конечностям. Через неделю в закрытом грузовике его переправили, как он полагал, в Сарафанд. Пока что обращение с Абдель Керимом может быть квалифицировано скорее как «надругательство», чем как пытки. Однако в новом центре действия допрашивающих оказались более целенаправленными. За исключением времени допросов, его постоянно держали под черным брезентовым мешком. Допрашивали его новые люди, но среди них находился и Орли.

Теперь они применили электроток. К телу липким пластырем прикрепили два тонких черных провода. Они

были соединены с черным ящиком, вероятно трансформатором. От него к стенной розетке тянулся толстый белый шнур. Ящик включался и выключался кнопкой.

«Мне казалось, будто мои кости крошатся,— говорил Абдель Керим.— Больнее всего было, когда они проводами касались тела. После электрических ударов я чувствовал сильную боль в суставах, болела каждая мышца, я чувствовал, что мои нервы крайне измотаны».

Абдель Керим утверждал, что на допросах электроток применяли «восемь или девять раз». Однако он, по его словам, продолжал утверждать, что невиновен. Через 11 дней его снова перевели в новую тюрьму. На этот раз в тюрьму в Хевроне, на Западном берегу Иордана.

Его продолжали допрашивать Эди и Орли, но к ним теперь присоединились новые лица. В первый день пребывания в хевронской тюрьме некто по имени Узи ударил Абдель Керима по лицу. Когда хлынувшая из носа кровь попала на ботинок Узи, тот заставил Абдель Керима слизать ее. Абдель Керим дает описание ботинка: «Толстый, с рифленой подошвой, похожий на ботинки десантников-коммандос». Он указал и другого допрашивавшего по имени Абу Газаль. У него на щеке видна «алеппская роза», характерные для ближневосточных стран отметины от оспы на коже. Абу Газаль таскал его за волосы по камере, а когда выдирал клочья волос, заставлял Абдель Керима есть их. «Волосы застревали у меня в горле. Меня тошнило». Затем его принуждали пить соленую воду. Наконец, Абу Газаль и другой израильтянин загнали Абдель Кериму в задний проход бутылку. Таков был первый день. На следующий день, сказал Абдель Керим, его снова подвесили за запястья на блоке и избили.

«Я почувствовал, как что-то сломалось у меня в груди... Потом потерял сознание. Очнулся я на полу, они брызгали мне на лицо водой...»

На третий или четвертый день Орли привел в тюрьму жену Абдель Керима Ниджми.

«Когда Ниджми увидела меня в таком состоянии, она заплакала. Орли схватил ее за волосы и стал бить по лицу до тех пор, пока не разбил в кровь нос и рот...»

Не выдержав этого, Абдель Керим сказал, что готов признаться.

Орли ответил: «Теперь мы с тобой друзья». Он достал сигарету и предложил ее мне.

Я взял ее и закурил, а он сказал: «Теперь говори». Так я начал лгать. Мне нечего было сказать, но я должен был спасти жену. Я сказал, что у меня есть бомбы, я спрятал их в отхожем месте. Когда я произнес свое «признание», жена сказала: «Нет, это я положила их туда». Хотя мы ничего подобного не делали, она заявила так, чтобы спасти меня, а я — чтобы спасти ее.

Абдель Керима отвезли домой в Бейт Сахур, где ассенизационные машины уже отсасывали содержимое выгребной ямы. Они ничего не нашли. Когда стало ясно, что подследственный обманул, Эди стал колотить Абдель Керима головой о стену, от которой отлетело несколько кусков штукатурки. Орли приказал Абдель Кериму проглотить их, что последний и сделал. «Если бы у меня что-нибудь было,— твердил Абдель Керим допрашивавшим его израильтянам,— я бы вам сказал». Но они не верили ему. Его держали под холодным душем, окунали в бочку с ледяной водой, еще раз подвесили за руки, а Орли упражнялся в том, что сдавливал ему половые органы.

«Разумом невозможно представить себе, как это больно. Было так плохо, что я забыл всякую другую боль».

Последняя пытка, которую помнит Абдель Керим, заключалась в том, что его заперли в маленькую камеру, куда сквозь глазок в двери напустили какого-то газа. «Я не мог сдержать кашель. Потекло из глаз и из носа. Вокруг меня все закружилось».

Он помнит «похожий на палец кусок стекла», который наконец ввели ему в ноздри, чтобы как-то облегчить дыхание. С этого момента воспоминания Абдель Керима фрагментарны и сбивчивы. Мы установили, что, например, в конце ноября он провел неделю в главном израильском тюремном госпитале в Рамле. Он говорит, что не помнит этого. Как сказала его жена Ниджми, 12 декабря она со своим 12-летним сыном навещала Абдель Керима. Он не узнал сына. Абдель Керим сказал, что не помнит этого случая.

Это страшная история, но насколько она правдива? Ведь при пытках наличествуют всего две стороны: мучитель и жертва. Не имея возможности получить призна-

ние от самих мучителей, мы должны обратить внимание на другие вещи: подтверждение фактами доступных для проверки деталей, соотнесение одних результатов с другими. При помощи этого метода история Абдель Керима заслуживает доверия.

Как мы уже отмечали, об Абдель Кериме узнали еще до его освобождения. Отдельные беседы, которые имели место, определенным путем вели к проверке его версии.

За шесть недель до освобождения Абдель Керима его жена Ниджми поведала нам во время беседы в Бейт Сахуре, как ее арестовывали и забирали в тюрьму в Хевроне. Она рассказывала, что ее и мужа били на глазах друг у друга. Ее били по лицу и таскали за волосы. Ее муж выглядел «жестоко избитым, под глазами у него были синяки. На тыльной стороне рук и на лице видны следы ожогов, которые оставляет либо применение электричества, либо раскаленное железо».

(Позже Абдель Керим показал нам среди прочих следов на его теле широкий шрам на тыльной стороне правого запястья. Он заявил, что шрам остался от ожога электрическим током в хевронской тюрьме. «Они подсоединили ко мне провода и вставили штенсель в розетку. Ударом тока меня отбросило назад, и им пришлось вновь подсоединять меня. Искры полетели от моей руки. Другая аппаратура не вызывает искр».)

Показания Абдель Керима подтвердили и другие опросы. 14 ноября его адвокат Фелиция Лангер и ее секретарь Авид аль-Асали посетили Абдель Керима в хевронской тюрьме. Лангер писала впоследствии об этом визите:

«Абдель Керим передвигался при помощи других заключенных, потому что не мог ходить самостоятельно... Он выглядел очень плохо, и его лицо было абсолютно желтым... Все время он показывал на ребра и жаловался, что не может дышать. Один из заключенных сказал нам, что во время допросов ему переломали ребра... Абдель Керим заявил нам, что его пытали электричеством, и, вспомнив об этом, он начал дрожать... Казалось, его тело сотрясается в конвульсиях... Он не помнил своего возраста, места рождения, адреса, есть ли у него дети. Лишь однажды во время нашего визита он упомянул, что у него на глазах били жену. Но затем прекратил об

этом говорить. Нам казалось, что он живет в другом мире».

В другом интервью за шесть недель до освобождения Абдель Керима секретарь Лангер, Асали, подтвердил ее рассказ, добавив, что им довелось видеть, как Абдель Керим вдруг неожиданно начинал смеяться и целовать тюремщика. «Он сказал, что этот тюремщик был единственным, кто не пытал его...» (Асали не упомянул о следах ожогов на теле Абдель Керима, но он заявил, что видел синяки и красные, как кровь, отметины возле уха.)

Это было в середине января, за шесть недель до освобождения Абдель Керима. Мы интервьюировали старосту его деревни Ханна аль-Атраша. Он рассказал нам, что израильтяне несколько дней осушали выгребные ямы по соседству с домом Абдель Керима. Его рассказ в целом совпадает с описанием этого случая в интерпретации Абдель Керима, который никак не мог согласовать его заранее с нашим прежним собеседником аль-Атрашем.

Староста рассказал нам также, что в конце ноября, узнав от Фелиции Лангер о положении Абдель Керима, он отправился к израильскому военному губернатору района Вифлеема и все ему изложил. «Он заявил мне,— сказал староста,— что не верит в изложенную историю, но поинтересуется ею».

Позднее он сообщил старосте, что Абдель Керим переправлен в тюремный госпиталь.

Староста связался также с миссией Международного Красного Креста в Иерусалиме: «Я просил их разобраться в заявлениях. Позднее представитель Красного Креста Бернар Мюнгер подтвердил мне, что все сообщенное было правдой. Он полностью подтвердил письмо Фелиции Лангер».

Как правило, Красный Крест никогда открыто не комментирует известные ему случаи. Глава миссии Красного Креста в Иерусалиме Альфредо Витчи заявил, что он не может ни подтвердить, ни опровергнуть заявление старосты. «Мы передаем наши документы властям и просим их принять меры»,— заявил он. То же самое имело место и в Аммане, где Жан Курвуазье мог только подтвердить, что он встречал Абдель Керима на мосту Алленби.

Мы тем не менее установили, что иерусалимский представитель Красного Креста Мюнгер впервые получил доступ к Абдель Кериму в конце ноября, спустя 55 дней после ареста. После этого (возможно, в результате вмешательства Мюнгера) Абдель Керима перевели в тюремный госпиталь в Рамле. Ему сделали рентгеноскопию, но через неделю вернули в тюрьму в Хеброн. Имея в виду состояние Абдель Керима, которое Мюнгер охарактеризовал врачам в Аммане как «плачевное», что и было зарегистрировано при медосмотре в Салте, это кажется странным решением. Поэтому неудивительно, что Абдель Керим сохранил самые светлые воспоминания о Мюнгере, чьи постоянные усилия помогли наконец его освобождению. «Он спас мне жизнь»,— заявляет Абдель Керим.

АРАБЫ ПОД ВЛАСТЬЮ ИЗРАИЛЯ

Около 1,7 миллиона арабов живет под властью Израиля. 500 тысяч живет в границах территории Израиля до войны 1967 года и формально носит израильское гражданство. 1,2 миллиона арабов проживает на оккупированных Израилем в ходе «шестидневной войны» 1967 года землях. Из них 800 тысяч проживает на Западном берегу реки Иордан и в Восточном Иерусалиме, 400 тысяч живут в секторе Газы. Небольшое число проживает на Голанских высотах, отнятых у Сирии.

Израиль аннексировал Восточный Иерусалим, чтобы «воссоединить» разделенный город. Западный берег Иордана и Газа управляются военными губернаторами. Основной политический курс осуществляется там министерством обороны Израиля, которое, например, санкционировало устройство около 80 еврейских поселений на оккупированных территориях. Допущена определенная активность в социальной жизни: издаются арабские газеты (хотя они подвергаются контролю цензуры). На Западном берегу были проведены муниципальные выборы. Однако политические организации и политическая деятельность запрещены. Местная судебная система функционирует при участии чиновников арабов, которые руководствуются иорданским законодательством на Западном берегу реки Иордан и законами

времен английского мандата в Газе. (Та же самая система законов применялась Египтом с 1949 по 1967 год.) Все «преступления против безопасности» рассматриваются военными судами, укомплектованными израильскими судьями и чиновниками. Все заявления о пытках и жестоком обращении касаются погранслужбы, чиновников израильской разведки, которые арестовывают и допрашивают подозреваемых до передачи их дел в Военный суд.

В деле Абдель Керима одна часть чисто внешнего наблюдения твердо предполагает: есть что-то, что израильтяне хотели бы скрыть и что на самом деле имело место в данном конкретном случае. Это исходит от самих же израильтян.

В день, когда Абдель Керима переправили через реку Иордан и направили в госпиталь в Салте, д-р Хамза известил корреспондента агентства Рейтер о состоянии Абдель Керима. Корреспондент агентства Рейтер в Израиле запросил у военных властей на Западном берегу Иордана объяснений.

Ему сообщили, что Абдель Керим осужден как арабский партизан и диверсант. Он заболел, проведя в тюрьме три года (по приговору он получил 11 лет заключения). Он обратился к израильтянам с просьбой позволить ему уехать в Иорданию для лечения и получил разрешение.

Этот рассказ ложен. Медицинские записи в Вифлееме свидетельствуют о том, что в феврале 1976 года, за год до его передачи на мосту Алленби, Абдель Керим, как свободный человек, посещал в Вифлееме ортопедический госпиталь и до своего ареста бывал там несколько раз. Староста Ханна аль-Атраш подтверждает, что арест Абдель Керима имел место в октябре 1976 года. Наконец, мы воспроизвели фотографию Абдель Керима и его жены, сделанную по случаю 13-летия их свадьбы. Она была изготовлена в ателье «Фото Давид» в Вифлееме весной 1976 года. Студия помнит эту работу.

Ошибка в установлении личности исключается. Несколько больных осужденных «партизан и диверсантов» были переданы через мост Алленби после отбытия половинного срока в израильской тюрьме. Но военные власти нисколько не смутились. Дело не в том, что они беспардонно лгали. Важный момент заключается в том,

что офицер, который пошел на ложь, либо выполнял приказ высшего начальства, либо лгал по собственной инициативе, зная, что начальство его не накажет, если ложь обнаружится. Иными словами, все случившееся с Абдель Керимом явилось частью официально санкционированной системы.

ПРИГОВОР ЧЕЛОВЕЧЕСТВА

На следующий день после голосования в ООН по вопросу об образовании государства Израиль, в ноябре 1947 года, Хаим Вейцман, первый израильский президент и, более того, его отец-основатель, писал: «Я уверен, что мир будет судить о еврейском государстве по тому, как оно будет обращаться с арабами». Сложность его пророчества ведет прямо к ситуации, установленной нашим расследованием.

Израиль — еврейское государство и настроено оставаться таковым. Под его властью находятся 1,7 миллиона арабов, 1,2 миллиона из них около десяти лет живут в условиях военной оккупации.

Поскольку Израиль так зависит от того, что Вейцман рассматривал как суждение человечества, он должен стремиться к тому, чтобы такое суждение оказалось для него благоприятным. Конфликт между внешнеполитической необходимостью, с одной стороны, и внутренними реалиями военного управления оккупированными территориями и арабским сопротивлением — с другой, очевиден...

Израильтяне уничтожали дома (16 212 домов в период между июлем 1967 года и августом 1971 года) и депортировали «известных агентов подрывной деятельности» (по данным иорданской полиции, в Иорданию было депортировано 1130 человек начиная с 1967 года). Израиль утверждает, что арабы проводят свободные муниципальные выборы и имеют более высокий жизненный уровень, чем арабы в Египте, Сирии, Ливане, что карательные меры он применяет в ограниченных масштабах.

Вместе с тем Израиль столкнулся с наиболее сложной для любой оккупирующей страны проблемой — имеется в виду обращение с сопротивляющимися.

В 1976 году, заявляет Израиль, была разгромлена 91 группа и арестованы 807 человек, которые поддерживали с ними связь.

Еще до войны 1967 года в Израиле была подготовлена структура управления территориями, которые должны быть оккупированы, система военных судов для них. Но события конца 1967 — начала 1968 года сломали эту систему. Столкнувшись с аналогичными проблемами, англичане во времена своего мандата над Палестиной прибегли к созданию сети лагерей. Идея о евреях как о людях, воскресивших «концлагеря», была отвергнута в ходе бурных дебатов в израильском парламенте. Иной альтернативы, как переполнить арестованными тюрьмы Израиля и оккупированных территорий, не было. Через несколько месяцев после войны 1967 года число задержанных без суда превысило 2000. В начале 1970 года их было все еще 1923.

Военные суды для Израиля являются средством достичь своей цели: управлять оккупированными территориями в соответствии с законом. Мы беседовали с шестью адвокатами — двумя израильтянами и четырьмя палестинцами, которые регулярно выступают в заседаниях военных судов, где защищают обвиняемых в преступлениях против безопасности. Назовем их имена: Фелиция Лангер, Лия Цемель, Васфи Мысри, Антон Джасер, Эльяс Хури и Файез Абу Рахма. Все они считают, что военные суды сознательно покрывают и утаивают факты применения пыток израильской разведкой и службой безопасности. Механизм, которым при этом пользуются, достаточно хитроумен: большинство приговоров основывается на признаниях самих обвиняемых, но большинство этих признаний, по убеждению юристов, получены путем жестокого обращения и пыток. Военные суды почти без исключения отвергают такую точку зрения.

Подозреваемые в «преступлении против безопасности» на оккупированных территориях обычно подвергаются аресту солдатами израильской армии или погранслужбы, которых сопровождают один или несколько человек в штатском. Большинство палестинцев, с которыми мы беседовали, считают, что люди в штатском являются сотрудниками «Шин-Бет», израильской службы внутренней безопасности (на деле, как мы устано-

вили, они могут быть и сотрудниками военной разведки).

Подозреваемого имеют право держать под арестом до вызова к военному судье не более 18 дней. Военный судья может приказать продлить арест до шести месяцев. В этот период арестованный подвергается допросам. Когда наконец он предстает перед судом (спустя год после ареста), обвинение почти всегда располагает заявлением, подписанным подозреваемым, признающим по крайней мере часть предъявленных ему обвинений.

Израиль утверждает, что все признания сделаны добровольно. Шесть адвокатов, с которыми мы беседовали, не верят в это. Васфи Мысри, 60-летний адвокат из Наблуса и старший судья во времена, когда территория являлась частью Иордании, заявляет: «В 90% случаев, с которыми мне доводилось иметь дело, заключенные сообщали мне, что их били и пытали. Конечно, это очень трудно доказать, потому что у них нет свидетелей, кто мог бы подтвердить факт избиения. Но я твердо уверен, что это имеет место».

Военный суд обычно состоит из трех военных судей — из них только один должен быть профессионалом. Через шесть лет после пребывания членом БАР он может стать гражданским судьей. Военные законы, которыми руководствуются судьи, введены в 1945 году английскими мандатными властями.

Так бывает. Обвиняемый рассказывает суду о жестоком обращении и пытках. Прокурор затем допрашивает полицейского или армейского офицера, который получал признание. Как рассказала молодая уроженка Израиля адвокат Лия Цемель, офицер говорит суду: «Я сидел с подозреваемым. Мы пили кофе, я угощал его сигаретой. Он говорил свободно, все было нормально». И такой офицер обычно говорит правду. Дело в том, что полицейский действительно мог получить подобное заявление. Но он не вел допросы. Многие бывшие заключенные, которых мы опрашивали, заявляли, что после согласия дать или сделать заявление от допрашивавших чиновников их передавали полиции с указанием преступлений, которые они признали за собой. Этот новый офицер затем составляет документы для суда, сочиняет заявление о признании вины. Некоторые заключенные пытались изменить свою позицию по вопросу призна-

ния. Один из них, Шехад Шалалда из Рамаллаха, например, протестовал по поводу того, что он не может прочесть своего предполагаемого признания, так как оно написано на иврите (это общераспространенная практика). «Офицер вышел из комнаты, и вошли двое мужчин в штатской одежде. Я сказал им, что хочу знать, что я подписываю. Они ответили: «У нас нет для этого времени». И принялись избивать меня. Тогда я закричал: «Хорошо, хорошо. Я подпишу».

Формы пыток. Заявления всех 44 палестинцев, которые рассказывали нам об издевательствах и пытках, касаются практики допросов в шести центрах. Выявлены некоторые общие, наиболее распространенные формы пыток: 19 человек сказали нам, что, например, их били по половым органам или причиняли боль иным способом. Из таких заявлений возможно увидеть отчетливо наиболее предпочитаемые приемы, используемые допрашивающими в различных центрах (мы обрисовали положение, которое подтверждается анализом около 50 заявлений из различных источников).

В тюрьме Москобийя в Иерусалиме допрашивающие любят грозить причинением боли половым органам, заставляют арестованных держать стул на вытянутых руках или стоять на одной ноге. Отличительной чертой допросов Сарафанде является практика завязывания глаз на длительное время, угрозы натравить собак, подвешивание за руки. Из Рамаллаха поступило много заявлений о длительных пытках холодной водой. Для этого либо используется холодный душ, либо бассейн в центре тюремного двора. Рамаллах является почти единственным местом, откуда не поступило заявлений о пытках током. Из Хеброна получены заявления, подобные заявлению Абдель Керима, с которого мы начали свое описание, о «манипуляциях» допрашивающих с анальным отверстием. Для обвиняемых почти невозможно указать суду истинных участников допросов, потому что они используют арабские имена — Абу Сами, Абу Джамиль, Абу Дауд — или уменьшительные типа Джекки, Дэнни, Ари. Даже если обвиняемый выяснит, добьется и назовет их полные имена, результат оказывается тот же самый. Лия Цемель рассказала нам, как ей однажды удалось вызвать в суд человека, который допрашивал ее подзащитного: «Едва он взглянул на обвиняемого, как

тут же сказал, что никогда в жизни с ним не встречался».

Успешные выяснения обстоятельств признаний виновности очень редки. Васфи Мысри вызвал восхищение своих коллег тем, что имеет на своем счету пять успешных в этом отношении дел из общего числа, достигающего, по его выражению, «тысяч». Лия Цемель заявила, что ей повезло всего один раз.

Адвокат палестинец из Газы Файез Абу Рахма сказал нам, что решил больше не брать дел, связанных с вопросами «безопасности»: «Я заявил израильтянам, что с меня хватит. Я сказал, что они могли бы прибегнуть к интернированию и положить конец этому фарсу».

Вопрос, следовательно, состоит в том, что же происходит во время этих тайных допросов?

ИСТОРИЯ ХАСАНА ХАРБА

Хасан Харб, тридцатисемилетний палестинский журналист из Рамаллаха, живет в десяти милях севернее Иерусалима на Западном берегу Иордана. В ночь с 21 на 22 апреля 1974 года он был с женой в доме тестя. Вскоре после полуночи их разбудил приход полдюжины израильских солдат и двух мужчин в штатском. Один из них велел Харбу одеваться. «Что случилось?» — спросил Харб.

«Узнаешь»,— ответили ему. Харба заковали в наручники, завязали глаза, втолкнули в автомобиль и доставили в тюрьму в Рамаллахе. То, что происходило с Хасаном Харбом более двух месяцев, заслуживает внимания международной общественности. Когда его дело в прошлом году (1976) стало известно в кругах ООН, израильский представитель Яков Дорон заявил, что это якобы «типичная, грубо сколоченная версия о жестокостях израильской администрации, распространяемая определенными элементами». Два с половиной года с момента ночного визита Харб находился в заточении без суда. Только 18 января этого года (1977) Харб был освобожден и отправлен домой. Вскоре мы записали его рассказ о том, что же с ним случилось. Харб привлек нас прежде всего как бесценный свидетель: внимательный, сдержанный, критически оценивающий свои собствен-

ные впечатления и желающий найти такие позиции, которые можно проверить или удостоверить. Ниже следует суть его истории. Когда его привезли в тюрьму, ему отвесили несколько тумаков. У Харба были завязаны глаза, но он слышал, что таким же образом обращались и со всеми остальными. Спустя трое суток, которые он провел в маленькой камере с шестью другими заключенными, его перевели в несколько большую камеру, где содержалось 40 человек. Шли дни. Других, а большинство их арестовали в ту же ночь, вызывали на допрос. Через шесть, семь, иногда через 15 дней они возвращались «в очень плохом состоянии», свидетельствовал Харб.

Их избивали. Следы побоев можно было видеть у них на лице и на груди. Очередь Харба пришла 12 июня, на 51 день после ареста. Ему вновь завязали глаза, втащили в машину и заставили лечь ничком. Харб полагает, что это был джип, в котором его куда-то везли два или три часа. Когда наконец машина остановилась, Харб, все еще с завязанными глазами, выбрался из нее. Ему на голову набросили тяжелый брезентовый мешок. Примерно через 30—40 минут стояния со свободными руками («Когда человек испытывает неудобства, ему кажется, что время тянется медленнее, чем на самом деле»,— спокойно заметил Харб) его ввели в комнату, где сняли мешок и повязку с глаз. Человек в штатском обратился к нему по-арабски: «Ты знаешь, где находишься?»

«Нет»,— ответил Харб.

«Ты находишься в Каср ан-Нигая» («Каср ан-Нигая» означает на арабском языке «Дом смерти»). Он понял, что имел в виду человек, к которому его привели на допрос. Харб узнал, что он арестован потому, что, как коммунист, подозревается в причастности к вооруженному сопротивлению на Западном берегу. Он вступил в компартию еще школьником в Рамаллахе, тогда — часть Иордании. В Рамаллахе в 1972 году Харб начал работать в арабской газете «Аль-Фаджр», издававшейся в Иерусалиме. Он устно и письменно выступал против израильской оккупации. Эта деятельность раздражала израильтян.

Представитель Израиля в ООН посол Яков Дорон заявлял: «Никто не содержится в тюрьме за политические

убеждения». Правительство позволяет коммунистам даже выступать на выборах в самом Израиле. Однако на Западном берегу Иордана запрещены все политические партии, равно как и их деятельность, а за коммунистами ведется слежка. Особенно интенсивно она проводилась с 1973 года, когда коммунисты Западного берега и Организация освобождения Палестины создали союз, который получил название Палестинский национальный фронт. В ночь с 21 на 22 апреля 1974 года против Фронта была предпринята специальная акция. Харб тоже был арестован.

Израильский представитель в ООН посол Дорон заявлял впоследствии, что Израиль арестовывал только «тех, против кого имелись обвинения в уголовных преступлениях». Однако большинству арестованных одновременно с Харбом обвинения такого рода никогда не предъявлялись. Нам известны девять человек (одним из которых был Харб), признававших себя коммунистами и брошенных в тот же израильский «Дом смерти». Трое были депортированы в Иорданию в 1975 году; двое других получили разрешение вернуться домой на Западный берег Иордана в 1976 году; Харб с еще одним узником был освобожден в этом году (1977). Двое продолжают оставаться в тюрьме. Никому из арестованных обвинение так и не было предъявлено. Остается фактом, что Харб отрицал причастность к какой-либо уголовной деятельности, против него не было выдвинуто обвинения. Это необходимо подчеркнуть только потому, что посол Дорон отводит обвинения в адрес Израиля, квалифицируя их как «попытки возбудить общественное мнение и прикрыть совершенные преступления». Таким образом, он использует указания на недоказанные преступления, чтобы отмести обвинения в применении пыток.

ЗАТОЧЕНИЕ В „ШКАФ“

Как сказал Харб, первый допрос оказался коротким. «Мы знаем, что ты против властей. Расскажи нам все, что ты знаешь по этому делу». Харб ответил, что у него нет никакой информации.

«Ну, хорошо,— сказал ведший допрос израильтя-

нин,— ты не хочешь говорить». Сделав жест в сторону охранника, одетого в солдатскую униформу, он приказал: «Уведите!»

В соседней комнате Харба раздели, дали надеть комбинезон военного образца и сфотографировали. Затем вновь повели на допрос. Ему предстояло видеть своего следователя много раз в течение последующих 16 дней.

«Он был плотен, смугл, черноволос, без усов. Слегка курчав. Не помню, имел ли он пробор или нет»,— рассказывал Харб. Ростом следователь был, как казалось Харбу, около 170 сантиметров. Возраст где-то между 32 и 40 годами. По-арабски он говорил с сирийским акцентом. Харб помнит также, что он всегда был одет в штатские брюки и рубашку с короткими рукавами. Избиение началось сразу же.

«Он сидел на столе, а я — на скамье. Он начал бить меня. 15 минут, 20 минут он хлестал меня по лицу»,— говорил Харб (здесь Харб снова предупредил, что он, возможно, неточно называет продолжительность избиения). При этом задавался один и тот же вопрос: «Будешь говорить?» Харб все время повторял, что ему нечего сказать.

В конце первого допроса Харбу опять надели на голову мешок и увели. С него сняли наручники, стащили комбинезон. Руки связали за спиной и голого, но с мешком на голове втолкнули в какое-то тесное помещение. Дверь захлопнулась. Несмотря на то, что в верхней части мешка были две дырки для воздуха, Харб боялся, что задохнется. И тогда, упираясь в стену головой, он сбросил мешок с головы. Он обнаружил, что находится в крохотной камере без окон, куда свет проникает через щель под дверью.

«Это был настоящий шкаф»,— говорит Харб. Как ему показалось, площадь камеры не превышала 60 сантиметров на 60, а высота — не более 150 сантиметров. «Мой рост 178 сантиметров, я не мог встать в камере в полный рост. Сидеть тоже было невозможно. Но любопытнее всего оказался пол: бетонный, беспорядочно усеянный острыми, с режущими ребрами каменными шипами высотой сантиметра полтора — два. Я не мог нормально стоять. Это было трудно и больно. Я вставал на одну ногу, а другую поджимал. Когда нога уставала,

я менял положение и поднимал другую ногу и так далее».

Харбу кажется, что он в первый раз провел в «шкафу» три или четыре часа, хотя его впечатление о времени, проведенном в таком положении, могло быть и ошибочным. Его освобождение из «шкафа», однако, не принесло облегчения. Дверь открылась, и солдат снял с него наручники, чтобы он мог одеться. Затем вновь связал ему руки, но уже впереди. Поскольку Харб ухитрился стащить с головы мешок, солдат ударил его и вновь затянул ему глаза, но на этот раз какими-то матерчатыми наглазниками вроде очков из черной материи, поверх опять был надет мешок. Харба вывели, как он полагает, во двор для новых надругательств.

«Там находились три или четыре человека. Я сосчитал их по голосам. Они били меня, а затем сказали: «А теперь становись на четвереньки». На земле оказалось много мелких камней, и ползать по ним было больно». Это доставляло Харбу особенное мучение, так как колени у него деформированы. «Эта мука продолжалась, может быть, около часа. Когда я ползал по земле, они били меня и катались на мне верхом, как на лошади».

Когда Харб снова оказался на допросе, следователь спросил: «Теперь ты видишь, где находишься?» Потом он начал периодически сильно трясти Харба. Вместе с другим израильтянином он задавал одни и те же вопросы. Они спрашивали: «Ты знаешь этого человека, а знаешь того?» И называли имена. Я отвечал отрицательно. Один из них сказал, что меня обвиняют в военных преступлениях. Я отрицал это. Тут он мне заявил: «Нам известно твое активное участие в этих делах». Я сказал: «Хорошо. Раз вы все знаете, знаете, что я играю активную роль,— докажите. Я знаю, что это неправда. Если у вас есть доказательства моей вины, представьте их». Мне отвечали: «Мы знаем. Мы все знаем». И били меня вновь».

Таким был первый день. Как сказал нам Харб, его заперли в камеру и позволили поспать. Утром все началось сначала. Так продолжалось четыре дня: «шкаф», двор, допрос, камера, хотя не всегда для отдыха. Процедура могла начаться в любое время дня и ночи. Иногда во время избиений во дворе Харба раздевали. «Они выводили меня во двор, отнимали одежду. Там находились

четыре или пять человек. Один наносил удар, я отлетал к другому, меня перебрасывали, словно мяч, некоторое время, потом заставляли ползать. Я, конечно, был голым. Кто-нибудь садился мне на спину, другие смеялись».

В другой раз Харба заставили заползти в собачью конуру площадью меньше двух футов. Собаки внутри не было, но у себя под ухом Харб слышал ее лай.

Харб слышал также крики заключенных. «Однажды, в начале моего пребывания, меня ночью заперли в «шкаф». Это было то ли в 9 часов вечера, то ли в 12 часов ночи. Потом меня вытащили оттуда, и я услышал несколько голосов. Это были крики боли, плача, мольбы: «О, моя голова! О, мой живот! Вы же убьете меня!» Харб говорил: «Я, конечно, не видел арестованных, но слышал их крики».

Естественно, центр был укомплектован с таким расчетом, чтобы работать не с одним человеком. В течение пяти дней, с 12 по 16 июня, Харба усиленно допрашивали шесть или семь человек. Все они носили штатское. Насилие применялось не на каждом допросе, но уж когда применялось, оно было крайне жестоким. Однажды, рассказывал Харб, его били палкой по ногам.

После такой пятидневки издевательства несколько ослабли. Его допрашивали еще 12 дней. Но допросы стали проходить без «шкафа» и тюремного двора. По этому поводу Харб сказал: «Не знаю, может быть, я смог убедить их в том, что я не совершал военных преступлений».

Согласно расчетам Харба, 28 июня его с завязанными глазами перевели из центра в тюрьму Ягур в пригороде Хайфы на севере Израиля. С ним были шесть или семь узников. В Ягуре началось заточение Харба. Из заточения он вышел в январе этого года.

Израиль отрицает, что Харба подвергали пыткам. Наиболее детальным в этой связи было выступление Дорона в ноябре прошлого года после публикации доклада «специального комитета» ООН о положении на оккупированных территориях, где наряду со многими другими делами упоминалось и дело Харба.

Адвокат Фелиция Лангер довела материалы ряда дел до сведения ООН. Дорон обрушился на нее, заявив, что подвергает сомнению ее действия под предлогом

того, что она «активный агитатор против государства... посвятивший себя клевете и очернению Израиля».

«Харб,— говорил Дорон,— был задержан для расследования его «подрывной деятельности в пользу террористической организации». Как только стали известны его жалобы на пытки, его осмотрели два врача, которые „ничего у него не обнаружили"». Арабской делегации из родного города Рамаллаха было разрешено навестить его. «Они также,— сказал Дорон,— были „удовлетворены тем, что с ним не обращались плохо"». По существу обвинений Харба Дорон сказал, что после тщательного расследования, проведенного израильскими властями, он может заявить о безосновательности разговоров о пытках. «Никого в тюрьме не держат с завязанными глазами и не связывают».

Другие стороны, вовлеченные в расследование, имеют иное представление о происходившем. Через день, или около того, после перевода Харба из центра, где его ранее допрашивали, последнего в тюрьме Ягур навестила его жена Афат. Ее, как она вспоминает, ужаснул вид мужа: «Он был страшен, бледен, сильно измучен и сильно похудел».

Она рассказала о том, что видела сама и что рассказывал ей муж. В Рамаллахе это вызвало возмущение жителей. Семью Харба там знают очень хорошо; деятельность самого Харба также известна. Его устные и письменные выступления создали ему определенную репутацию. Учитывая это, израильский военный губернатор Рамаллаха приказал перевести Харба из Ягура в местную тюрьму. И уже в местной тюрьме Харба осмотрели два израильских врача. «Они делали это небрежно»,— заявляет Харб.

С ним беседовал представитель Международного Красного Креста, которому он сделал официальное заявление о пытках. И, как сообщал Дорон, ему разрешили встретиться с местной делегацией: мэром Рамаллаха и родным братом.

Мы беседовали с тем и другим. Вопреки утверждениям Дорона оба заявили, что убеждены в имевшем место жестоком обращении с Харбом. Брат заявил, что Харб выглядел больным, сильно похудевшим. На его лице и теле сохранились следы жестокого обращения.

Что же означало израильское «беспристрастное расследование» дела? В начале июля, когда в связи с заявлениями жены Харба о пытках мужа поднялось возмущение, министр полиции Шломо Гилель объявил о проведении расследования под контролем полицейского офицера. Харба доставили в управление полиции в Рамаллахе для выяснения обстоятельств. Это был поверхностный, формальный опрос, считает Харб. Заключительный документ составил не более 500 слов. (Наша протокольная запись детального опроса Харба составила 11 тысяч слов.) Полицейский офицер допросил также шестерых подзащитных Лангер. В начале августа он представил свой доклад. Он отвергал все жалобы и заявления о пытках.

Лангер возобновила борьбу. Вместе с другим адвокатом, Валидом Фахумом, она направила заявление в Верховный суд в Тель-Авиве, утверждая, что расследование оказалось неполным и что министр Гилель не выполнил своего долга. С технической стороны суд мог только исследовать узкопроцедурный вопрос. Но адвокаты, конечно, надеялись на то, что суд рассмотрит более широкий спектор вопросов о самих жалобах и заявлениях. Суд так и поступил.

Однако процедура суда была столь странной, что отпали всякие сомнения. Свидетелей не вызывали. Более полных заявлений не принимали и так далее. 18 декабря (1976) иск против Гилеля был отклонен.

ЧЕТЫРЕ АНАЛОГИЧНЫХ СЛУЧАЯ

Как отмечалось выше, мы знаем 8 палестинских арабов, которые находились в специальном центре для допросов в то же время, что и Харб. Двое из них все еще находятся в заключении, но из 6 освобожденных мы встретились с 4 и проинтервьюировали их.

Их имена: Мохаммад Абу Габир,
Джемаль Фрейта,
Хальдун Абдель Хакк,
Хосни Хаддад.

Только Хаддад был выслан в Иорданию. (Он умер в Аммане в мае этого года; мы сохранили магнитофонную запись его рассказа.) Трое других живы и, как и Харб,

находятся на Западном берегу Иордана. Никому из них не было предъявлено обвинение.

Харб и эти трое заключенных сразу же после допроса находились определенное время вместе в Ягуре. Но затем двоих вывезли, и в заточении в той же тюрьме остались двое (Хакка и Фрейту перевели в Наблус). Хаддад не находился в Ягуре, но в течение нескольких дней он видел Харба, когда последний был привезен в Рамаллах для оформления продления его задержания в заключении.

Теоретически это дает возможность подозревать тайный сговор в целях фабрикации версии. Но только в течение этих дней в Ягуре могла быть создана легенда, которую затем сообщили Хаддаду. Имеются еще две другие позиции или обстоятельства. Первое, после депортации в Иорданию Хаддад не имел возможности видеться с другими. Второе, впервые мы интервьюировали Хакка и Абу Габира без всякого предупреждения и до того, как освободили Харба и Фрейту. Их мы опрашивали через несколько дней после освобождения. По нашему мнению, эти факты гораздо больше свидетельствуют о подлинности сообщенной информации, чем любая заученная наизусть версия.

Мохаммад Абу Габир, сапожник из Иерусалима, рассказывал о месте, в котором его допрашивали, как о «военном лагере», где охрана одета в военную форму. Его также раздевали, давали комбинезон военного образца защитного цвета, фотографировали. Он также рассказывал о «брезентовом мешке» с дырками наверху. Его также содержали с завязанными глазами за пределами тюремной камеры или комнаты для допросов. Как и Харб, он описывал «двор, усыпанный камнями», упоминал о присутствии собак.

Харб, которого просили описать внутренность и размеры центра, говорил, что он этого сделать не в состоянии. На этот же вопрос Габир ответил: «Я не могу сказать. Обычно они заводили меня в кружок...»

Джемаль Фрейта, рабочий из Наблуса, рассказывал о «тюремной униформе» и «черном мешке», надетом на голову, рассказывал, как голым ползал по земле. Ему также завязывали глаза.

Раз в день, говорил он, его помещали в место, которое он называл «холодильником», размером 60 на 60 сан-

тиметров и высотой 160 сантиметров. Он упоминал бетонный пол с шипами, с острыми, как бритва, краями.

Хальдун Абдель Хакк, партнер строительной фирмы в Наблусе, рассказал, как его раздевали, давали надеть «комбинезон», фотографировали. Его также обряжали в «черный брезентовый капюшон с двумя дырками в верхней части». О дворе он говорил, что это «какое-то открытое место», где его подвешивали за руки на крюк в стене. Он упоминает узкий шкаф, где «пол был усеян острыми, вделанными в цемент камнями».

Хосни Хаддад, в момент своего ареста владелец фабрики в Вифлееме, вместо «комбинезона» получал френч и брюки цвета хаки. Но «мешок» с двумя дырами был неизменен. Его заставляли ползать по земле в каком-то дворе и били. Он вспоминает камеру размером 50 на 50 сантиметров и высотой 150 сантиметров. Ее пол был усеян шипами, похожими на пальцы, но с острыми краями.

В рассказах Харба были детали, которые подтвердил Хаддад.

Изучив все сведения в целом, мы пришли к заключению, что в 1974 году Израиль имел специальный центр для допросов, находившийся в ведомстве армии. Там подозреваемых подвешивали за руки или за ноги, держали с закрытыми глазами, лишали сна и других человеческих потребностей, систематически причиняли физические и душевные страдания.

ГДЕ ВСЕ ПРОИСХОДИЛО?

Где же этот центр для допросов, этот «Дом смерти»? Наиболее вероятно, что он находился где-то на пути между Тель-Авивом и Иерусалимом, там видны антенны, охрана у входа и несколько приземистых зданий. На расстоянии 10 миль расположен крупнейший склад израильской армии — Сарафанд (Еврейский национальный фонд также использует Сарафанд для складирования дорожной техники, предназначенной для строительства дорог в новых поселениях в Израиле и на оккупированных территориях). Сарафанд занимает особое место в рассказах заключенных о перенесенных ими ужасах. Об этом говорят десятки заявлений и свидетельствует боль-

шинство допрашивавшихся в центре. Автоматически называется Сарафанд. Однако, как показывает анализ результатов опроса, это скорее предположение, чем утверждение. Такое предположение имеет свое историческое объяснение, ибо Сарафанд, построенный в Палестине во времена английского мандата как основной склад оружия английских войск, еще до начала второй мировой войны использовался мандатными властями как место заключения для арабов, арестованных в результате волнений, происходивших в Палестине в конце 30-х годов. Израильтяне используют его для тех же целей в настоящее время.

Как явствует из заявлений бывших заключенных, этот таинственный центр для допросов стал функционировать после войны 1967 года. Итак, одни утверждают, что этот центр расположен в Сарафанде, другие — в Газе.

НАСИЛИЕ — ИНСТРУМЕНТ ПОЛИТИКИ

Одной из целей жестокого обращения или пыток является, конечно, получение нужных показаний. Жестокое обращение может также иметь целью запугать сопротивляющееся население. Однако для этого требуется определенная степень гласности — полуоткрытое признание власти. Таково одно из возможных объяснений того, что происходит в Москобийе в Иерусалиме.

Москобийя занимает несколько акров в центре Иерусалима. Свое название место получило от располагавшегося здесь госпиталя для православных паломников. Внутри подворья за стенами ныне располагается тюрьма, склад запасных частей полицейских автомашин, бензозаправка и два ряда одноэтажных бараков. Большая часть подворья открыта для доступа публики: барак номер два занят учреждением, выдающим водительские права и удостоверения личности. В бараках номер четыре, шесть и восемь размещаются иерусалимские отделения израильской гражданской службы безопасности. В бараке номер четыре размещается «Мнотим» — управление по делам национальных меньшинств. Его возглавляет иракский еврей по имени Наим Шабо.

Восточный Иерусалим в отличие от других захваченных территорий не просто оккупирован Израилем, а

аннексирован в полном смысле этого слова. Арабы против своей воли оказались под юрисдикцией израильских законов. Функция «Миотим» и состоит в том, чтобы вести борьбу с «подрывными элементами» среди этих арабов.

В четвертом часу пополудни 15 декабря прошлого года Хедва Сарид вошла в барак номер 4. Она является секретарем адвоката Лии Цемель, израильской уроженки, с которой она условилась там встретиться. Она свидетельствует: «Я искала секретаря в приемной, но там никого не оказалось. Затем я услышала возглас: «Хаулян» (по-арабски это означает «немедленно», «сейчас же»). Дверь в кабинет, расположенный несколько далее по коридору, была полуоткрыта, и я заглянула в нее. Пять, шесть или семь человек стояли вокруг человека, в котором я узнала нашего клиента. Они что-то говорили ему все разом. Один из них, седоволосый мужчина, ударил нашего клиента ногой в пах. Клиент закричал и упал. Руками он схватился за ушибленное место. Я начала кричать на этих мужчин. Они вышли из комнаты, закрыв за собой дверь, и вытолкнули меня. Я увидела человека с седыми волосами и крикнула ему: «Я видела, как ты бил юношу. Я хочу знать твой номер. Это — беззаконие».

Он сказал: «Я начальник этого офиса. Меня зовут Наим Шабо. Что тебе здесь надо?»

Хедва Сарид не единственная, кто заявлял о насилии, увиденном в Москобийе. Служащий американской благотворительной организации, оказавшийся там в прошлом году по своим делам, вспоминает, что он видел, как из барака номер четыре выволокли на свежий воздух человека в полубессознательном состоянии и через несколько минут забрали обратно. В другой раз ему довелось видеть там человека, которого вели через двор, из его носа и рта текла кровь.

Клиент Лии Цемель, которого, по словам Хедвы Сарид, били в тот раз, был молодым человеком по имени Махмуд аль-Магриби. В 16 лет он уже имел несколько приводов и считался возмутителем спокойствия. Магриби подробно рассказал нам, как его били во время допроса, прерванного появлением Хедвы. Его рассказ в известной части был подтвержден другим узником. Магриби один из 24 палестинцев, которых мы опрашивали

в связи с их допросом в Москобийе. 22 из них заявили, что с ними обращались жестоко, и даже больше чем жестоко. Как и показания очевидцев в тюрьмах Рамаллаха, Хеброна или законспирированном центре для проведения допросов, заявления о происходившем в Москобийе неизменно включают перечень болевых приемов, применение которых характерно для данного места. В Москобийе практикуется также половое насилие или угрозы такого насилия. Девять опрошенных рассказывали нам о том, как их били по половым органам, описывая приемы этого надругательства. Необычным является то, что руководство «Миотим» явно прилагает мало усилий к тому, чтобы скрыть распространенные у них формы насилия. Создается впечатление, что, наоборот, управление изо всех сил старается продемонстрировать свою безграничную власть над Восточным Иерусалимом. Хотя большинство попадающих в их руки людей подвергается аресту во время ночных облав, многие просто получают вызов для проформы в виде письма. Речь в вызове идет якобы о беседе, но репутация «Миотим» среди арабов такова, что получившие такой вызов автоматически ожидают худшего. При этом большинство считает, что попытка скрыться безнадежна. По этой причине они являются по такому вызову и часто исчезают без следа. Никаких объяснений их семьям не дается. Другими словами, опыт Магрибы представляется типичным для тех, кого «Миотим» считает «возмутителями спокойствия». Но в Москобийе, как и в Каср ан-Нигая — «Доме смерти», занимаются не только допросами. В функции их сотрудников входит и получение признаний.

Излюбленный ответ Израиля на обвинения в жестокости и пытках — это фальшивки.

ОБЪЯСНЕНИЯ ИЗРАИЛЯ В ООН

В международном плане обвинения в адрес Израиля могут быть проиллюстрированы объяснениями, которые в ноябре прошлого года давал в ООН израильский представитель Яков Дорон: «Моя страна может гордиться уровнем скрупулезности в соблюдении законности на управляемых территориях».

Израиль, утверждал он, показал «либеральное и высококультурное отношение, включая смелое признание любых ошибок, которые он допустил, и стремление их исправить...».

Дорон допускает такие ошибки: «Верно, что в одном-двух случаях, которые мы считаем чрезвычайными, против заключенных, к сожалению, была использована сила. Один из этих случаев привел к смерти Ахмеда Дахдуля».

Дахдуль был забит до смерти солдатами в марте 1976 года прямо в автомашине, направлявшейся в полицейский участок в Тулькарме в 20 милях от Тель-Авива. Дорон заявил, что власти не проявляют снисхождения к виновным, не делают этого и суды... Закон строго применяется израильской администрацией. Офицер, принимавший участие в избиении, был признан виновным и приговорен к длительному тюремному заключению.

Когда Дахдуль умер, израильские власти объявили, что у него был сердечный приступ. Это сообщение подверг сомнению арабский врач, лечивший Дахдуля. Несмотря на начавшийся громкий ропот недовольства, правда выяснилась только четыре месяца спустя, когда власти неожиданно сообщили Фелиции Лангер, адвокату Дахдуля, что выдвигают обвинение против одного офицера в избиении арестованного.

Суд проходил при закрытых дверях. Дело рассматривалось в трибунале. Лангер не разрешили прислать в суд наблюдателя. Против солдат, участвовавших в избиении, не было предпринято никаких санкций. На суде не слушались свидетельские показания ни одного из арабов, которые тогда находились с Дахдулем в одном грузовике. Власти попросту заявили, что майор уволен из армии и на два года заключен в тюрьму. До сего дня Израиль отказывается назвать имя и место, где отбывает наказание виновный. В декабре прошлого года семья Дахдуля получила из Верховного суда уведомление о суде. Два месяца спустя их уведомили, что только Лангер будет разрешено ознакомиться с делом, да и то при условии, если она не будет копировать и делать выписки из документов. Лангер отказалась. Борьба за так называемые «смелые признания» Израиля продолжается. Продолжают поступать и жалобы...

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ 5

ЧАСТЬ I

Они — мои братья 19
День сегодняшний в образах вчерашнего 21
Превентивные аресты 25
«У нас, моя госпожа, не пытают, уверяю вас» 27
Халиль и Рамаллах, май 1974 года 28
Лондон — Тель-Авив, 1974 год 29
Судный день 33
Хосни и Аталла 36
«Папа, когда тебе разрешат вернуться домой?» 38
Печальная история Мохаммада Атвана 39
Оправдание после расследования по существу жалоб . . 41
Вулкан 44
Бакр из Наблуса 48
Деревянный протез 50
Новые административные аресты 52
Шестнадцатилетняя девушка, которая создала проблему властям 53
О том, как семья Фархата провела байрам 54
Депортация после ареста и пыток 55
Комиссия 57
Сирийские флаги над Голанскими высотами 61
Бьют только арабов 62
Университет Ибн аль-Голан 63
Хельсинки 66
Умм Шейх 70
Вторая голодовка заключенных 71
Демонстрация семей арестованных 72
Ад под крышей тюрьмы Газы 73
Лидице и Амвас 74
Зияд аль-Азза против государства Израиль 77
Ложное свидетельство 83
Мать Ибрагима 85
Львята за решеткой 88
Это случилось в тюрьме Ар-Рамля 89
Слишком дорогая цена 92
«Тюрьма помогла» 94
Оккупация законна. Сопротивление оккупации — вне закона 97

Неиссякаемый источник 99
Джихад Саад и лондонское телевидение 100
Пароль «Мабрук» 103
Разрушители 104
Когда молчит Фемида 107
Жизнь в могиле 110
Любовь к родной земле 111
Запретные слова 112
Ибрагим Горайба 115
Дети в суде 117
«Шин-Бет» и палестинская проблема 119
Страха больше нет 121
Кровью и слезами 123
Глаза 125
Взбунтовавшийся Наблус 126
Матери 127
Разъединенный Иерусалим 127
Взывай о помощи, о любимая земля 129

ЧАСТЬ II

Пресса свидетельствует 133
Израиль — государство узаконенного расизма 135
Арабы за израильской колючей проволокой 139
Преступления агрессора 144
Как на Западном берегу Иордана попираются права человека 147
Народ за колючей проволокой 152
Они пытаются заставить нас замолчать 157
Пытки в израильских тюрьмах 160

ИБ № 4570

Контрольный редактор *Н. Б. Мальцева*
Художник *Н. С. Клейнард*
Художественный редактор *В. А. Пузанков*
Технические редакторы *О. Черкасова, В. П. Перминова*
Корректоры *И. М. Лебедева, В. В. Евтюхина*

Сдано в набор 3.1.1979 г. Подписано в печать 5.VII.1979 г. Формат 84×108/32. Бумага типографская № 1. Гарнитура обыкновенная новая. Печать высокая. Условн. печ. л. 10,08. Уч.-изд. л. 9,66. Тираж 50 000 экз. Заказ № 3740. Цена 55 коп.

Издательство «Прогресс» Государственного комитета СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. Москва, 119021. Зубовский бульвар, 17

Ордена Октябрьской Революции и ордена Трудового Красного Знамени Первая Образцовая типография имени А. А. Жданова Союзполиграфпрома при Государственном комитете СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. Москва, М-54, Валовая, 28

Цена 55к.